Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**
Липецкий филиал

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

06 октября 2023 г. (г. Липецк)

Воронеж – 2023

УДК 316.33(06)
ББК 60.033.221я431
С56

Рецензент:
Черноусова И. П., профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, д-р филол. наук, доцент

Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты: материалы Всероссийской очной научно-практической конференции. 06 октября 2023 г. (г. Липецк) / под ред. Е.А. Барбашиной. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. – 132 с.

Материалы сборника научных трудов участников Всероссийской очной научно-практической конференции «Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты», состоявшейся 06 октября 2023 г. в г. Липецк, посвящены цифровым методам исследования советского прошлого, влиянию советской истории на реализацию государственной политики в Российской Федерации, оценке рисков и эффектов от использования советских практик в управлении социально-экономическими процессами, атрибутивным характеристикам памяти о Советском Союзе и практики романтизации советского прошлого в современных медиа. В сборнике представлены исследования ученых, преподавателей вузов и средних профессиональных учреждений, докторантов и аспирантов, практиков системы государственного и муниципального управления из России. Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов. Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 316.33(06)
ББК 60.033.221я431

© Коллектив авторов, 2023
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2023
© НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЯЕВА Г.А.
ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДЫ НА СВАЛКЕ ИСТОРИИ: СОВЕТСКИЙ ИСТОРИКО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОСТСОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ.....5

ВИКТОРОВА К.В.
ШКОЛЬНЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ СОБРАНИЯ КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ПРАКТИК.....10

ЗАЙЦЕВА Г.В.
СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВОВ – ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ.....16

ИВАНОВ А.Г.
СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ».....22

КИРЕЕВА Н.В.
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ.....29

КОБЫЛКИН Д.С.
ФИЛОСОФИЯ ИДЕАЛОВ В РОССИИ В XX В. И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.....34

ЛЕБЕДЕВА Г.Н.
«РЕГИОН ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА». КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ПРИМЕР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....42

ЛЕСНЫХ Е.В.
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....49

МИХАЙЛИН В.Ю.
РЕАНИМАЦИЯ ЖАНРА? НОВАЯ ВОЛНА В (ПОСТ)СОВЕТСКОМ ШКОЛЬНОМ КИНО.....52

ПОПОВА Е.А., БОГОСЛОВСКАЯ Н.А.
ОБРАЗ АФРИКИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....58

ПОПОВА Е.А.
ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....64

РАХМАТУЛЛИНА Р.Д.
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ
И КУЛЬТУРЫ 75

ФОМИЧЕВ А.Н.
АДАПТАЦИЯ СОВЕТСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕАЛИЯМ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 79

ЦЕЛЫКОВСКИЙ А.А.
ЖАНР АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ КАК СПОСОБ
РЕФЛЕКСИИ НАД СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ 86

ЦЫГАНКОВА Е.А.
«ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ» – НОВАЯ ЖИЗНЬ ПИОНЕРИИ 92

ЧУДИНОВА Е.В.
ЛИПЕЦК И КОТБУС: «ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ»
В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА 97

ШУКЛОВА Л.Г.
ВОЙНА КАК ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ БЕДСТВИЕ
И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАРОДА, НАЦИИ
(О ВОЕННОЙ ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО) 100

ШУРУПОВА О.С., ШУРУПОВА А.С.
ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА СССР И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В СОВЕТСКИХ ТЕКСТАХ 113

ГЛУХИХ И. Н
РОМАНТИЗАЦИЯ СССР У СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ) 126

Беляева Г.А., старший научный сотрудник,
Саратовский государственный художественный музей
им. А.Н. Радищева, г. Саратов

ИНСТРУМЕНТ ПРОПАГАНДЫ НА СВАЛКЕ ИСТОРИИ: СОВЕТСКИЙ ИСТОРИКО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОСТСОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация

В статье рассматриваются возможные причины, по которым сегодня советский историко-искусствоведческий дискурс остается практически не задействованным в процессах переформатирования истории отечественного изобразительного искусства XX века.

Ключевые слова: история советского изобразительного искусства, совстальгия.

В статье речь пойдет о достаточно специфической отрасли советского идеологического производства, а именно, об истории изобразительного искусства. В контексте современной, всё больше набирающей обороты ресоветизации, охватывающей самые разные сферы социальной реальности, – от системы государственного управления до культурной политики и отдельных кинематографических жанров, – история искусства кажется сферой почти маргинальной, в гораздо меньшей степени чем прочие подверженной ностальгическим настроениям. Разобраться в причинах этой ситуации представляется задачей тем более интересной постольку, поскольку само российское изобразительное искусство XX века, начиная от авангарда и заканчивая концептуализмом и соц-артом, привлекает все большее зрительское внимание. Однако прежде, чем переходить к экспликации и анализу причин этой ситуации, вероятно, имеет смысл вспомнить некоторые сущностные черты исходного феномена.

Отправной точкой процесса конструирования советского историко-искусствоведческого дискурса можно считать 1932-1933 годы, когда в стране с размахом праздновали первый юбилей Октябрьской революции. В связи с этим событием был не только организован масштабный «смотр» достижений советского искусства (выставка «Художники РСФСР за 15 лет» в Ленинграде и Москве), но и появились первые «исторические» публикации. Прежде всего – фундаментальный корпус «Советское искусство за 15 лет» [15], в котором были собраны наиболее значимые «документы эпохи». Во вступительных статьях И. Мацы к

разделам сборника еще нет того пафосно-декларативного тона и того набора идеологических клише, которые войдут в обиход и надолго утвердятся в советском искусствоведении с конца 1940-х годов, но речь уже заходит о превращении «искусства в средство политической агитации и культурно-просветительной пропаганды» [15, с. 14] как о несомненно позитивном завоевании первых лет советской власти. А также и об особой роли «партийных и государственных органов» в руководстве процессами, происходящими в художественной жизни страны. Более того, здесь закладывается сам принцип апеллирования к высказываниям «классиков марксизма-ленинизма» (в советскую эпоху – общенаучный) и делается одна из первых попыток сформировать ленинский цитатник по всем вопросам искусства[1].

Квинтэссенций следующего этапа развития советского искусствознания можно считать монографию Б.М. Никифорова, выпущенную в 1948 году к 30-летию советской власти. В предисловии академика А.М. Герасимова эта книга названа «первым опытом создания истории советского искусства» [10, с. 5]. И здесь мы сталкиваемся уже с той самой «фирменной» риторикой, которая будет звучать практически до последних лет существования СССР. Но, что самое главное, Никифоров и Герасимов оперируют теми концептами, которые впоследствии станут базовыми для любого советского историко-искусствоведческого нарратива: о советском искусстве как самом передовом и идейном искусстве мира, «национальном по форме и социалистическом по содержанию»; о принципе партийности, лежащем в его основе; об Октябрьской революции как водоразделе между «старым» / «безыдейным» / «декадентским» – и «новым» / «прогрессивным» / «социалистическим» искусством; о социалистическом реализме как единственно правильном и «высшем методе художественного познания». Наконец, здесь уже не только искусство, но и искусствоведение позиционируется как «могучее идеологическое орудие борьбы за социалистическое строительство» [10, с. 5]. И предъявляется вполне сформированная система «шедевров», а также иерархия жанров и художников.

Создателям этой, – условно «сталинской», – версии истории советского художественного процесса, наверняка должно было казаться, что «это навсегда». Однако вскоре после смерти «отца народов» начался процесс неспешной и осторожной корректировки искусствоведческого канона. В частности, «в историю» начали возвращать исключенных из нее мастеров – прежде всего, тех «звезд первой величины», кто имел

[1] К 1938 году это скромная выборка дорастет до полноценного советского «катехизиса», который будет издан под редакцией Михаила Лифшица [5].

признание и заслуги в дореволюционные и раннесоветские времена[1]. В короткой статье нет возможности рассмотреть все этапы и подробности этого процесса, можно лишь констатировать, что он не был равномерным и однонаправленным; что некоторые персонажи могли по нескольку раз – в зависимости от политической ситуации – появляться и исчезать из исторических повествований; и что в пределах одного периода (хрущевского, брежневского) могли возникать достаточно сильно разнящиеся картины истории художественного процесса, – например, в зависимости от жанра искусствоведческого нарратива или от авторства. Академические труды и учебники, как правило, гораздо более ригористичны по сравнению с текстами, написанными музейными, «союзными» или университетскими искусствоведами.

В позднесоветские десятилетия необходимость расширения поля «исторического зрения» – и, соответственно, включения в историю искусства XX века «забытых» или опальных художников, осознавалась уже многими искусствоведами[2]. В постсоветский период эта задача стала первоочередной.

С распадом СССР началась и кардинальная перестройка всей системы отношений в сфере художественного производства: изобразительное искусство, наконец, освободилось от тех функций, которые были ему вменены с первых лет советской власти – служить орудием идеологической пропаганды и мобилизовать советских граждан на выполнение очередных «великих задач» (хотя, по большому счету, к моменту кончины СССР эти функции оно не выполняло уже давно). Художники и искусствоведы перестали быть интересны новой власти, которая, во-первых, не имела какой-либо четко артикулированной идеологической программы, а во-вторых, на случай появления таковой, уже имела под рукой более эффективные средства доставки агитационного месседжа (телевидение, интернет). Вместе с освобождением от обязывающих рамок «теории отражения» искусствоведы получили и возможность критически переосмысливать историю отечественного изобразительного искусства XX века по своему собственному разумению, – поскольку прежняя ее версия уже воспринималась как фикция. Марксистская эстетика и «научное искусствоведение»

---

[1] Весьма информативна и показательна в этом отношении «историческая судьба» символиста и «голуборозовца» П.В. Кузнецова (Подробнее об этом см.: [6, с. 34-59]).

[2] В числе прочих можно вспомнить как монографические исследования – О.О. Ройтенберг [12], Д.В. Сарабьянова [14], А.А. Русаковой [13], Л.В. Мочалова, А.И. Морозова, Г.Г. Поспелова [11] и многих других, так и альбомы и сборники статей [4].

очень быстро и очень тихо сдали свои позиции. Одной из главных причин этого резкого слома, очевидно, стала их программная «идеологическая предвзятость» и как следствие – методологическая ограниченность. Из поля зрения советских искусствоведов выпадало множество феноменов, которые либо полемически отрицались как «буржуазные» (и как таковые подлежали не анализу, но присваиванию им идеологических ярлыков), либо старательно и последовательно игнорировались, поскольку для их осмысления просто не было адекватного аналитического инструментария. В постсоветской действительности, в условиях разгерметизации социальной системы стройная и всеобъемлющая теоретическая конструкция марксистского искусствознания оказалась вовсе не всеобъемлющей и утратила «легитимность». Началось интенсивное освоение опыта западных искусствоведческих традиций, которые, в отличие от советского марксизма, обладали более разнообразным методологическим арсеналом и не исключали из поля зрения модернистских и постмодернистских направлений искусства. С середины 1990-х годов предпринимаются попытки вписать российское искусство XX века в контекст мирового художественного процесса [1, 2, 3]. В «новой истории искусства» начинают пересматриваться представления о периодизации, проблематизируются канонические концепты («соцреализм» пытаются переопределить, основываясь на не марксистских представлениях [7]) и создаются новые («искусство третьего пути» [8], «неофициальное искусство» [9], «соц-арт» и т.д.). Вводятся новые критерии «качества» произведений, пересоставляются списки значимых персоналий, отменяются прежние иерархии.

Таким образом, сфера, бывшая когда-то унылой периферией советского идеологического производства, превратилась в пространство актуальной социальной рефлексии, в котором на протяжении двух последних десятилетий происходила активная проработка «тоталитарной травмы» и шел не просто пересмотр – но *критическое* переосмысление истории. И здесь остается только предположить, что именно критичность и рефлексивность, характерные для «новой истории искусства» в сочетании с невниманием к ней постсоветских властных элит до настоящего времени служили более или менее надежным противоядием от совстальгии.

Список цитируемой литературы:

1. Андреева, Е.Ю. Постмодернизм: Искусство второй половины XX века – начала XXI века. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. – 488 с.

2. Герман, М.Ю. Модернизм. Искусство первой половины XX века. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – 480 с.

3. Голомшток И.Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. – 362 с.

4. Искусство Советского союза. Альбом. 2-е изд. Вст. ст. Г.А. Недошивина. Л.: Аврора, 1985. – 688 с.

5. Ленин о культуре и искусстве: Сборник статей и отрывков / Сост. Мих. Лифшиц. Москва : Изогиз, 1938. – 324 с.

6. Михайлин, В.Ю., Беляева Г.А. Благо, которое нельзя утратить: символическая тайнопись Павла Кузнецова // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В.Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. с. 34–120.

7. Морозов, А.И. Соцреализм и реализм. Москва : Галарт, 2007. – 271 с.

8. Мочалов, Л.В. В поисках третьего пути // Петербургские искусствоведческие тетради. Вып. 16. Санкт-Петербург : 2009. – С. 216–231.

9. Неофициальное искусство в СССР. 1950–1980-е годы / ред.-сост. А.К. Флорковская, отв. ред. М. А. Бусев. Москва : БуксМАрт, 2014. – 480 с.

10. Никифоров, Б.М. Живопись. Краткий очерк. М.; Л.: Искусство, 1948. – 176 с.

11. Поспелов, Г.Г. Бубновый валет. Москва : Советский художник, 1990. – 272 с.

12. Ройтенберг, О.О. Неужели кто-то вспомнил, что мы были…: из истории художественной жизни. 1925–1935 / сост. Т.И. Кононенко, И.А. Никифорова, В.Н. Шалабаева. Москва : Галарт, 2004. – 543 с.

13. Русакова, А.А. Павел Кузнецов. Л.: Искусство, 1977. – 284 с.

14. Сарабьянов, Д.В. Русские живописцы начала XX в.: новые направления. Л.: Аврора, 1973. – 208 с.

15. Советское искусство за 15 лет. Материалы и документация / Под ред. И. Маца. Сост.: И. Маца, Л. Рейнгардт и Л. Рempель. М.; Л: ИЗОГИЗ, 1933. – 664 с.

Викторова К.В., канд. филол. наук,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ШКОЛЬНЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ СОБРАНИЯ КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ПРАКТИК

Аннотация

Школьные родительские собрания рассматриваются как вид очной групповой коммуникации. Формулируются правила этой коммуникации в советскую эпоху. Обсуждается применение этих и других правил в постсоветскую эпоху и последствия их применения.

Ключевые слова: родительское собрание, правила групповой коммуникации, индустриальное и постиндустриальное общество, фрустрация, чувство сообщества, эмоциональное благополучие

Введение. В рамках этой статьи мы будем рассматривать школьное родительское собрание как одну из форм очной групповой коммуникации, т.е. как одно из целого ряда разнообразных явлений: собрание собственников жилья, «гости», рабочее совещание, встреча клуба цветоводов, групповая экскурсия, чествование юбиляра, уличный митинг, военный парад, школьный урок и пр. — все это виды групповой коммуникации, более или менее формализованной, более или менее эффективной, вызывающей у участников те или иные переживания. Представление о правилах, по которым протекают разные виды групповых коммуникаций, является компонентом групповой идентичности.

Далее я хочу проанализировать правила, по которым протекает школьное родительское собрание, — какими эти правила были в советское время, какими стали теперь, насколько они формализованы и осознаны, как к ним относятся участники этого вида групповой коммуникации и к каким последствиям приводит применение этих правил.

Советский опыт. Словом «советский» я называю здесь исторический период, во время которого в нашей стране завершились процессы урбанизации, индустриализации, произошел первый демографический переход, сформировалась система обязательного массового образования — т.е. сложилось общество индустриального типа, к концу этого периода начавшее переход к постиндустриальному. В рамки данной работы не входит анализ правил протекания родительских собраний в советской школе с точки зрения того, продиктованы эти правила соображениями советской идеологии или самим по себе устройством индустриального общества.

Советская педагогическая мысль останавливается на самых разнообразных предметах, но родительские собрания ее не привлекают. В библиографическом указателе статей журнала «Советская педагогика» [1] среди десятков тысяч статей словосочетание «родительское собрание» встретилось лишь в одном названии. Я могла что-то пропустить, но оценить масштаб несложно. Либо авторам, либо редколлегии, либо и тем, и другим родительские собрания не представлялись важной темой, и в журнале о них не писали. Можно сказать, что правила, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем, практически не рефлексировались.

1. Родительские собрания воспринимаются как *двусторонняя* коммуникация: с одной стороны в ней участвует классный руководитель и, возможно, другие представители школы, с другой стороны — родители. Родители выступают как единая сторона, общение между родителями в процессе собрания не предусмотрено. Содержательное общение между учителями в процессе собрания тоже не предусмотрено: задача классного руководителя и других представителей школы — поговорить с родителями, а не друг с другом. Таким образом, на собрании школа как целое общается с родителями класса как целым.

2. Это *однонаправленная* коммуникация: информация движется от школы к родителям, но не наоборот. Если школа нуждается в информации, которой владеют родители, используются другие каналы, например посещение семей или «вызов в школу». Иногда родители, пришедшие на собрание, заинтересованы в получении информации от школы, иногда они предпочли бы остаться в неведении, но в любом случае их задача — прием, а не передача информации.

3. И в этом состоит основная функция родительского собрания — *информационная*: родители собираются, чтобы школа сообщила им то, что считает нужным сообщить. Это самый экономный по времени и трудозатратам способ донесения информации. Как говорилось выше, все родители выступают как одна сторона коммуникации, соответственно все они получают одну и ту же информацию.

4. Поскольку родители, как уже говорилось, рассматриваются как единая сторона коммуникации, то и информацию о каждом ребенке, о котором школа считает нужным сообщить на собрании, получают все присутствующие родители. Сама структура этой коммуникации, то, что в ней только две стороны, технически исключает соблюдение личных границ учеников и их семей.

5. Информация, которую школа сообщает родителям, не подвергается сомнению. Школа обладает достоверным знанием о том, что, как и почему происходит в учебной жизни детей, и опираясь на это знание, вырабатывает для родителей рекомендации, тоже не подверга-

емые сомнению. Родители, получив рекомендации, могут решить соблюдать их или не соблюдать, но второй вариант обусловлен не тем, что родители находят их неправильными, а тем, что это не так важно, требует слишком много ресурсов и т.п. В целом авторитет школы в вопросах обучения детей не оспаривается.

Разумеется, на миллионах родительских собраний, проведенных миллионами советских учителей в течение десятков лет, бывали разные отклонения от этой схемы, собрания в сельских школах отличались от городских, собрания сороковых годов от собраний восьмидесятых, но я полагаю, что в целом эти правила довольно точно описывают этот вид коммуникации.

Постсоветский опыт. Говоря о постсоветской эпохе, я опираюсь на собственный опыт школьницы, родителя троих детей школьного возраста, опыт работы в государственной школе и в альтернативном образовании, рабочего и неформального общения с сотнями родителей, детей, учителей и представителей школьной администрации, в т.ч. на различных мероприятиях, посвященных образованию, на данные СМИ, соцсетей и интернет-форумов, а также на ряд интервью, принять участие в которых любезно согласились подписчики нескольких телеграм-каналов об образовании. Среди согласившихся на интервью есть классные руководители, учителя-предметники, методисты, родители школьников.

Очевидно, что правило 3 (собрание выполняет информационную функцию) в большой степени утратило актуальность: эту функцию выполняют теперь дистанционные средства коммуникации. В повестку первого собрания класса включаются вопросы об использовании обязательного канала онлайн-коммуникации “Электронный дневник”, о выборе дополнительного канала — мессенджера или социальной сети, и о правилах пользования им. Вопросы о дополнительном канале могут решаться по-разному: иногда у школы есть готовое решение, иногда инициируется дискуссия, в результате которой групповое решение принимается голосованием или иным образом. В дальнейшем родители ожидают, что большую часть необходимой информации они смогут получить дистанционно.

Правило 4 (все родители получают информацию обо всех детях, о которых школа хочет что-то сказать) существенно трансформировалось. Возникло разделение информации на общую и приватную: на родительском собрании обсуждается класс в целом и общие вопросы, а не отдельные дети и проблемы отдельных семей. Родители ожидают, что, во-первых, их собственного ребенка не будут обсуждать в негативном ключе, во-вторых, их время не будут занимать обсуждением чужих детей в каком бы то ни было ключе.

Трансформации подверглось и правило 2 (школа передает информацию, а не получает). По сравнению с советской эпохой пространство выбора увеличилось, и у школы регулярно возникает необходимость узнать выбор родителей. Выше упоминался выбор канала дистанционной коммуникации. Также на выбор родителей могут/должны выноситься вопросы о прививках, анализах, социально-психологическом и наркологическом тестировании, платных дополнительных занятиях, об организации праздников и внешкольных мероприятий и участии в них. Часть этой коммуникации протекает в письменной стандартизованной форме: родители получают бланки согласий на прививку, договоров о посещении кружков и пр. и прямо на собрании заполняют в соответствии с собственным выбором. Часть может протекать тоже в письменной форме, но не стандартизованной: родители составляют список участников внешкольного мероприятия и т.п. Часть вопросов становится предметом общей дискуссии. Таким образом, правило 1 (родители выступают как единая сторона коммуникации) тоже изменилось: родителям предоставляется возможность как принять собственное решение относительно своего ребенка, так и повлиять на общее решение.

Правило 5 (авторитет школы в вопросах обучения непререкаем), пожалуй, изменилось сильнее всего. Монополия на педагогическое знание утрачена. Заинтересованные и даже незаинтересованные родители имеют массу других источников, которым часто больше доверяют. Утверждения школы об учебной жизни ребенка часто подвергаются сомнению.

В 1990-х — нач. 2010-х гг. важную часть повестки родительского собрания составляли вопросы о расходах, которые не покрываются государственным финансированием. Эта часть школьной жизни порождала немало конфликтов. В 2015 г. Министерство образования официально разъяснило недопустимость “школьных поборов” и создало сервис “Нет поборам”, через который родители могут пожаловаться на то, что школа вымогает деньги. Разумеется, деньги собирать не перестали, но теперь это делается в отсутствие представителей школы: во время собрания классный руководитель покидает класс, родители так или иначе решают финансовые вопросы без него, после чего классный руководитель возвращается и продолжает вести собрание. Об этой удивительной практике сообщают многие, и я сама была этому свидетелем.

Обсуждение результатов. К сожалению, специфические условия, в которых складывается и функционирует российское общество в постсоветское время, особенно в последнее десятилетие и особенно

после 24 февраля 2022 г., осложняют анализ российской социальной действительности при помощи широко признанных концепций, доказавших свою эвристичность (теории постиндустриального общества (Д. Белл), информационного общества (М. Кастельс и др.), посткапиталистического общества (П. Друкер), “текучей современности” (З. Бауман)). Если в начале XXI в. в России шел процесс формирования достаточно типичного постиндустриального общества (второй демографический переход, рост доли третичного сектора и в ВВП, и в занятости населения, развитие и распространение информационных технологий, распространение образа жизни среднего класса, внедрение разных форм непрерывного образования и пр.), после 2014 г. ситуация изменилась. Тем не менее, можно утверждать, что сегодняшние родители, представители постиндустриального общества, в отличие от советских: получают очень много информации и привыкли быть онлайн; живут с ощущением постоянной нехватки времени; привыкли, что производители борются за их внимание; вынуждены постоянно совершать выбор в условиях неопределенности; не принадлежат к стабильным сообществам; имеют более разнообразный жизненный опыт; не считают школу несомненным авторитетом в обучении детей.

Попытка разговаривать с такими родителями по правилам советских родительских собраний обречена на неудачу: они не готовы быть единым целым, не готовы признать абсолютный авторитет школы в вопросах обучения, хотят не столько слушать, сколько быть услышанными, и не понимают, зачем собираться всем в определенное время в определенном месте лишь для получения информации.

При этом проанализированные материалы показывают, что все участники родительских собраний по-прежнему считают их главной функцией передачу информации, что приводит к высказываниям в духе “бессмысленная потеря времени, все вопросы решаются стандартно через ватсап”, “Объективно не вижу <цели родительских собраний> …когда можно с каждым родителем списаться-созвониться” и т.п. (цитаты из интервью).

В чем может быть цель родительского собрания, если не в обмене информацией? На мой взгляд, ответ лежит в плоскостях социального взаимодействия и эмоционального благополучия. Родители класса могут быть сообществом, которое дарит своим членам ощущения эмоциональной безопасности, влияния, доверия, связи и т.п. переживания, как описано в [2]. Все, что связано с детьми, вызывает эмоции высокой интенсивности у вовлеченных родителей; передаче информации эмоции только мешают, но если собрания организовать по-другому, они могут быть местом комфортного выражения эмоций, взаимного принятия, го-

раздо более глубокого и обогащающего взаимодействия, чем при обмене только информацией. Участие в правильно организованных групповых дискуссиях дает незаменимые эмоции и опыт.

Существуют технологии, действующие именно в этих плоскостях: известны способы организовать групповую дискуссию, повысить вовлеченность участников и эффективность взаимодействия, создать пространство, безопасное для проявления эмоций, постепенно сформировать сообщество и т.п. Многие из них с успехом применяются в частных школах и различных образовательных проектах. Прибегают к ним и некоторые классные руководители в государственных школах: занимаются формированием сообщества, в общении с родителями сосредоточены не только на уровне передачи информации, но и на эмоциональном уровне, организуют групповые дискуссии не хуже опытных модераторов, не боятся конфликтов с родителями или между родителями, потому что знают, как управлять конфликтами.

Заключение. Школа имеет полномочия и техническую возможность регулярно в течение нескольких лет собирать вместе одну и ту же группу взрослых людей и полтора-два часа безраздельно владеть их вниманием — в современном мире это ценнейший ресурс, но сейчас он расходуется не самым удачным образом. Копирование советских практик приводит к фрустрации всех участников, снижению взаимного доверия родителей и школы и выгоранию тех, кто должен отвечать за успех этого безнадежного предприятия. Способы изменить ситуацию существуют, применяются и обсуждаются, но до широкого распространения или хотя бы привлечения внимания к этой теме пока далеко.

В том, что произошло (вернее, не произошло) со школьными родительскими собраниями, я вижу частный случай отношения государства к трансформации общества: стремление ее игнорировать и придерживаться, где только возможно, советских или более древних практик. В последнее время стремление игнорировать трансформацию общества сменилось стремлением ее отменить.

Но отменить ее невозможно.

Список цитируемой литературы:

1. Харисов, Ф. Ф. и др. Педагогика: Библиография статей журнала "Педагогика" ("Советская педагогика"), 1937 – 2002. М.: Классикс Стиль, 2003

2. Chavis D., McMillan D.W. Sense of Community: A Definition and Theory // Journal of Community Psychology. 1986. 14(1). Pp. 6 – 23

Зайцева Г.В., учитель МБОУ
«Лицей № 120 г. Челябинска», г. Челябинск

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВОВ – ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В РОССИИ

Аннотация

Статья раскрывает исторические факты ВОВ, которые оказывают влияние на реализацию государственной политики памяти в России.

Ключевые слова: память, Великая Отечественная война, патриотизм, дух народа, стойкость, мужество и массовый героизм, братство народов, победа.

Великая Отечественная война1941-1945 гг. завершилась почти 80 лет назад. Уходят из жизни последние ее очевидцы. Все мы, потомки великих героев, тех, кто воевал за Отечество, решаем вопрос сохранения памяти о погибших воинах, о тех, кто трудился в тылу на благо Отчизны для обеспечения нашей мирной жизни.

Войну выиграл не просто «простой советский человек», совершен общий подвиг всеми народами Советского Союза. Единство и братство народов союзных республик в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) показало свою жизнеустойчивость, что явилось важным фактором Победы. Когда мы были едины, мы были непобедимы. Это относится и к настоящему моменту истории Российской Федерации, объединяющей разные народы в одно государство» [4, с.28]. Поэтому и сегодня в каждой семье помнят подвиг народа, который состоит из крупиц крови, пролитой в том числе членами семей России ее и братских народов.

Художественная литература, фильмы о войне, исторические факты рассказывают нам о героях войны: о тех, чей подвиг был отмечен наградами и о тех, кто лег во сырую землю безымянным. Однако, некоторые граждане России все реже вспоминают подвиг народа, в основном, перед празднованием Дня Победы.

Формирование книги памяти участников ВОВ в каждой семье поможет сохранить благодарную память для будущих поколений за мир, в котором мы живем, осознать силу и мощь народа, к которому принадлежим, осознанием ценности независимости государства, добытой доблестью, героизмом и кровью и потом наших предков.

Становление патриотических чувств, уважения, гордости за подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне в исследовании

семейной истории в период Великой Отечественной войны возможно, если молодые люди будут изучать историю военного времени, осознают реальные людские потери, узнают как можно больше сведений о своих близких, которые выявят. Таким образом раскроется и значение памяти для формирования единства народа на основе патриотизма, проявленного советскими людьми в период ВОВ;

Великая Отечественная война 1941-1945 года стала страницей горя и потерь советского народа, объединившего в великом сражении за свободу все национальности великой страны.

В Великой Отечественной войне (ВОВ) сражались бок о бок и погибали русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, таджики, чеченцы, армяне, грузины, азербайджанцы и другие народы великой страны, оставившие своих близких в тылу, защищая мир, труд и покой женщин, стариков, детей.

В тылу во имя Великой Победы работали те, кого защищали: женщины, старики, дети, которые вставали к станкам и в 12-14 лет, работали на Победу. Военные действия и часто непосильные труд граждан в тылу во имя Победы привели к огромным потерям, которые были рассекречены только в 2017 году на слушаниях в Государственной Думе, где были названы наиболее приближенные к правде цифры: «Согласно рассекреченным данным Госплана СССР, потери Советского Союза во Второй мировой войне составляют 41 миллион 979 тысяч, а не 27 миллионов, как считалось ранее. Общая убыль населения СССР в 1941-1945 годы — более 52 миллионов 812 тысяч человек. Из них безвозвратные потери в результате действия факторов войны — более 19 миллионов военнослужащих и около 23 миллионов гражданского населения» [10].

Потери Великой Отечественной войны определялись в том числе пятью наиболее крупными сражениями, которые на каждом этапе изменяли ход войны, одновременно уносили жизни миллионов одних солдат, а других, как и всего Советского народа, приближали к Победе. В этот перечень вошли: Московская битва (1941 — 1942 гг.), Сталинградская битва (1942 — 1943 гг.), Курская битва (1943 г.), Белорусская операция (1944 г.), Берлинская операция (1945 г [5].

Каждая военная операция не только великих, но и других сражений, освободивших Крым, города Украины, Молдавии, Прибалтики, уносила миллионы жизней советских солдат.

Сохранение памяти о войне, выявление фактов о тех, кто воевал на фронтах ВОВ, кто ковал Победу в тылу, — это святая обязанность потомков. Сохранность народа, его культурных и исторических традиций в целом, определяется памятью потомков о его великих победах.

Мы все дальше уходим от периода войны, практически не осталось живых ветеранов войны, а восстановление реальных действий войны необходимо. В России всегда воспитывали детей на уважении к памяти предков, дети, внуки, правнуки готовы помнить своих героев, что имеет важное значение для формирования памяти народа. Существуют разные мнения исследователей о ценности сохранения памяти о делах, победах пращуров в памяти потомков.

Исаев, Р. А. говорит о том, современная молодежь должна иметь твердое представление о тех духовных константах, в решающей мере определивших дух народа, его стойкость, мужество и массовый героизм, к которым относятся: «советский патриотизм, подкрепленный глубинной энергией многовековых культурных, религиозных традиций своих предков, фронтовое братство людей, представителей разных конфессий, наций и народностей.» [2, с.36].

Кочурова Т. Н. считает, что всякое людское сообщество определяется его историей и представляет собой то, что оно само вынесло из собственного прошлого. [3, с.81]. Поэтому столь необходимо знать о своих предках, именно поэтому история всегда сохранялась народами для собственной идентичности.

Морозова Н. М. определяет историческую память как «составляющую часть культурно-исторического кода нации, призванную выполнять консолидирующую, объединяющую российский социум функцию, играя роль ценностного ориентира для различных социальных групп» [6 с.61], поэтому сохранить память – значит, сохранить код нации.

Какие особенности не выявлялись в значении памяти, можно сказать, что все исследователи сходятся в одном: сохранение памяти необходимо в формировании части культурного наследия и воспитания патриотизма народа, нации, государства, для сохранности национальной самобытности, воспитания граждан-патриотов, и формирования патриотизма каждого гражданина государства.

Сидорова С. Н. отмечает, что, отдаляясь от событий суровых лет ВОВ, с уходом очевидцев появляются попытки переписать историю [8, с.16], наша задача не допустить историческую

Ямшанов Б. А. считает, что несмотря на то, что фашизм был осужден, исторически была определена ведущая роль Советского Союза во II Мировой войне, сегодня многие противостоящие нашей Родине силы, стараются вычеркнуть победы в Советского Союза, преуменьшить заслуги советских воинов в достижении Великой Победы, как в ВОВ, так и во II войне. Ямшанов подчеркивает, что не смотря на три события, произошедшие более 70 лет назад, позволили челове-

честву по сей день жить без крови и ужасов мировой войны: наша Великая Победа, Нюрнбергский процесс, (Суд народов над фашизмом), и создание Организации Объединенных Наций, эти эпохальные победы добра над злом сегодня подвергаются сомнениям и пересмотру [11].

Нашим поколениям необходимо восстановить исторически неверные факты истории, устранить историческую несправедливость, попытки навязать сохранить память о Великой Отечественной войне и нашего, и всех последующих поколений.

Во имя правды современная молодежь России должна не просто восстановить историческую справедливость в памяти людской, поскольку нам необходима, не только историческая справедливость, но и постоянно сохранять наше историческое наследие, связанное с Победой, основанной на традициях наших предков, основанных на любви к Родине: взаимовыручке, поддержке слабых сильными, богатых бедными, объединении всех народов, проживающих на территории России, исторического единства наших народов.

Неслучайно говорят о том, что война коснулась каждой советской семьи, отозвалась болью и страданиями в каждом сердце советских людей — современников ВОВ и их потомков.

Люди, прошедшие войну, не любили и не хотели говорить о пережитых страшных событиях, а многие канули в неизвестность, потому что погибли и не вернулись с фронтов ВОВ, их судьбы остались в неизвестности: но память о войне и о каждом, канувшем в лету воине необходимо восстановить и сохранить.

Время идет вперед, развиваются IT-технологии, сеть Интернет, которая дает возможность создания порталов памяти оцифрованных документов войны, и в региональных архивах, и в архивах России идет оцифровка документов, из которых можно почерпнуть сведения о Великой Войне и ее участниках.

В поездке «По местам боевой славы» в 1972 году, в работе по выявлению имени и памяти Героя, приняли участие и ученики школы №120 г. Челябинска. Они узнали, что у Федора Савина, первого секретаря Тракторозаводского райкома партии, где находится школа, была надежная бронь, и разрешение воевать Савин выбивал лично, в Свердловске. Будучи политруком в штабе, наш земляк постоянно участвовал в боях на передовой. 2 марта 43-го года стрелковый полк, под Харьковом, на Украине, где служил 37-летний Савин, попал в окружение. В ожесточенном бою наш земляк пал смертью храбрых и был похоронен в братской могиле. Вместе с ним в ней лежали еще 400 человек, но только 40 из них, в том числе Савина, опознали. Имя Федора Савина

носит улица на ЧТЗ [1]. Школьники 120 школы г. Челябинска, разговаривая с очевидцами войны под Харьковом, в 1972 году, обнаружив имя на памятнике братской могилы, привезли полученные сведения в Челябинск, выяснили, как и где воевал Федор Савин и выступили инициаторами названия улицы его именем.

Современность диктует новые возможности: усилиями государства, постепенно открывают сведения архивы, появляются новые сведения стараниями поисковых групп, каждая российская семья может принять участие в формировании истории своих родственников, погибших в Великой войне, формируя память людей. Новые технологии, открытые архивы, движения памяти (в том числе «Бессмертный полк») предоставляют новые возможности для потомков, в поддержке семейной памяти, а, значит, и памяти народа.

Список цитируемой литературы:

1. Голлай, И. 10 улиц Челябинска, названные в честь легендарных воинов www.chel.kp.ru URL: https://www.chel.kp.ru/daily/26369.7/3249624/ дата обращения 15 июля 2023 г.

2. Исаев, Р. А. Тема подвига советского народа в вов, как существенный фактор борьбы с радикализмом / Р. А. Исаев // Великая Отечественная война в исторической памяти мирового сообщества : Материалы Всероссийской научной конференции к 75-летию победы в ВОВ. Ежегодный теоретический и научно-практический журнал «Вестник ПОУ «ГПК». — Махачкала : Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2020. — С. 34-37. — EDN BGDCPK.

3. Кочурова, Т.Н. Основные подходы к изучению феномена исторической памяти. / Т.Н. Кочурова // Культурные тренды современной России: от национальных истоков к культурным инновациям : Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В 5-ти томах, Белгород, 28 апреля 2021 года. Том 1. — Белгород: Белгородский государственный институт искусств и культуры, 2021. — С. 79-82. — EDN LJFYGO.

4. Лушников, И. Д. Идеи и смыслы Великой Отечественной войны для «уроков Памяти» / И. Д. Лушников // Источник. — 2020. — № 1. — С. 27-31. — EDN MRDBBM.

5. Михалдык, А. Пять главных сражений Великой Отечественной https://primgazeta.ru URL: https://primgazeta.ru/news/5-the-major-battles-of-the-great-patriotic-15-04-01#:~:text=1 дата обращения 15 июля 2023 г

6. Морозова Н. М. Историческая память как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества / Н. М. Морозова,

С. В. Устинкин. — Текст: непосредственный // Власть в XXI веке: социокультурные аспекты политических процессов: монография / под общ. ред. М. И. Рыхтика, А. Н. Фортунатова. — Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. — С. 59—79.

7. Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» rf-poisk.ru URL: https://rf-poisk.ru/page/230/ дата обращения 15 июля 2023 г

8. Сидорова, С. Н. Забытые подвиги / С. Н. Сидорова, С. М. Литвенюк, Н. А. Долгушева. — Текст : непосредственный // Юный ученый. — 2020. — № 3 (33). С. 15-24. — URL: https://moluch.ru/young/archive/33/1953/ дата обращения 15 июля 2023 г

9. Старых Н. П. Историческая память о Великой Отечественной войне в сознании орловской студенческой молодежи/ Старых Н. П. // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14-16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. — Тюмень: Российское общество социологов, 2020. — С. 1298-1302. — DOI 10.19181/kongress.2020.146. — EDN OCKLCM.

10. Черепанов, М. В. Они не вернулись из боя: рассекречено число погибших в Великой Отечественной войне realnoevremya.ru URL: https://realnoevremya.ru/articles/58108-o-rassekrechennyh-arhivazh-sssr-i-realnyh-poteryah-v-voyne дата обращения 15 июля 2023 г

11. Ямшанов, Б. А. Кто и зачем пытается переписать уроки Суда народов https://rg.ru URL : https://rg.ru/2015/06/24/process.html дата обращения 15 июля 2023 г.

Иванов А.Г., д-р филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк;
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ» [1]

Аннотация

В статье музей «Россия – моя история» рассматривается как форма работы с прошлым, в частности, как разновидность работы с советским прошлым, как «новая форма внутри конструирующего дискурса», как, в конечном счете, «торжество инструментального уровня социальной мифологии». Посетители парка могут предаваться как рефлексирующей, так и реставрирующей ностальгии. Делается вывод о скорее учебно-развлекательной миссии такого рода музея, в котором история Советского Союза искусственно нарезана на разнообразные куски, скрывающиеся за знакомыми символами и фигурами лидеров, но, в то же время, далекими от современности.

Ключевые слова: музей; советское прошлое; ностальгия; мультимедиа; цифровизация; мифологизация; мифотворчество.

В последнее время было несколько юбилеев, связанных с существованием Советского Союза. Это, прежде всего, 100-летие со дня образования СССР 30 декабря 1922 года, но также и 30-летие с момента распада СССР в декабре 1991 года. Эти юбилеи сопровождались целой чередой документальных передач, тематических сборников статей, выпусков журналов, газетных интервью.

Сегодня уровень интереса к советскому прошлому довольно высок. Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма. Ф. Артог назвал «презентизмом» такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [15]. По мнению А. Олейникова, презентизм пользуется историей исключительно инструментально

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

– главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей [9]. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма он обнаруживает также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [10]. Еще в 2014 году Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого «широкого настоящего» (broad presence), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иного», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [14].

Актуальность концепта презентизма обнаруживается при обращении к феномену музея. В свою очередь, одним из инструментов усиления влияния феномена презентизма в последнее время выступают практики и разнообразные форматы public history. В частности, С.А. Еремеева отмечает следующее: «Музей был одной из первых попыток представить прошлое в публичном пространстве. <…> Музеи становились местом, где встречалось прошлое и будущее, и местом, где прошлое становилось доступным и обсуждаемым не только историками. Это было одной из возможностей публичной истории как практики влияния на режимы функционирования прошлого в общественном пространстве» [5, с. 187].

В контексте своеобразной диалектики между диалектики между историей и памятью, инспирируемой событиями из поля публичной истории, вызывает особый интерес внимание к реставрационному дискурсу, специально рассмотренному в недавно вышедшей книге И. Сандомирской [12]. В ней автор отмечает, что реставрация является третьим, дополнительным и критическим дискурсом прошлого по отношению к истории и памяти: «Тогда как история строит целостную и непротиворечивую картину прошлого, а память неустанно генерирует его, прошлого, миф, реставрация отчасти вбирает в себя и то и другое, но при этом и отталкивается как от умозрительности истории, так и от сновидческих ландшафтов памяти» [12, с. 10]. И далее: «…реставрация всегда имеет дело с конкретной вещью, всегда погружена в материал и в этом радикально противоположна как спекуляциям исторического сознания, так и туманностям ностальгической памяти» [12, с. 22].

Учитывая как внимание к вещам, так и специфику советского прошлого, обратим внимание также и на выделяемые специалистами особенности советской повседневности и ее трансляции: соответственно, материализм и объектализм. Так, историк А. Голубев отмечает, что «материальные предметы эпохи позднего социализма воплощали разные и зачастую противоречивые видения прошлого, настоящего и будущего, упорядочивали социальный ландшафт и предлагали разные способы в нем ориентироваться» [4, с. 303]; тогда как известный

антрополог С. Ушакин, комментируя способы передачи советского опыта в медиа, представляет советский период как «предметное время», когда история позднего социализма расщепляется на материальные элементы осмысленного аналитического и повседневного опыта, в результате чего создается эффект временной и пространственной грануляции недавнего советского прошлого, и называет это объектализмом: «Объекты в данном случае призваны дифференцировать – при помощи связей и пробелов – периоды, процессы или события прошлого» [13, с. 226]. Получается, что приобщиться к памяти какого-нибудь объекта – значит, овладеть прошлым, фрагментом прошлого.

Ярким примером одновременно как материализма, так и объектализма является случай со «Спутником V»: «Наименование вакцины вызывало ассоциации с первым искусственным спутником Земли, который был запущен СССР в 1957 году: это достижение, как и советская космическая программа в целом, до сих пор рассматривается как самая большая технологическая “история успеха” в СССР» [3, с. 372].

Новаторским способом приобщиться к прошлому, в том числе и к советскому, должен был стать грандиозный проект – музей, мультимедийный исторический парк «Россия – моя история».

«Россия – моя история» представляет собой систему мультимедийных исторических парков, в которых панорамно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней.

Такой исторический парк стал новой формой, которая не основана на коллекции артефактов и каком бы то ни было собрании свидетельств или привязке к пространству событий [5, с. 193].

Уникальность исторического парка «Россия – моя история» в том, что история Отечества дается здесь панорамно и при помощи современных технологий – экспозиции включают в себя сотни единиц мультимедийной техники, кинозалы, интерактивные 3-D-носители с реконструкцией исторических событий, мультимедийные карты, купол с видеопроекцией, интерактивные панорамы и декорации, сотни метров «живой ленты» истории. Отличительными чертами проекта являются многочисленные интерактивные решения: от исторических игр, сенсорных экранов, многочисленных проекторов, до трехмерного моделирования и цифровых реконструкций.

Заметим, что цифровое пространство игры позволяет осуществлять медиацию между реальностями, существовать сразу не только в нескольких разных пространствах, но и в разных модусах времени [6, с. 34]. Тогда как эстетику выставки критики обозначают как «…новый “большой стиль” репрезентации исторических событий, сочетавший в себе принадлежащие различным жанрам и дискурсам элементы» [7, с. 150].

Активное использование мультимедиа-технологий в музейном деле трансформирует само восприятие транслируемого посетителям контента. Такой подход позволяет получить «эмоционально поддержанную использованием новейших технологий информацию», переведенную в формат «зрелища» [11]. Непосредственно периоду существования Советского Союза в экспозиции «Россия – Моя история. 1945–2018 гг.» отведено пять залов из восьми: «1945 г. Геополитика», «1945–1953 гг.», «1953–1964 гг.», «1964–1985 гг.», «1985–1991 гг.». Как видим, рубрикация в основном подчинена срокам пребывания у власти руководителей советского государства.

Однако внутри экспозиций посетители сталкиваются с непривычными форматами взаимодействия с советской историей. Так, отсутствие возможности соприкасаться с материальными вещами как важными составляющими советской повседневности и замена традиционных для музеев форматов мультимедийными практиками приводит к тому, что «“экранный” способ отображения исторической информации разрушает ощущение уникальности» [Красильникова, Вальдман, с. 78].

В то же время наблюдается торжество идей презентизма. Их выражают транслирующиеся в парке фильмы, в которых «…выстроена прямая связь между историей и современностью – не только при помощи закадрового текста (в котором, например, может говориться о том, что созданные Романовыми армия и флот “до сих пор служат залогом безопасности России”), но и при помощи визуального ряда, включающего в экспозицию, посвященную Романовым, снимки ракет и фотографии из космоса, а в экспозицию Рюриковичей – фрагменты современных богослужений и российский триколор» [7, с. 149]. Критики замечают, что в экспозициях проекта видна лишь «телеологическая линия становления настоящего в прошлом» [8, с. 77–78].

Наряду с параллелями с современностью, посетители музея могут предаваться разным форматам ностальгии. Известный исследователь ностальгии С. Бойм выделяет два ностальгических сюжета – реставрационный и иронический (рефлектированный): «Реставрационная ностальгия ставит акцент на “ностос” – дом и пытается восстановить мифический коллективный дом. Рефлектированная ностальгия размышляет об “алгии”, тосковании как таковом. Два типа ностальгии могут использовать одни и те же детали и элементы памяти, но создают из них резко отличающиеся истории» [2, с. 310]. В музее есть место обоим сюжетам: взгляд преобразователя государства (реставрирующая ностальгия / альтернативная история): посетителю предлагается почувствовать себя на месте (руководителя государства) – построить

ЛЭП на карте России при помощи кубиков и тем самым «электрифицировать» страну; попробовать наиболее эффективно изменить природный ландшафт; взгляд ностальгирующего субъекта: посетитель может получить «советское» имя; «потрогать» предметы «советского» быта на столе: походить по «советской» улице (сравните с набравшей популярность видеоигрой с игрой Atomic Heart); оказаться в «советской» квартире разных десятилетий [7, с. 152].

Однако на ностальгических переживаниях и, возможно, даже практиках постпамяти не всегда удается сосредоточиться, так как «избыточный динамизм и мелькание картинок (особенно в хроникальных подборках и тематической анимации) мешают работе воображения посетителя и оставляют крайне мало места и времени для критического отношения к информации и формирования собственной оценки и личностной позиции в отношении увиденного» [8, с. 79]. В этой связи стоит вспомнить о Р. Барте, характеризующего современные мифы через мелькание смысла и формы: «…между смыслом и формой никогда не бывает противоречий, конфликтов, столкновений – ведь они никогда не оказываются в одной и той же точке. Сходным образом, сидя в автомобиле и глядя сквозь стекло на пейзаж, я могу по желанию аккомодировать свое зрение то на пейзаж, то на стекло; то я вижу близость стекла и отдаленность пейзажа, то, напротив, прозрачность стекла и глубину пейзажа. Результат же такого чередования будет постоянным: стекло в моих глазах предстанет как близко-пустое, а пейзаж – как нереально-полный. Так же и в означающем мифа: форма здесь присутствует в своей пустоте, а смысл – отсутствует в своей полноте. Удивиться такому противоречию я могу лишь в том случае, если волевым усилием остановлю мелькание формы и смысла, разгляжу каждый из этих двух объектов отдельно, – короче говоря, если наперекор динамике мифа стану применять к нему статические приемы расшифровки; или, одним словом, если из читателя мифа я сделаюсь мифологом» [2, с. 248–249]. Примерно то же происходит и в интерактивном музее, где не каждый посетитель сможет остановиться и критически осмыслить массив информации, транслируемый в советских экспозициях, фактически функционирующих в логике мифа (ср. с противоположной логикой проекта Л. Парфенова «Намедни», в котором наличествуют буквализм и внимание к каждой детали советской действительности).

Но, гуляя по парку «Россия – моя история», обыватель не только наделяет мифической образностью быстро сменяющие друг друга картинки, но и испытывает влияние мифотворческого замысла организаторов: «…действующая экспозиция как в московском, так и в региональных вариантах репрезентирует историю страны с точки зрения

столицы, в логике последовательности “славных” правлений “великих” князей и царей, предлагая однозначные, исключительно консервативные оценки исторических деятелей и событий. При этом принципиально отсутствует попытка показать Россию как страну в многообразии региональных и этнокультурных отличий» [8, с. 76–77].

В итоге следует заключить, что в случае с музеем «Россия – моя история» мы имеем дело с демонстрацией конъюнктурного уровня социальной мифологии; уровня, который предстает в качестве «мифологии идей» и содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности. Сама же миссия музея – скорее учебно-развлекательная, при этом в парке «Россия – моя история» история Советского Союза искусственно нарезана на разнообразные куски, скрывающиеся за знакомыми символами и фигурами лидеров, но, в то же время, далекими от современности. Усиленное курирование музея, осуществляемое органами государственной власти разных уровней и представителями Русской православной церкви, заставляет усомниться, являются ли экспозиции этого музея, в том числе и посвященные периоду СССР, практиками public history? Можно ли говорить о том, что в парке «Россия – моя история» мы имеем дело с какой-то изощренной реставрацией? Оставим ответы на эти вопросы на будущее; тем более, что в 2023 году экспозиции советского периода истории России в мультимедийном историческом парке были закрыты для посещения.

Список цитируемой литературы:

1. Барт, Р. Мифологии; пер. с фр. / Р. Барт. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.

2. Бойм, С. Общие места: мифология повседневной жизни / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 320 с.

3. Бордюгов, Г. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях / Г. Бордюгов. – Москва: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.

4. Голубев, А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма; пер. с англ. / А. Голубев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 328 с.

5. Еремеева, С. Музей / С. Еремеева; Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. – Москва: Новое издательство, 2021. – С. 187–197.

6. Иванов, А.Г. Homo ludens 2.0: пределы мифологизации в цифровом пространстве игры / А.Г. Иванов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 31–36.

7. Казьмина, В.П. Реконструкция исторического парка «Россия – моя история»: смена вектора символической политики? / В.П. Казьмина // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 143–162.

8. Красильникова, Е.И., Вальдман, И.А. Практики политики памяти: парк-музей «Россия – моя история» в системе институциональных противоречий / Е.И. Красильникова, И.А. Вальдман // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 444. – С. 72–82.

9. Олейников, А. Будущее в настоящем / А. Олейников // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2022. – № 2 (142). – С. 57–68.

10. Олейников, А. Время истории / А. Олейников // Логос. – 2021. № 4. – Т. 31. – С. 5–30.

11. Отражение событий современной отечественной истории в экспозиции Исторического парка «Россия - Моя история» URL: https://myhistorypark.ru/blog/otrazhenie-sobytiy-sovremennoy-otechestvennoy-istorii-v-ekspozitsii-istoricheskogo-parka-rossiya-moya/?city=msk (дата обращения: 28.09.2023).

12. Сандомирская, И. Past discontinuous: фрагменты реставрации / И. Сандомирская. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 520 с.

13. Ушакин, С. Разложение тотальности: объектализация позднего социализма в постсоветских биохрониках / С. Ушакин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2013. – № 3 (89). – С. 221–258.

14. Gumbrecht, H.U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture / H.U. Gumbrecht. – New York: Columbia University Press, 2014. – 112 p.

15. Hartog, F. Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time / F. Hartog. – New York: Columbia University Press, 2015. – 288 p.

Киреева Н.В., канд. пед. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, Липецк

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Аннотация

В статье освещаются результаты сопоставительного анализа советских и российских современных учебников по английскому языку для неязыковых вузов. Исходя из особенностей применяемых методик обучения, автор указывает на ключевые проблемы учебных пособий прошлого и настоящего.

Ключевые слова: советские учебники по английскому языку для неязыковых ВУЗов; современные учебники по английскому языку для неязыковых ВУЗов; советская методика обучения иностранным языкам в неязыковых вузах.

Учебники, рекомендованные государственной образовательной системой, являются её отражением. С этой точки зрения, изучив структуру и содержание учебника (учебного пособия), можно сделать вывод о целях и задачах обучения иностранному языку на любом этапе обучения. Возможно провести и обратный анализ: зная цели и задачи в обучении, изучить, насколько учебники соответствуют этим целям и задачам. В данной статье будет представлен сопоставительный анализ нескольких советских учебников восьмидесятых годов прошлого века для неязыковых вузов с современными российскими учебниками аналогичных направлений подготовки. Советская методика обучения иностранным языкам прошла несколько этапов становления и развития. Так, в соответствии с периодизацией А. Н. Щукина, таких этапов было пять. Каждый из этих этапов имел свои особенности и характерные черты. Анализируемые учебники относятся к четвёртому и пятому этапам развития методики обучения иностранным языкам.

Четвёртый этап развития (1970-1980) формируется под влиянием теории деятельности. Коммуникативный принцип рассматривается как ведущий, определяющий практический подход к обучению иностранному языку. Речевая деятельность провозглашается главным объектом изучения. Это означало переход от овладения языком как системой, к овладению речевой деятельностью в её основных видах: аудирование, говорение, чтение, письмо и письменная речь. В этот период методика

преподавания формирует новые представления о параметрах диалогической и монологической речью, определяются параметры ознакомительного и изучающего видов чтения. В обучении активно используется сознательно-сопоставительный метод, предусматривающий осознание учащимися значения языковых явлений и способов их применения в речевой деятельности, а также опору на родной язык для более глубокого проникновения в родной и изучаемый языки. [1]

Пятый этап основан на реализации «Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы» (1984г.) и «Основных направлений перестройки высшего и среднего специального образования в стране (1987г.). В данных документах подчеркивалась практическая направленность обучения иностранным языкам. В связи с этим, коммуникативный метод развивается в коммуникативную методику обучения иноязычному общению (Скалкин В.Л., Бим И.Л., Пассов Е.И.) и провозглашается основным методом обучения иностранным языкам. Преподавательское сообщество начинает активно изучать и внедрять коммуникативную методику, так как испытывает некое разочарование в грамматико-переводном и сознательно-практическом (сопоставительном) методах, как не обеспечивающих в достаточной мере практический уровень владения языком.

Шестой этап в соответствии с периодизацией А. Н. Щукина описывает современное состояние методики обучения иностранным языкам. Безусловно, в начале XXI века интерес к иностранному языку значительно вырос за счёт расширения межкультурного пространства. На методику обучения иностранным языкам большое влияние оказала коммуникативная лингвистика. В качестве конечной цели обучения и овладения языком как средством общения выступает коммуникативная компетенция как совокупность знаний, навыков, умений пользоваться языком в различных ситуациях общения. Современная методология обучения иностранным языкам основывается на следующих основных подходах: коммуникативном, профессионально-ориентированном (т. е. профессионально-направленном), компетентностном, межкультурном и личностно-ориентированном. [1]

Таковы этапы теоретического развития методик настоящего и прошлого в обучении иностранным языкам. Каким образом указанные характеристики отразились в учебниках по английскому языку для неязыковых ВУЗов? В данной работе были изучены два учебника для студентов-юристов («Учебник английского языка для юридических ВУЗов и факультетов» И.В. Салтыкова, Н.Д. Колосанова 1980г; «Книга для чтения по английскому языку для юридических институтов и факультетов» И.В. Салтыкова, Н.Д. Колосанова, Н.С. Мокрова 1972г.),

два учебника для студентов экономических факультетов («Учебник коммерческой корреспонденции и документации на английском языке» Е.Е. Израилевич 1970г.; «Реферирование и аннотирование экономических текстов на английском языке» Е.И. Дубовик, А.А. Вейзе, С.А. Головко 1977г.) и один для биологических факультетов («Учебник английского языка для 1 курса естеств. фак. ун-тов» И.К Берлина, Е.Д. Игошина 1979г.) советской эпохи, а также четыре учебника юридической и экономической направленности последнего десятилетия («Английский для юристов» Десяткова Т.М. 2012; «Английский язык для юристов» Н.Ю. Ильина, Т.А. Аганина 2022г.; «Английский для экономистов» И.П. Агабекян, П.И. Коваленко 2015г.; «English for Economic Security Professionals» Широглазова Н.С. 2019г.). На основе сопоставительного анализа был сделан ряд выводов.

1. Идеологический компонент является обязательной составляющей в советских учебниках, в то время как в современных учебниках он отсутствует. На взгляд автора, это является определённым недостатком современной учебной литературы. Учебники советской эпохи проникнуты духом патриотизма, гордости за достижение своей страны. Много внимания уделено интернациональной дружбе, историческим событиям, сыгравшим ключевую роль в развитии страны. Современные учебники в этом вопросе носят безоценочный характер и лишены патриотической направленности.

2. Советские учебники часто строились по принципу разделения на вводно-коррективный и основной курсы. Целью вводно-коррективного курса являлось закрепление или изучение грамматических явлений и фонетической стороны речи. При этом правила лишены функциональности, носят трудный для восприятия лингвистический характер. Задача основного курса - выработка у студентов навыков точного и общего понимания текста. Однако, задания к текстам в основном направлены на грамматическую сторону языка и на сопоставление английских и русских языковых структур и языковую аналогию. Содержательная сторона текста изучается путём ответов на вопросы. Обучение говорению строится на готовых диалогах по следующей схеме: прочитай диалог-выполни несколько лексических упражнений к нему-переведи с русского на английский диалог, аналогичный прочитанному. Из этого можно сделать вывод, что в советских учебниках коммуникативный метод не использовался. Следовательно, заявленные цели в обучении говорению не достигались. Далеко не все учебники также позволяли решить задачу в обучении чтению, так как упражнения к текстам не содержали речемыслительных задач и не предлагали дать личностную оценку полученной информации.

3. Стоит отметить лексическую последовательность и преемственность в предлагаемых упражнениях в советских учебниках. Одни и те же лексические единицы прорабатывались в целом комплексе упражнений, выполнив которые, можно с уверенностью сказать, студент успешно обогащал свой пассивный словарь, необходимый ему для работы с иностранными литературными источниками по специальности.

4. В отличие от советских учебников, российские учебники в общем не практикуют разделение на вводно-коррективные и основные курсы, а грамматические задания интегрированы в общую систему упражнений. Также в изученных учебниках не рассматриваются фонетические особенности языка. Однако, за счёт аудиоматериалов, прилагаемых к учебникам, студенты получают гораздо более чёткое представление об этом, чем словесное описание интонационных норм и особенностей.

5. Анализируя представленные современные учебники, следует отметить их приверженность сознательно-сопоставительному методу обучения английскому языку. Безусловно, выросло разнообразие предлагаемых заданий, но в целом они продолжают языковые, а не коммуникативные традиции упражнений советской эпохи.

6. Качественно изменился процесс обучения чтению. В современных учебниках прослеживается глубокое понимание авторами этих учебников системы обучения чтению по видам: ознакомительное, общее, детальное, чтение для специальных целей и комплексы каких упражнений для этого эффективны. При этом, лексическая составляющая прорабатывается далеко не так успешно. Лексические единицы, предлагаемые к изучению в конкретном разделе, часто предъявляются только в тексте, но не проходит через систему упражнений. В упражнениях, напротив, предлагается лексика, возможно, и по теме раздела, но без опоры на изучаемый текст. В основном лексические единицы предъявляются однократно. Как показывает практика, такой подход малоэффективен для пополнения словарного запаса студентов.

7. Современные отечественные учебники (это в большей степени относится к учебникам из практического опыта автора) иногда не проходят должную рецензионную проверку, поэтому опечатки, ошибки не редкое явление на страницах учебников, что снижает уровень доверия к тому разнообразию учебной литературы, представленному в широком доступе для студентов и преподавателей.

8. Вопреки расхожему мнению об однообразии советской учебной литературы (единый учебник по предмету для всего советского пространства), существовало большое количество учебников, предназначенных для реализации разных целей в обучении: учебники и практикумы по грамматике, по культуре речевого общения, для обучения

переводу, для работы с научным иноязычным текстом, книги по фонетике, стилистике и т.д. Однако, советские методисты осознавали проблемы методики обучения иностранным языкам в неязыковых вузах и их практическое воплощение в учебниках и учебных пособиях. Так, например, Р.А. Кузнецова - автор книги "Изучение иностранного языка в неязыковом ВУЗе» 1979г. в предисловии к учебнику пишет: «Вопросы общей методики преподавания иностранных языков в методической литературе еще исследованы недостаточно полно. Нет ни одной работы, которая бы освещала вопросы обшей методики с учетом специфики неязыкового вуза». [2]

9. В завершении сопоставительного анализа современных учебников и учебников советской эпохи, следует подчеркнуть: проблемы советских учебников по английскому языку для неязыковых ВУЗов хотя и системны (грамматика лишена функциональности, в упражнениях зачастую отсутствуют коммуникативные установки и т.д.), но соответствуют уровню развития методики обучения иностранным языкам в конкретный период. При этом, современные авторы учебников, имея в арсенале широкий спектр методик обучения иностранным языкам, выстраивают структуру и содержание учебника, руководствуясь индивидуальными предпочтениями в методике. С одной стороны, это создаёт многообразие в учебной литературе и даёт дальнейший толчок к совершенствованию и развитию существующих методик. С другой стороны, авторский подход не всегда гарантирует качество учебника, что создаёт проблемы выбора подходящей учебной литературы особенно у неопытных преподавателей. Зачастую, главными недостатками современных отечественных учебников считают несоответствие лексико-грамматического материала заявленным уровням обученности иностранному языку A1-C2, отсутствие глубокой проработки лексических единиц и грамматических структур во всех 4 видах речевой деятельности.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время, как и в советские времена, проблема обучения иностранному (английскому) языку в неязыковом ВУЗе остаётся до конца не решенной и требует дальнейшего развития и систематизации практического опыта.

Список цитируемой литературы:

1. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов/ А.Н. Щукин. - Москва: Филоматис, 2006. – 480с.

2. Кузнецова, Р.А. Изучение иностранного языка в неязыковом ВУЗе: учеб.пособие/ Р.А. Кузнецова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. – 180с.

Кобылкин Д.С., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г. Луганск.

ФИЛОСОФИЯ ИДЕАЛОВ В РОССИИ В XX В. И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация

Представлен анализ философского осмысления идеалов в России, затрагивающий предсоветский и советский периоды. Проанализированы временный и сверхвременный характер идеалов. Выявлены особенности экзистенции внутренней и внешней жизни. Показано, что императивность любого отвлеченного идеализма имеет искажающий и утопический характер. Рассмотрена роль философии в смысле актуализации аксиологического фундамента антропологического представления – осознание значения целостного человека, в котором фундирующую роль занимают нравственные ценности как полагание подлинной основы и опоры.

Ключевые слова: добро и зло; религиозная философия; социализм; рационализм; идея прогресса; утопизм; идея; идеал; ценности; экзистенция внутренней и внешней жизни; реальность.

Анализируя аксиологические представления советской России можно обратиться к ряду примеров в жизнеописании ценностей советского народа. Это «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского и многие другие. Но более из всех хотелось бы обратить внимание к произведению «Вечный зов» А.С. Иванова, получившему Государственную премию РСФСР имени М. Горького. Автором особенно глубоко затронуто экзистенциальные особенности ***ценностей*** жизни. Последние играют, по нашему мнению, ключевую роль. Это касается как аксиологических представлений XX в., так и XXI в., а также философии в целом.

Обратим внимание на двух главных персонажей этого романа: П. Назарова и П. Полипова. Их аксиологический дуализм типов личности подробнее нами представлен в нашей статье [4]. Ведь П. Назаров, по сути, жизнь посвящает бескорыстному служению и любви к «ближнему», т.е. служению высшим ценностям, а П. Полипов, наоборот, даже заслужил от автора романа нарицательное имя «три пэ» [3, с. 385]. Деятельность Полипова есть борьба за власть, «вне» или «мимо» ценностей, т.е. своеобразный макиавеллизм – цель оправ-

дывает средства. Однако цели и средства не должны быть в противоречии. Методы руководства Полипова оказались с трагическими последствиями: «...когда в тридцать седьмом и в тридцать восьмом годах, последовав совету именно Лахновского, с помощью Якова Алейникова убрал с пути, уничтожил Баулина, Кошкина, Засухина, и что, не дрогнув, так же поступит с Кружилиным, если для этого будет хоть малейшая возможность» [2, с. 357], хотя сам же себя Полипов считал человеком с «партийной принципиальностью» (там же). Но какой смысл этой «принципиальности»? Или, точнее, какова ее конечная цель? Ведь в конце романа мы читаем диалог В. Кружилина, сына П. Кружилина, с П. Полиповым, в котором автор романа показывает, как бы подведение итога прожитой жизни Полиповым и его ***плодов***: «Тебе подавай только славу, а что из-за твоей славы многие колхозы района начинают приходить в упадок, это тебе нипочём. Так государство и «богатеет» [3, с. 631]. И тут вскрываются те ценности и идеалы, которые в каждую эпоху имеют актуальное, непреходящее значение. Так, В. Кружилин приводит диалог своего отца с Полиповым, как он ему говорил насчет подлости и ***совести***: «Помнишь, он советовал тебе бояться её (совести)? ... Сам того не ведая, попал Василий Кружилин в самое больное место Полипова» (добавление – авт.) [3, с. 676]. А В. Малыгин, как преемник Полипова, и вовсе подвел итог его деятельности: «Не так выкармливают, если в это слово порядочный смысл вложить. Птицы вон выкармливают своих птенцов, а потом летать учат. Так Кружилин делал, хлестал, когда надо, когда за дело… Уму-разуму людей учил. А ты – не уму, а дурости и глупости!» [3, с. 677].

Ранее мы сказали, что ключевую роль играют ценности. Устами другого персонажа, В. Засухина, в романе отражаются важные, по нашему мнению, рассуждения. В диалоге с Я. Алейниковым он замечает, «...мы воевали за самые благородные идеалы… и строим... самое высоконравственное общество на земле. Потому что руководствуемся... идеалами, которые только есть у человечества, которые оно выработало за много веков своего существования» [2, с. 410]. Получается Засухин рассуждает об самодовлеющих идеалах, выработанных веками, т.е. имеющих высшую непреходящую ценность. Тогда мы имеем дело с некими абсолютными ценностями, имеющими не имманентный эмпирический характер, а выражаясь языком известного русского философа С.Л. Франка, обладающими «совершенно иным свойством – они сверхвременны или вневременны» [8, с. 19]. Здесь мы хотим обратить внимание не столько на их свойство «вневременности», сколько на их «сверхвременность». Последнее, по нашему мнению, как раз и представляет собой ту основу и остов человеческого бытия, не позво-

ляющая в онтологическом смысле нивелировать или упразднить то, что мы называем в человеке – ***человеческое***. Сохранение человеческого в человеке – высшая идея человека – есть «сверхчеловеческое», не в смысле ницшеанского аристократического назначения, как преодоление эмпирического, природного – «человеческого, слишком человеческого» – существа, что вело к прославлению сверхчеловека как животного высшей породы или расы, к жестокости и высокомерному аморализму, а именно к «богочеловеческому существу, и в этом смысле природно-человеческое начало действительно должно быть преодолено и просветлено» [9, с. 54].

Засухин далее замечает: «...все мы на свои поступки посмотрим как-нибудь иначе, увидим их, возможно… я не говорю – обязательно, возможно – в другом свете? ... В мире извечны истина и несправедливость, свет и тьма, ум и глупость, а короче – добро и зло стоят друг против друга [2, с. 411]. Ведь действительно Засухин говорит об общеизвестной истине, что в мире извечны истина и несправедливость, свет и тьма, добро и зло. Однако следующее его рассуждение, вкладываемое мыслью автора, наводит нас на саму суть нашего исследования. Так, Засухин говорит: «Мы, люди, в семнадцатом году впервые нарушили это противостояние добра и зла. Нарушили, но не победили ещё. Мы победим, когда наши идеи, идеи добра, восторжествуют на всей земле ... в этом именно и суть, и смысл жизни» [2, с. 412]. Однако здесь мысль автора приобретает, по нашему представлению, поворот в конкретное философское направление – социализм (коммунизм, марксизм) в лице русского большевизма. Да, можно согласиться, что в семнадцатом году революционными действиями осуществлена попытка нарушения противостояния добра и зла, полагавшая в свое обоснование идеи о «светлом будущем». Но о победе какого идеала идет речь? Если выражаться философски, о какой форме познания мира и человека идет речь? Окончательная победа добра, как показывает история, – невозможна [9, с. 44]. Достаточно вспомнить об мировых войнах и об угрозе «атомной войны». Наивно оптимистическая вера в легкое и скорое торжество добра над злом, вера в «прогресс» как предопределенность скорого осуществления «Царства Божия» на земле, в основе которой вера в предопределенное осуществление абсолютного добра в мире, представляет собой идею утопизма. Сама идея прогресса как такового – как предопределенное совершенствование человека – есть воплощение утопизма, веры в осуществимость на земле полноты правды и добра, а также веру в самого человека.

Вернемся к продолжению мысли Засухина в диалоге с Алейниковым. «Великое противостояние добра и зла существует в каждом че-

ловеке. В тебе, во мне. В Полипове… В каждом человеке!.. И между добром и злом идёт постоянная борьба – страшная, беспощадная, безжалостная. А что победит и когда – зависит от многих причин: от среды, в которой воспитался и вырос человек, ... от его ума, от его способностей осознанно воспринимать жизнь, идеи времени…» [2, с. 412]. Здесь мы уже замечаем возврат к подлинному и адекватному восприятию состояния человека, а именно, к борьбе добра со злом в каждом человеке, которое, по меткому замечанию Ф.М. Достоевского, мы испытываем как борьбу в нас «светлых» и «темных» сил, наше сердце становится «полем битвы» между «дьяволом» и Богом.

Данный анализ был направлен на выявление в философии прошлого века двух основных направлений: религиозной философии, оказавшейся большей частью в эмиграции, и социализма. Первое направление было представлено С.Л. Франком, Н.О. Лосским, И.А. Ильиным, И.А. Бердяевым, А.Ф. Лосевым и др. Второе направление, как общественно-политический строй в лице социалистического государства, было воплощено в России после событий большевистской революции 1917 г.

Выделяя два основных этих направления в русской философии, мы хотим проанализировать, как изначально было сказано, роль ценностей, повлиявших на формирование личности и общества. Обратим внимание на последнее. Суть социализма все более представляется, как в сознании идеологов, так и обывателя – в идеалах «земного рая»: справедливом распределении материальных благ, отсутствие эксплуатации, идеале общественного устройства, основанного на приоритете общественной собственности над частной и т.д. [6]. Однако, почему не удалось построить «социализм с человеческим лицом» (М.С. Горбачев), почему все же заговорили о том, что основа социализма порочна: у трудящихся забрать, а неработающим раздать? В этом необходимо усмотреть основания социализма, что составляет его фундамент.

Как бы ни провозглашались права и свободы граждан, все же власть в СССР сконцентрировалась на верхушке компартии, что ограничивало участие граждан в принятии решений и их духовную и творческую свободу. Более того, если проникнуть в суть социализма и разобраться в его основе, то выходит, что «социализм есть крайняя степень морально-общественного **рационализма»** [10, с. 159]. Отсюда следствие подчинить всю жизненную активность человека, включая хозяйственное удовлетворение потребностей и внутреннюю его жизнь строгим общим, отвлеченно выраженным, принципами моральной справедливости.

Но что касается ***внутренней*** его жизни, то она никак *не нормируется внешними* отвлеченно выраженными общими принципами моральной справедливости. Закон в смысле общего правила поведения нормирует лишь внешнее поведение и внешнюю жизнь людей, все равно есть ли это норма права или норма морали. Как закон природы, «норма есть выражение рационального начала бытия, – начала, в силу которого единичное *отождествляется* многому другому, имеющему с ним общее, т.е. фиксируемое в своей качественной определенности, содержание. Признание таких норм во внешней стороне жизни людей **так же необходимо**, как обосновано познание общей закономерности предметного бытия. Но жизнь и бытие имеют еще и другую сторону – реальность, как она сама себе открывается из-внутри. В ней всеединство, объемлющее и пронизывающее все конкретно сущее, не имеет характера *отвлеченно-общих* признаков и потому невыразимо в понятиях, а тем самым – в законе или норме» (выделено – К.Д.) [10, с. 503].

Не будут ли в таком ключе все человеческие социальные реформы, как организационная перемена **лишь** внешних условий жизни – суть, по меткому выражению Франка, **паллиативом?** По-видимому, как показывает опыт истории, и, особенно, события XX-XXI века, будут. Изменения в качестве развития и усовершенствования могут быть подлинно плодотворными ***лишь в связи с внутренним, нравственным и духовным улучшением самих людей***. Об этом подробнее нами освящено в недавних публикациях [4; 5].

Нельзя и проигнорировать справедливое замечание Франка, что теоретически в основе социалистической веры лежит отвлеченный идеал абсолютного счастья, *упраздняющий конкретное нравственное отношение человека к человеку*, живое чувство любви к ближним, к современникам и их текущим нуждам. «Социалист – не альтруист; правда, он также стремится к человеческому счастью, но он любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья» (выделено – К.Д,) [10, с. 94]. Социалист, руководствуясь идеей искоренения мирового зла, в своих современниках видит жертв мирового зла, искоренить которых является первоочередной задачей и целью к осуществлению идеала. В итоге, получается из любви к грядущему человечеству – рождается ненависть к людям, стоящим на пути к идеалу [10, с. 95]. Устроение земного рая становится страстью к разрушению.

Поэтому, когда социализм императивно руководит человеческой жизнью, склоняя к подчинению строгим принципам социальной справедливости, «радеть не о себе, а об общем благе ... грешное человеческое существо, понуждаемое быть подвижником идеи, превраща-

ется ... вообще неспособного к труду (*в смысле творчества*)» (добавление курсива – авт.) [10, с. 160]. Русский философ замечает, что сама по себе моральная идея – ложна и гибельна уже тем, *что есть только идея*, только отвлеченный постулат. Как быть с людьми «корыстными, эгоистичными, равнодушными к нуждам ближних», которых огромное большинство [10, с. 584]. В итоге, моральная идея, при столкновении ее с реальностью жизни, не обогащает жизнь, а обедняет и разрушает ее. Такова судьба всякой идеи, как и любого отвлеченного идеализма.

Выражение нравственных норм в рациональных рамках, для всех жизненных случаев обязательных одинаково, живой личностью по собственному, подлинно свободному отношению к ним *не признается ею, а лишь по необходимости подчиняется им*. Ведь подлинная нравственная жизнь включает в личные потребности не только низшие, но и высшие, духовные, которые имеют характер ***сверхрационального всеединства***, т.е. диалектически объемлющего единства как объективной действительности (сферы рационального), так и реальности (сферы иррационального, точнее, сверхрационального, имеющего свою первооснову в абсолютном, Боге).

Отметим, что из вышесказанного, мы хотим сказать о важности моральных принципов и идей, и их необходимого влияния на современников и современность развития духовной культуры общества. Однако, принять односторонний их характер в качестве «морали долга», как кодекс авторитарных предписаний, в который необходимо лишь слепо верить, значит прийти к бесплодности человека как личности, прийти к односторонней крайности занимаемой позиции. Другой же крайностью выступает предание субъектом себя безграничной свободе. Напротив, в сфере социально-политических реформ мы отдаем предпочтение «здравому смыслу» и умеренной позиции. Она заключается в том, что с одной стороны, с точки зрения «горизонтали», эмпирического мира, моральные идеалы являются объединяющим, сплочающим элементом общества. С другой – с точки зрения «вертикали», в отношении моральных идеалов как высших ценностей – мы ищем «света, который мог бы озарить, осмыслить для нас подлинные моральные идеалы» [10, с. 156], путь по которому даст нам последнюю прочность и устойчивость. Единство, объединяющее видение с точки зрения ценностей «вертикали» в эмпирическом мире «горизонтали» – позволяет определять, что в жизни ценно, а что – ничтожно. Если такое осуществление ведет нас к абсолютным ценностям, к истинному добру, правде и смыслу жизни, то нашей задачей оказывается научится осуществлять их в эмпирическом мире или, что-то же, в объективной действительности. Тем самым мы становимся на путь творчества истинной культуры, формиро-

вания целостного человека. О чем метко подметил русский педагог Н.И. Пирогов: «К чему вы готовите вашего сына? – кто-то спросил меня. – Быть человеком, – отвечал я. – Разве вы не знаете, – сказал спросивший, – что людей, собственно, нет на свете; это одно отвлечение, вовсе не нужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди».

Это особенно важно сегодня, когда развитие культуры и цивилизации прервано военными действиями, как бы показывает, что настал период для переосмысления нашим современником своих целей и ценностей, что необходимо отвлечься от тенденции вытеснения ценностей духовного мировосприятия над все большим погружением в утилитарно-прагматичные цели и задачи эмпирического мира, чтобы начать строить развитие общества не на относительных ценностях, которые позже абсолютизируются в абсолютные, а на самих абсолютных ценностях. Так, значение политических задач из статуса относительных средств возводятся на высоту абсолютных. О чем справедливо подмечал Франк: «Политика становится «отвлеченным началом», доминирующим надо всеми остальными ценностями духовной жизни. В частности, забывают, что политическое миросозерцание, политические идеи и идеалы не суть нечто самодовлеющее, не имеют опоры в самих себе, не могут быть обосновываемы и защищаемы из себя самих, в пределах одной лишь политики; теряют из виду, что корни их всегда глубоко заложены в почве общего философского мировоззрения, общих взглядов на задачи, смысл и условия человеческой жизни» [7, с. 137].

В данном исследовании важным посылом выступало выявление диалектического характера философии идеалов и их влияние на современную гуманитарную мысль в широком смысле. Подчеркивается утопический характер односторонности эмпирических идеалов, представляющих веру в «прогресс», в ожидании осуществления абсолютного добра в мире и псевдоупованиями на прирожденную «доброту» и «благость» человеческой природы, дабы навсегда «избавиться» от зла и страданий, что противоречит данным истории. Уделяется внимание роли философии в смысле актуализации аксиологического фундамента антропологического представления – осознание значения целостного человека, в котором фундирующую роль занимают нравственные ценности как полагание подлинной основы и опоры.

В заключение хотелось бы привести антропологическую мысль Ф.М. Достоевского, что видение человека представляет непостижимость и сложность личности, которая не объяснима научными, социологическими и политическими стереотипами. И «революция не уменьшает количество зла мире, истинное освобождение от зла. от

животного начала может быть только внутренним. Человек должен внутренне перестать быть рабом, и никакие внешние революции ему в этом деле не помогут» [1, с. 88].

Список цитируемой литературы:

1. Губин, В.Д. Философская антропология : учеб. пособие для вузов / В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова. – Москва : ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 240 с.
2. Иванов, А.С. Вечный зов: Роман в двух книгах. Кн. первая. – Москва : Правда, 1987. – 592 с.
3. Иванов, А.С. Вечный зов: Роман в двух книгах. Кн. вторая. – Москва : Правда, 1987. – 720 с.
4. Кобылкин, Д.С. Русское мировоззрение в контексте диалектики временного и сверхвременного как категорий социокультурного анализа // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Спецвыпуск № 1. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. – 306 с.
5. Кобылкин, Д.С., Юсеф Ю.В. Диалектика прогресса и разумного консерватизма // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – № 2 (56). – 2022. – Луганск. – С. 234-240.
6. Социализм / К.С. Гаджиев // Электронная библиотека ИФ РАН «Новая философская энциклопедия» : [Электронный ресурс] – URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH60401d1a96bec6aab3e060.
7. Франк, С.Л. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. – Москва : Московская школа политических исследований, 2001. – 592 с.
8. Франк, С.JL Реальность и человек: метафизика человеческого бытия / Семен Франк. – Москва : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ. 2007. – 382 с. – (Философия. Психология).
9. Франк, С.Л. Свет во тьме / С.Л. Франк. – Минск : Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 832 с.
10. Франк С.Л. Сочинения. – Москва : изд-во «Правда», 1990. – 606 с.

Лебедева Г. Н., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна»; ПРОМТЕХДИЗАЙН;
Санкт-Петербург

«РЕГИОН ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА». КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ПРИМЕР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

Все население области Калининградской области состоит из переселенцев и их потомков со всего Советского Союза, прибывших сюда после 1945 года. Наиболее важные атрибутивные свойства общества - общественное сознание, общественная практика, социальное бытие приобрели особые качества под влиянием советской эпохи. Освоение региона было не просто специфическим, а отличалось от всех областей и регионов исторической России. Похожую историю имеет только Карельский перешеек Ленинградской области. Калининградцев можно смело назвать советскими людьми в этническом смысле.

Ключевые слова: Калининградская область; Восточная Пруссия; идентичность; культурное своеобразие.

Калининградская область РФ самая малая по территории – 15,125 тыс. кв. км. (0, 3 % от территории страны). Все население области (один миллион человек, или 0, 7 % населения РФ) состоит из переселенцев и их потомков со всего Советского Союза, прибывших сюда после 1945 года. История области как отличается от всех областей и регионов исторической России, так и напоминает похожую историю Карельского перешейка Ленинградской области. Калининградцев можно смело назвать советскими людьми в этническом смысле. Как отмечал калининградский ученый Ю.М.Зверев, «в экономико-географической литературе существует термин «страны переселенческого капитализма». В этом смысле область можно назвать «регионом переселенческого социализма» [3, с. 453].

На отошедшей к Советскому Союзу части Восточной Пруссии перед войной проживало около 1 миллиона человек. Значительная часть гражданского населения была эвакуирована еще во время войны германскими властями. На момент капитуляции немецкого гарнизона в будущей Кёнигсбергской области насчитывалось лишь 137 412 человек гражданского немецкого населения. Из них только 47 013 человек были трудоспособными. Интересен гендерный состав трудоспособных

немцев: 9 744 мужчин и 37 269 женщин. Все оставшиеся граждане Германии численностью в 102 494 человека были поголовно выселены в Германию к 1951 году [5, с.186 - 188].

С лета 1945 года, то есть еще до официального присоединения края к России, началось заселение области. Для восстановления предприятий местной промышленности сразу после войны стали прибывать рабочие и специалисты. Нередко они приезжали с семьями. Общая численность советского гражданского населения к 1 ноября 1945 года достигла 7 тыс. человек, а к моменту учреждения Кёнигсбергской области в составе РСФСР выросла до 54 тыс. человек [8, с. 18 - 19]. В июле 1946 году Сталин подписал постановление Совета министров о поощрении заселения Калининградской области. Это придало переселению организованный характер. К 1 августа 1946 года в области проживало уже 84,5 тысяч советских граждан, (из них старше 16 лет — 66 024 человека), к концу 1946 года русское население области достигло 290 тысяч [2, с.489], а к началу 1948 года число калининградцев превысило 380 тысяч человек [4, с.8].

Так область стала среднесоветским регионом. По замечанию германского историка Берта Хоппе «Северная Восточная Пруссия была до 1991 года «для немцев страной без современности, для русских – страной без истории» [14, с.19 - 20].

В области осталось мало памятников немецкого времени. Город Кёнигсберг был почти полностью уничтожен британской авиацией в августе 1944 года, а затем был почти снесен до основания во время боев в апреле 1945 года. Во время штурма города за два часа артподготовки было расстреляно более тысячи вагонов снарядов. По данным аэрофотосъемки 1947 года, разрушения в самом городе Калининграде достигали 60%, отдельные кварталы были разрушены на 70-80%, а «район цитадели», то есть ядро исторического города, на 90%. В городе Пиллау, ныне Балтийске, из 250 тысяч кв. м. жилой площади в 1945 году более или менее сохранились 15 тыс. кв.м. [6, с.25]. Город Велау, ставший Знаменском, был разрушен на 90 % [6, с.39]. Начавшаяся массовая советская застройка области привела к уничтожению большинства оставшихся памятников немецкого владычества в крае.

В первые десятилетия советской эпохи новые поселенцы рассматривали чудом сохранившиеся немецкие дома как досадное недоразумение. В 1948 году первый главный архитектор Калининграда Д.Навалихин ратовал за «изгнание прусского духа», заявлял о задачах при восстановлении старого Кёнигсберга: «... Нужно при всей скромности средств добиться решительного преобразования всего характера застройки, чтобы вытравить из нее дух пруссачества и утвердить нашу

советскую культуру в архитектурном пейзаже. Нужно преодолеть и вытравить мрачный воинственный дух прусской архитектуры с ее громадными формами подслеповатых окон и стен, громоздких островерхих крыш. Вместо него должна прийти легкая жизнерадостность форм и приветливость облика» [7, с.419]. Навалихин разработал весьма помпезный, чисто имперский проект нового города на развалинах старого. Проект предполагал спрямление и расширение улиц, которые превращались в парадные магистрали, на месте Королевского замка планировалось возвести монументальный Дом Советов. Дабы придать городу русский вид, архитекторы предполагали украсить город зданиями и сооружениями, чей облик в какой-то степени повторял бы силуэт башен Московского Кремля [10, с.198]. Выполняя проект Навалихина, строительные службы беспощадно сносили даже еще более-менее целые немецкие дома. Эти действия вызывали одобрение у новых переселенцев. Еще в 60-х гг. в калининградских газетах помещались гневные «письма трудящихся», негодующих, что местные власти кое-где порой реставрируют немецкую застройку вместо того, чтобы строить принципиально иной, чисто советский город. Великий план Навалихина не был осуществлен из-за финансовой дороговизны. Так что многие немецкие сооружения снесли, а новые долго не могли построить. Городские власти при решении жилищного вопроса были вынуждены перейти к восстановлению тех немецких зданий, что еще было можно восстановить. Результатом является хаотичность городской постройки – вперемешку стоят хрущёвки, а буквально через несколько метров историческая застройка.

В 1991 году распался Советский Союз. Результатом этого было не только появление новых государств на месте прежних советских республик, включая вновь ставшие лимитрофами соседи по Прибалтике, но и утрата сухопутной связи с Большой Россией. Вновь этот край стал эксклавом. В 90-х гг., периода распада СССР и начала русофобских кампаний в новоявленных «постсоветских государствах», в Калининградскую область стали прибывать русские из Прибалтийских республик. В первой половине 1990-х годов миграционный прирост достигал 20—25 тыс. человек ежегодно [9, с.16]. После стабилизации политических процессов в СНГ ежегодный миграционный прирост в регионе существенно снизился, до 3-4 тысяч человек в год. В 2018 году население области достигло численности 994 тысяч человек. Наконец, психологический важный рубеж в миллион жителей был превзойден – по состоянию на 1 января 2019 года в области проживали 1 002 221 человек. В 2022 в области проживали уже 1 026 472 жителей. Но нельзя не признать, что прирост был механическим. Калининград-

цев рождается меньше, чем умирает и прирост происходит за счет миграции. Правда, уровень рождаемости все же выше, чем в республиках Прибалтики.

Распад СССР и крушение коммунистической идеологии вызывали особенно сильный кризис идентичности у калининградцев. Этим пользуются геополитические противники России, надеясь на «переформатирование» сознания калининградцев, которые придут к выводу о том, что они вообще «европейцы», новая нация, отличающаяся (естественно, только в лучшую сторону). Появилось даже понятие «рособалты» или «русобалты» для обозначения некоего нового народа из калининградцев. В области началось открытое формирование «пятой колонны». В области вдруг стали появляться не испытывающие финансовых проблем организации, ставившие своей целью создания в области отдельной, четвертой прибалтийской республики, входящей в Евросоюз (что автоматически означает выход из России). Как отмечает калининградский публицист, доктор философии Владимир Шульгин «за три десятилетия своей беспрепятственной мобилизации при мощной поддержке извне составили руководящий слой в целом ряде университетов и учреждений культуры, не говоря уже о СМИ. Налажена система расширенного воспроизводства «соросовских» по духу кадров, занимающих руководящие места, причём не только в сферах просвещения и культуры, но и на госслужбе…Прогерманский настрой учебников краеведения, изготовленных ангажированными университетскими специалистами, стал неизбежным следствием вышеочерченных процессов «культурно-образовательной» западнизации нашего края» [13, с.212].

И все же идентичность калининградцев остается общерусской. Польский автор К. П. Савицкий отметил, что «в обществе не формируется новая “калининградская национальность”, но жители [области] ощущают свою особенность в рамках большой России» [15, с.262]. Данные российских социологов также позволяют утверждать, что культурное самоопределение жителей Калининградской области по образу европейцев имеет динамический спад по мере увеличения срока проживания в этом регионе [1, с. 131; 11, с.112].

Показателем общерусской идентичности калининградцев стало поразительно масштабное возрождение православия. До 1985 года в области не было ни одного храма, немногочисленные верующие в почти полностью атеистическом крае ездили в соседнюю Литовскую ССР на богослужения по большим праздникам. К православию обратились не только русские, вспомнившие веру предков, но и представители этносов, исторически связанных с другими религиями. Показа-

тельно, что согласно польскому исследователю К. Женготы, 12 % калининградцев польского происхождения считают себя православными [16, с.278, 282].

Ныне в области уже более ведется активное строительство православных храмов. На площади Победы – центральной в Калининграде, поднялся храм Христа Спасителя, высотой в 73 метра, вмещающий 3 тысячи верующих, один из самых крупных в России, построенных в постсоветскую эпоху, и превышает высоту немецкого кафедрального собора Кёнигсберга. Таким образом, русский собор Христа Спасителя стал главной архитектурной доминантой города. Кафедральный собор Христа Спасителя (по проекту архитектора Олега Копылова) ориентирован на образцы владимиро-суздальской архитектуры XII — начала XIII века. Рядом в 2010 году построили необычную «целующуюся церковь» Петра и Февронии Муромских. Также на площади устроили три фонтана и установили Триумфальную колонну, напоминающую Александровскую колонну в Санкт-Петербурге. Храм во имя Веры, Надежды, Любви и Софии в Багратионовске, (бывшем Прейсиш-Эйлау) воспроизводит облик московских церквей XVII века (например, церкви Николы в Пыжах на Большой Ордынке в Москве, 1670-е гг.), построенных в стиле «дивного узорочья», который был признан прекрасным выражением русского менталитета еще в XIX века. В 2003 году в Славском районе, в поселке Приозерье, открылся женский монастырь великой княгини Елизаветы. В поселке Изобильный в 1996 году появился женский православный монастырь в честь иконы божьей матери «Державная» (очень подходящее название для области)!

«Калининградская епархия по числу вновь построенных храмов на душу населения. «насчитывается более 195 храмовых объектов. Из них 68 храмов самостоятельные приходы и 32 – приписные, действуют 36 часовен. Также в Калининградской епархии есть три женских монастыря с десятью храмами; 49 церквей устроены при различных учрежденияъ. Двадцать церквей и часовен располагаются при больницах, 7 – натерритории воинских частей, 9 – в исправительных учреждениях региона» [12, с.31].

Россия всегда была страной многонациональной, и ее западная окраина не составляет исключения. Показателем многонациональности области при полной веротерпимости служит наличие храмов различных конфессий. Еврейская община построила огромное здание синагоги на месте, где в немецком Кёнигсберге находилась одна из тамошних 5 синагог. Армянская диаспора в 2006 году построила в Калининграде церковь Сурб Степанос (Святого Стефана). В городе Калининграде и поселке Большое Исаково появились мечети. В Черняхов-

ске существует с немецких времен храм святого Бруно Квертфуртского, который и поныне является католическим храмом. В самом городе Калининграде 6 католических храмов, есть также католические церкви в Советске и ряде поселков области.

Также область становится русской и визуально благодаря памятникам. Помимо монументов в память героев Великой Отечественной войны появились памятники и историческим деятелям досоветской эпохи. Так, памятники Петру I сооружены в Калининграде и Балтийске. В Балтийске также установлена конная статую дочери Петра императрице Елизавете, при которой Восточная Пруссия временно входила в состав России. Кстати, памятник в Балтийске – второй конный женский памятник в Европе (после памятника Жанне д'Арк в Париже).

Таким образом, Калининградская область уже не «бывшая Германия», а уникальный российский регион со своим культурным своеобразием, приобретший свое ни с чем несравнимое лицо.

Список цитируемой литературы:

1. Андрейчук, Н.В., Гаврилина Л.М. Феномен калиниградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ): монография / Н.В.Андрейчук, Л.М.Гаврилина - Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2011 – 139 с.

2. Восточная Пруссия. Калининград: Кн. изд-во, 1996.

3. Зверев, Ю. М. Эволюция геополитического положения Калининградской области / Ю. М. Зверев // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность : Материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / Под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2022. – С. 452-460.

4. Калининградская область в девятой пятилетке. Калининград, Кн. Изд-во. 1976.

5. Костяшов, Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы / Ю.В. Костяшов //Вопросы истории. 1994, № 6, с. 186-188.

6. Малые города Калининградской области. Энциклопедический справочник. Калининград, 2011, С. 25. – ISBN 978-5-917626-029-7 - https://prussia.online/books/malie-goroda-kaliningradskoy-oblasti

7. Манюк, Е. С. Д. К. Навалихин - главный архитектор города Калининграда / Е. С. Манюк // Время Музея : сборник статей / Министерство по культуре и туризму Калининградской области; Калинин-

градский областной историко-художественный музей. Том Выпуск 1. – Калининград : Аксиос, 2018. – С. 407-425.

8. Маслов, Е.А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры её населения / Е.А.Маслов // Балтийские исследования. Калининград, 2002. Вып. 1, С. 17 – 23.

9. Миграционные процессы в юго-восточной части региона Балтийского моря: Монография / Под ред. Л. Л. Емельяновой, Г. М. Федорова. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.

10. Хоппе, Б. Кёнигсберг/Калининград в XX в. — фокус современной европейской истории // Балтийский регион в истории России и Европы / Под ред. В.И. Гальцова. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

11. Чабанова, А.В. Дифференцированность Калининградского социума (по итогам социологического обследования) // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П.Клемешева. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

12. Шахов, В. А. Рехристианизация Российского эксклава юго-восточной Балтии: социокультурный аспект / В. А. Шахов // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4(34). – С. 27-31.

13. Шульгин, В.Н. Прогерманская тенденциозность школьного курса краеведения «История Западной России» / В.Н.Шульгин //Вопросы национализма, 2021, №1 (33).

14. Hoppe B., Hering satt. Endlich wird nach dem Ende Konigsbergs auch einmal der Anfang Kaliningrads erzahlt / Berliner Zeitung, 2000. – S.19-20; цит. по: Matthes E., Verbotene Erinnerung. Die Wiederentdeckung der ostpreussischen Geschichte und regionales Bewusstsein in Gebiet Kaliningrad (1945-2001)/ Terra Baltica, 3. – Kaliningrad, 2003.

15. Sawicki K. P. Imigranci w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej po1990 r. / K.P.Sawicki // Studia Gdanskie Wizje i rzeczywistość. 2013. T. 10.

16. Żęgota K. Diaspora polska w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej. Toruń, 2014.

Лесных Е.В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

В данной статье анализируются проблемы возрождения и развития наставничества как всеобщей системы адаптации молодых специалистов в рамках развития современного общества. Обсуждается историческая ценность и государственная значимость данного явления для развития нашей страны.

Ключевые слова: наставничество, опыт, адаптация, законодательство, молодые специалисты.

Одной из центральных проблем в профессиональной адаптации молодых специалистов является слабое развитие наставничества в современной России. Исследуя данную тему, следует обратиться к истории. Наставничество как форма передачи знаний и умений от более опытного старшего поколения новым юным кадрам сложилась в древнейшие времена. Сам термин эквивалентен английскому слову mentoring (в прямом переводе менторство). Рассматривая этиологию, можно дойти до мифологии древней Греции. Ментор – имя наставника Телемаха, сына Одиссея. С давних пор наставничество воспринималось как синоним понятия учитель. В любой религии прослеживается четкая система наставничества в виде служителей различной иерархии. Также в России всегда существовала должность подмастерья в виде начинающего помощника опытного рабочего и пр.

Наивысший расцвет наставничества в профессиональной деятельности пришелся на 70-80 годы прошлого века. В Советском Союзе данный аспект был одним из направлений политики партии. Наставничество носило массовый характер, воспитание и обучение молодежи было почетным делом, приоритетом для наиболее опытных и ценных кадров. Наставники пользовались большим авторитетом и всеобщим уважением. Существовали различные поощрения, которыми награждались наиболее преуспевающие в данном деле профессионалы: нагрудный знак «Наставник молодежи», почетное звание «Заслуженный наставник молодежи РСФСР», награда «За

активную работу по воспитанию детей и подростков» и пр. [1, с. 27] Помимо нематериальных ценностей стимулировали путевками на отдых, премированием и другими способами. Однако в основном мотивацией служила идея воспитания достойной смены, для чего было необходимо делиться опытом, секретами трудовой деятельности.

К сожалению, в постсоветском периоде вместе со спадом производства произошло увядание такого важного аспекта как наставничество. Некоторые считают, что ранее данная система была более востребована из-за низкого уровня образования, некачественного овладения навыками в процессе обучения. Опыт передавался большей степенью «из уст в уста», что требовало постоянного нахождения рядом более старшего сотрудника. Однако это не так, даже несмотря на развитие образовательных технологий, использовании различных дистанционных и прочих методов обучения наставничество не теряет своей актуальности. Молодым специалистам необходимо научиться применять полученные теоретические знания на практике. Вчерашние студенты не всегда достаточно хорошо обладают навыками самоконтроля, дисциплины, выбора приоритетности задач, распределения рабочего времени. Первый период адаптации к новым условиям и обязанностям всегда труден. Легче влиться в рабочий процесс, если рядом будет человек, готовый помочь, объяснить, поддержать.

Необходимо создание массовой целостной системы наставничества, охватывающей всю территорию страны со всеми предприятиями, учреждениями здравоохранения и культуры. В 2018 г. Президент РФ В.В. Путин в обращении к Федеральному Собранию четко обозначил свою позицию по данному вопросу: «Значимой задачей считаю развитие движения наставничества. Только так, объединив передовые знания и нравственные основы, обеспечив подлинное партнёрство и взаимопонимание поколений, мы сможем быть сильными» [2]. Сейчас формируются различные проекты, работающие по заданной стратегии, проводятся Всероссийские форумы «Наставник», «Я – наставник», «Движение первых» и пр. Целью данных мероприятий является обмен опытом, разработка методик, установление коммуникации [3, с.216].

Наставничество снова приобретает свою значимость в профессиональной деятельности. Желание помочь адаптироваться молодым кадрам, передать им свой опыт и знания вызывают уважение среди трудового коллектива. Присутствие рядом обучающего и контролирующего человека вызывает у начинающих специалистов желание

развиваться и совершенствоваться на выбранном пути. Повышается слаженность общей работы, уменьшается количество форс-мажоров, связанных с неопытностью.

В связи с новым витком развития наставничества обнаружилась проблема отсутствия данного понятия в законодательной системе. Нет никаких правовых документов, регулирующих взаимоотношения в данной сфере. Между тем вопросов, требующих ответа, очень много. Кто может быть наставником? Нужна ли специальная подготовка для наставника? Какие методики, подходы нужно применять? Как стимулировать, поощрять наставников? Как систематизировать и урегулировать данный процесс? Очевидно, что вопросы наставничества остро нуждаются в государственной поддержке не только со стороны развития, но и с позиции законодательного подтверждения.

Наставничество является прекрасной возможностью бережной адаптации новых кадров, передачи накопленного опыта, поддержания внутриколлективной дисциплины, поощрения ценных сотрудников. Необходимо возрождать утерянные традиции и актуализировать их согласно современным запросам.

Список цитируемой литературы:

1. Богданова, Л.Е. Решетникова, Е.Ю. Наставничество: вызов времени или возрождение традиций советского периода / Л.Е. Богданова, Е.Ю. Решетникова // Образовательные технологии. – 2020. – № 4. – С.27-31.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Справочно-правовая система (СПС) «Консультант» URL: http://base.consultant.ru.

3. Яковкина, А. О. История наставничества в России / А.О. Яковкина // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2023. – № 5 (62). – С. 215-221.

Михайлин В. Ю., д-р филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

РЕАНИМАЦИЯ ЖАНРА? НОВАЯ ВОЛНА В (ПОСТ)СОВЕТСКОМ ШКОЛЬНОМ КИНО

Аннотация

Предметом рассмотрения в настоящей статье стал жанр так называемого советского школьного кино и возможные причины, по которым этот жанр, казалось бы, умерший естественной смертью к 1991 году, пережил второе рождение в начале наступившего века – а также конкретные формы, в которых жанр вернулся к экранному существованию. При этом внимание автор сосредотачивает не столько на переносе конкретных сюжетов, персонажей или символических языков, сколько на «вторичной переработке» жанра как такового.

Ключевые слова: советское школьное кино, культурный ресайклинг, совстальгия, ресентимент.

Жанр советского «школьного фильма» возродился в современной России в полном соответствии с классической трехчастной схемой «культурного ресайклинга» (актуальность – забвение – новая актуальность) [1; 2; 3; 4]. Сперва он был значимой конститутивной частью позднесоветской культуры, пережив на протяжении этого периода два пика популярности – на старте, в начале-середине 1960-х, и перед самым финишем, в условном 1988 году. Затем о нем забыли примерно на пятнадцать лет, то есть на срок вполне достаточный для того, чтобы прежние аудитории прониклись ностальгией по ушедшей молодости, а новые начали воспринимать его как свежее слово. А начиная со второй половины 2000-х снова занял свое значимое место – уже в новых исторических и культурных контекстах.

Школьное кино – как полноценный жанр – возникло в разгар оттепели после того, как в 1961 году практически одновременно вышло несколько фильмов, использовавших сходные модели работы со зрительской эмпатией («А если это любовь» Ю. Райзмана, «Друг мой, Колька!» А. Салтыкова и А. Митты, «Алёнка» Б. Барнета, «Приключения Кроша» Г. Оганесяна, «Мишка, Серега и я» Г. Победоносцева) – и вслед за тем поток школьных фильмов не иссякал до самого конца советской эпохи. Причиной появления этого жанра, на мой взгляд, была озабоченность советских элит обновлением существующего арсенала мобилизационных стратегий [5, с. 13–15].

В самом начале своего существования жанр был прежде всего ориентирован на привычное для советской пропаганды утверждение коллективистских поведенческих паттернов, равно как и на столь же привычную дискредитацию любых вне-публичных микрогрупповых контекстов; школа при этом воспринималась как социальная среда, удобная для отработки конфликта между публично-ориентированными стратегиями и стратегиями, ориентированными на приватность. На рубеже 1950–1960-х годов опыт средней школы уже представлял собой неотъемлемую составляющую жизненного опыта для подавляющего большинства советских людей – и при этом, как правило, включал в себя мощную эмоциональную компоненту. Эмоциональный регистр мог варьироваться от жестко травматической части спектра до части энтузиастической, так же, как и конкретные обстоятельства, сопряженные с эмоционально заряженными воспоминаниями, могли иметь характер как сугубо социальный, так и глубоко интимный. Но, как бы то ни было, в системе личных воспоминаний эмоциональный фон был неотъемлемым фоном для школьной социальности – с такими неизбежно присущими ей чертами как многоуровневая и высоко диверсифицированная иерархичность, как повседневные и всепроникающие практики социального контроля (и не менее значимые практики сопротивления этому контролю и/или его избегания), как всеобъемлющая дидактичность, и т.д.

Школьный фильм предлагал уникальную точку эмпатии между публичными и приватными контекстами. Эту перспективу можно было использовать в качестве стартовой позиции для построения проективных реальностей, которые зритель воспринимал бы как совместимые со своими собственными – вплоть до подмены одних другими.

Последующая история жанра была историей постепенного смещения этой перспективы. На рубеже 1960-1970-х она все еще воспринималась как необходимая точка равновесия между «большими» и «маленькими» контекстами и смыслами. Она могла эксплицироваться через сюжет о поиске некоего альтернативного большого дискурса, способного предложить основания для личной моральной позиции («Доживем до понедельника» С. Ростоцкого, 1968; «Чужие письма» И. Авербаха, 1975). Она могла отталкиваться от своего рода стоической позиции, исходящей из признания в том, что все большие объясняющие конструкции мертвы, но обращаться к ним по-прежнему необходимо – как к последнему ресурсу человечности – равно как и транслировать их («Урок литературы» А. Коренева, 1968; «Дневник директора школы» Б. Фрумина, 1975). Она могла строиться на высмеивании большого дискурса, воспринимаемого как безальтернативный: обозначая саму возможность внешней позиции по отношению к нему («Спасите утопающего» П. Ар-

сенова, 1968; «Большая перемена» А. Коренева, 1972-1973). И, наконец, большой дискурс мог быть просто-напросто вынесен за скобки создаваемой проективной реальности – сугубо идиллической, со сторого обозначенными временными и пространственными границами («День солнца и дождя» В. Соколова, 1967).

На финальной стадии, с конца 1970-х по конец 1980-х, ориентированная на приватные контексты «искренность» школьного кино стала самодостаточной, доведенная до грани, за которой большие публичные контексты уже следовало исключать из числа необходимых жанровых конвенций: персонажи кинокартин продолжали существовать в тех или иных образовательных контекстах, по-прежнему насыщенных репрезентативными знаками советской публичности, но эти контексты перестали подаваться и восприниматься как референтная база. Все значимые конфликты завязывались и разрешались теперь исключительно на микрогрупповых уровнях. Это мог быть конфликт между интимным сюжетом и семейной микросоциальностью («Вам и не снилось» И. Фрэза, 1981, своеобразная полемическая реплика на предыдущую советскую киноисторию о Ромео и Джульетте, «А если это любовь?»); между индивидом и подростковой «стаей» («Чучело» Р. Быкова, 1983); между разными ролевыми моделями, с которыми сталкивается персонаж, выбитый из «больших» контекстов в контекст сугубо локальные и вынужденный адаптироваться к жизни «обычного человека» («Куколка» И. Фридберга, 1988).

Последний советский школьный фильм, «Сделано в СССР» В. Шамшурина и С. Тараховского (1990), представляет собой антиутопию и возрождает интерес к метафорам, описывающим широкую публичность – с выраженным акцентом на способности современного общества моментально вернуться в тоталитаризм. Базовая метафора здесь носит сугубо ретроспективный характер; достаточно сказать, что ключевой антагонист – учитель истории со «службой в органах» в анамнезе, что играет его Армен Джигарханян, и что строит он образ своего героя с очевидными отсылками к кинематографическому образу Сталина, сложившемуся в советских фильмах 1970-1980-х годов о Великой отечественной войне.

После 1990 года жанр умирает, и на какое-то время складывается впечатление, что умер он навсегда. В условиях отсутствия привычного для бывших граждан СССР доминирующего дискурса, построенного на системе моментально опознаваемых символов и на скоординированных ценностных установках, постсоветская школа 1990-х утрачивает статус института, пригодного в качестве источника потенциально емких и общезначимых метафор современной широкой публичности, соотносимых с интимным опытом зрителя.

Ситуация начинает меняться во время второго путинского президентского срока, когда начинают мало-помалу проясняться общие очертания нового языка российской властной публичности, тех ценностей, которые будут далее позиционироваться как значимые, и тех характеристик, которыми, с точки зрения властных элит, должна обладать «правильная» социальная реальность. Школа снова превращается в поставщика продуктивных социальных метафор – и причин тому может быть несколько. С одной стороны, постсоветское общество начало структурироваться и предлагать более или менее устойчивые и предсказуемые наборы социальных ролей и стереотипов – которые, в свою очередь, можно было сопоставить с теми, что предлагались институтом школьного образования.

С другой, сформировался все более и более очевидный и растущий запрос на «совстальгию», причем запрос этот исходил как от властных элит, так и от массового зрителя [6]. Для последнего культурная память о советском прошлом, отодвинутая на эпическую дистанцию и очищенная таким образом от травматического опыта, легко становилась основой для ресентимента. Первые же с готовностью использовали эту диспозицию для того, чтобы замаскировать очевидный зазор между процессом их собственной консолидации (активная – законодательно оформляемая – легитимация отсутствия смены власти, перекрытие социальных лифтов и т.д.) и отсутствием реальных, не декларативных стратегий успешного социального и экономического развития. То, что в конце 1990-х начиналось как развлекательный медийный феномен, эксплуатирующий массовый интерес к общей культурной памяти, но основанный при этом на иронических и даже критических диспозициях по отношению к предмету описания (такие проекты Л. Парфенова как «Намедни» и «Старые песни о главном»), постепенно переходило на язык вполне реального ресентимента, крайне удобный для политической манипуляции. Соответственно, и процедура культурного ресайклинга постепенно поднялась с сугубо феноменологического уровня конкретных сюжетов, символически значимых объектов, музыкальных тем и т.д. – на уровень «возрождения жанров». Крайне активное и заинтересованное участие в этом процессе приняли и элиты культурные, которые – вне зависимости от конкретных политических предпочтений – были озабочены поиском символических ресурсов, способных стать основой для языка постсоветской российской культуры, внятного для разных социальных страт [7, с. 129].

Прорывным для нового школьного кино стал 2008 год, когда на экраны практически одновременно вышли два несомненно «школьных» фильма – «Розыгрыш» А. Кудиненко и «Все умрут, а я останусь» В. Гай-Германики. Интересно не только то, что две эти картины под-

ходят к процедуре жанрового ресайклинга с принципиально разных позиций, но и то, что для обоих режиссеров эти фильмы стали полноценным дебютом на российском экране (Андрей Кудиненко до этого снял пару полнометражных фильмов в Белоруссии), то есть могут, в контексте сложившейся традиции, рассматриваться как значимые «стартовые высказывания». Объем статьи не позволяет полноценного сопоставительного анализа обеих картин, и я положусь на принцип pars pro toto, ограничившись краткими характеристиками финальных сцен, которые так или иначе «вскрывают» авторские интенции, находясь в сильной нарративной позиции.

В финальном монологе героини «Все умрут, а я останусь» речь идет о тотальной дискредитации любых социальных связей – вплоть до уровня элементарной личностной коммуникации. Фактически, в данном случае мы имеем дело с прямым авторским заявлением, сводящим воедино все основные мотивы картины, имеющие отношение к такими понятиям как дружба, любовь, родительская забота, милосердие и т.д.: понятиям, которые квалифицируются как иллюзии, мешающие протагонистке осознать истинную природу отношений между индивидом и любым видом социальности. «Розыгрыш» заканчивается закадровым монологом антагониста, своего рода саморазоблачением, построенным на инверсии представлений о «большом» и «малом». Противопоставление двух возможностей – 1) контроля над широким спектром обстоятельств, вписанных в публичную социальность, и 2) узкими суммами обстоятельств, существующими на уровне приватных контекстов – выстраивается на перечислении бонусов, принадлежащих к «большому» контексту (престижный университет, стажировка за границей, крутые девушки и тачки), которые лишаются всякого смысла с сравнении с неким расплывчатым «все остальное». Здесь мы также имеем дело с прямым авторским высказыванием, которое пытается навязать зрителю узнаваемо шестидесятническую позицию. И в полном соответствии с этим трендом – с точки зрения социальной прагматики – это высказывание поддерживает конформистские аттитюды («у тебя и так уже есть все, что тебе нужно»), апеллируя при этом к другой дихотомии «настоящего» и «ложного», где вещи «настоящие», судя по всему, полностью совпадают с тем набором абстрактных понятий, которые дискредитируются в фильме Гай-Германики: любовь, дружба, милосердие и т.д.

Оба финальных монолога развивают – каждый в своем направлении – то соотношение между приватным и публичным, которое было задано в позднесоветской кинотрадиции, переадресуя зрителя к «памяти жанра». При этом «Розыгрыш», римейк одноименного фильма В. Меньшова (1976), несмотря на ряд иронических выпадов в сто-

рону оригинала (подбор артистов и т.д.) попросту экстраполирует набор устойчивых позднесоветских аттитюдов на новую социокультурную ситуацию: «истинно человеческие» ценности, связанные с приватными контекстами, здесь привычно противостоят бесчеловечному внешнему миру, который изъясняется на языке, непрозрачном для этих ценностей. «Все умрут» доводит до логического предела тот тренд на радикальную критику любой социальности, который намечался еще в «Чучеле» Р. Быкова и «Курьере» К. Шахназарова.

Впрочем, к этим двум вариантам адаптация жанра к новому социальному заказу, поступающему как со стороны зрительской аудитории, так и со стороны доминирующих элит, никоим образом не сводится. Так, предельно конформистский тренд, старательно воспроизводящий образцы лобовой советской пропаганды в жанре школьного кино, представлен «Училкой» А. Петрухина (2015), картиной, которая представляет собой попытку сконтаминировать римейк французской социальной драмы «La journée de la jupe» Жан-Поля Лилиенфельда (2008) с набором патриотических и социально-примирительных установок, не имеющих ничего общего с оригиналом. Впрочем, счет школьным фильмам, снятым в России за последние уже почти двадцать лет, идет на десятки, и подробный разбор этой темы требует совершенно другого формата – в пределе монографического.

Список цитируемой литературы:

1. Zenderland L. Introduction: Uses of the Past // Ed. by L. Zenderland. Recycling the Past: Popular Uses of American History. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1978. P. VII-XV.

2. Moser W. Le recyclage culturel // W. Moser; sous la direction de Dionne C. Recyclages: économies de l'appropriation culturelle. – Montréal (Québec): Éditions Balzac, 1996. P. 23–53.

3. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / W. Moser; sous la direction de C. Duchet et S. Vachon. [2ème éd.] – Montréal (Québec): XYZ, 1998. P. 519–534.

4. Вьюгин, В. «Культурный ресайклинг»: К истории понятия (1960—1990-е годы) // Новое литературное обозрение, 2021, № 3 (169). С. 13–32.

5. Михайлин, В., Беляева Г. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

6. Михайлин, В. Ex cinere: проект «советский человек» из перспективы post factum // Неприкосновенный запас, 2016, № 4 (108). С. 137–160.

7. Липовецкий, М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (Поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение, 2021, № 3 (169). С. 127–147.

Попова Е.А., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Россия
Богословская Н.А., магистрант,
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Россия

ОБРАЗ АФРИКИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация

В статье рассматривается образ Африки в русской литературе советского периода. На основе анализа текстов К.И. Чуковского, В.В. Маяковского, М. Горького, С.Я. Маршака, Ю.М. Нагибина исследуются основные характерные черты образа данного континента, специфика его населения и культуры, воссоздается целостная картина восприятия Африки в советской литературе. Объясняется двойственность данного образа, а также его значимость для русской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура; топоним; образ Африки; русская литература советского периода.

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению того, какое отражение в русском языковом сознании находят различные топонимы, в частности обозначающие российские и зарубежные географические объекты. Большое количество научных трудов посвящено следующим русским и европейским городам, запечатленным в отечественной литературе: Москва, Петербург, провинциальные города России (Пермь, Липецк, Воронеж, Тула и др.), а также крупнейшие культурные центры Европы – Венеция, Лондон, Париж, Прага, Рим, Флоренция. При этом, говоря об исследовании данной проблемы, необходимо отметить, что большой процент работ напрямую связан с изучением географических пространств России или Европы и совсем малое количество трудов посвящено топонимам и этнонимам, связанным с Азией и Африкой. В нашей работе мы обратимся к образу Африки в русской лингвокультуре, в частности, рассмотрим отражение этого образа в советской литературе.

Большое количество текстов, в которых в той или иной мере раскрывается образ Африки, принадлежит перу писателей, побывавших на этом континенте. Например, упоминание об Африке находим в знаменитом произведении писателя XIX в. И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Это произведение создано на основе путевых заметок – записи путешествия автора, в ходе которого автор побывал в разных странах, расположенных на разных континентах, в том числе, и в Африке.

XX век более богат на образы Африки в литературе. Описание этого континента находим в произведениях А.Т. Аверченко, Н.С. Гумилева, И.А. Бунина, А.М. Горького, В.В. Маяковского, Ф. Сологуба, К.И. Чуковского, Ю.М. Нагибина и др. Образ Африки во многих текстах представлен двойственно: в части произведений Африка предстает как дикий, жаркий край, пребывание в котором доставляет героям дискомфорт. Иллюстрацией этой мысли служат, например, сказки К.И. Чуковского «Айболит», «Бармалей» и «Крокодил», где Африка представлена как невероятно опасное место, посещать которое запрещено детям. Похожий образ Африки, т.е. как дикой и опасной страны, встречаем в поэтических произведениях И.А. Бунина. В его творчестве фигурирует образ Египта, где наиболее отчетливо и ярко чувствуется «темь веков» [1, с. 226].

Однако у образа Африки в литературе XX века есть и другая сторона. Это край, напрямую связанный с Богом, край, который упоминается в Библии, проникнутый тайной и особой божественной энергией. Ф.В. Кувшинов в своей работе отмечает, что герои сказки К.И. Чуковского «Доктор Айболит», представляющие образ Африки в произведении, «крокодил и обезьяна, оставленные доктором в своей родной Африке, убегают обратно к доктору, таким образом не только подтверждая миф о превосходстве СССР над другими странами и континентами, но и устанавливая связь между раем – домом Айболита, и раем – африканским заповедником… Африканский потерянный рай обретается в родной “сумрачной России”» [3, с. 204]. Как видно из данного отрывка, в образе Африки присутствует оттенок «чуждости» для русского языкового сознания, что вполне логично, учитывая степень различия русской и африканской культур и географическую отдаленность анализируемых объектов.

Образ Африки двойственен и противоречив, поскольку она сочетает в себе черты рая и ада, божественное и дьявольское, кроме того, символизирует собой отсталую и дикую культуру. Сравнения Африки с Россией могут быть как отрицательными (Россия предстает такой же отсталой, как и Африка), так и положительными для нашей страны (Африка кажется диким краем по сравнению с Россией).

В пьесе В.В. Маяковского «Мистерия-Буфф» (1918–1921) встречаем комичное, даже буффонадное изображение негуса абиссинского, неразборчивого в еде:

«Негус
Прошу не забываться –
с вами говорит негус,
и негус хочет кушать.
Что это?
Должно быть, вкусная собачка?
Рыбак
Я те дам – собачка!
Это морж, а не собачка» [6, т. 2, с. 462].

Это произведение относится к периоду ранней советской литературы, однако проанализированная нами деталь кажется нам вполне закономерной в контексте рассмотрения образа Африки в целом.

Упоминание об Африке встречаем и у М. Горького во второй части романа «Жизнь Клима Самгина» (1928). Один из персонажей, Митрофанов, для характеристики смятения, накрывшего Россию, использует ее сравнение с Африкой: «Это уж, знаете, похоже на Африку: негры, носороги, вообще – дикая сторона!» [2, с. 410].

В поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) показан умирающий угнетенный негр, для которого Ленин – это «борец, каратель, мститель» [6, т. 2, с. 241], «заступник и расплатчик» [6, т. 2, с. 242]: «Вон / среди / золотистых плантаций / засеченный / вымычал негр: У-у-у-у-у, / у-у-у! / Нил мой, Нил! / Приплещи / и выплещи / черные дни! / Чтоб чернее были, / чем я во сне, / и пожар чтоб / крови вот этой красней. / Чтоб во всем этом кофе, / враз вскипелом, / вариться пузатым – черным и белым. / Каждый / добытый / слоновий клык – тык его в мясо, / в сердце тык. / Хоть для правнуков, / не зря чтоб / кровью литься, / выплыви, / заступник солнцелицый. / Я кончаюсь, – бог смертей / пришел и поманил. / Помни / это заклинанье, Нил, / мой Нил!» [6, т. 2, с. 242-243]. Изображение коренных жителей Африки – негров – как несчастных людей, угнетаемых белыми колонизаторами, следовательно, нуждающихся в сочувствии и помощи, будет штампом всей советской литературы.

В стихотворении «Нашему юношеству» (1927) В. Маяковского есть строки, которые часто цитировались в период существования СССР, когда речь шла о русском языке и его изучении людьми разных национальностей: «Да будь я / И негром преклонных годов, / и то, / без унынья и лени, / я русский бы выучил / только за то, / что им / разговаривал Ленин» [6, т. 1, с. 435-436]. Здесь негр выступает как обозначе-

ние какого-то предела, крайности, не случайно перед словом *негр* употреблена усилительная частица *и* («русский язык изучают все, даже негры» – такое значение вкладывается в приведенную фразу).

Советские художники слова в своих произведениях писали о равенстве представителей всех национальностей, об отсутствии превосходства людей какой-то одной нации или расы над людьми, принадлежащими другим нациям и расам. В этом заключалось коренное отличие СССР как социалистического государства от капиталистических стран. Негры как представители черной расы, которые в других странах и у себя на родине, где господствовали колониальные порядки, подвергались дискриминации, для такого изображения подходили лучше всего. Например, в произведении для детей С.Я. Маршака «Мистер Твистер» (1933) высмеивается расизм, для этой цели сатирически изображается американский миллионер мистер Твистер, который вместе с женой и дочерью «едет туристом / В СССР» [5, с. 45]. Американец «не любит цветного народа», т.е. «негров, малайцев и прочего сброда» [5, с. 41], поэтому на великолепном пароходе, на котором он плывет в СССР, этих людей нет. «Негров, / Малайцев / И прочий народ / В море качает / Другой пароход», где им «Мокро и жарко», где «Брызжет волна, / И чадит кочегарка» [5, с. 44]. Но в СССР такого неравенства нет и быть не может. В Ленинграде семья иностранного туриста едет в гостиницу «Англетер» и по пути в свои номера встречает чернокожего «громадного роста» [5, с. 49]. С помощью сравнения поэт подчеркивает черный цвет его кожи: «Темный, как небо / В безлунную ночь» [5, с. 49]. Бывший министр едва удерживается от гнева, который разделяют его жена и дочь, они бегом покидают гостиницу: «Едем отсюда / Немедленно прочь! / Там, где сдают / Номера / Чернокожим, / Мы на мгновенье / Остаться / Не можем» [5, с. 51]. «Сердитые янки» [5, с. 52] объехали все гостиницы Ленинграда, но нигде не оказалось свободных мест, поскольку много людей со всего мира приехало на международный съезд. Тогда мистер Твистер с семьей уже ночью вернулся в «Англетер». Но их номера оказались уже занятыми. Уставших американцев пожалел швейцар: одну из женщин он «уложил <…> в швейцарской на койку, другой предложил <…> буфетную стойку» [5, с. 59]. А бывший министр заснул на пороге гостиницы на стуле. Утром его в таком виде увидели два негритенка. Дети пожалели Твистера: «– Бедный старик! / Он ночует на стуле…» [5, с. 63]. На это чистильщик обуви, который был при этом, им ответил: «– Ребята, / Это не бедный старик, / А богатый. / Он наотрез / Отказался вчера / С вами в соседстве / Занять номера. / Очень гордится / Он белою кожей – / Вот и ночует / На стуле в прихожей!» [5, с. 64]. Произведение заканчивается

тем, что мистер Твистер соглашается на предложение швейцара занять свободные номера, несмотря на его предупреждение о том, что «Комнату справа / Снимает китаец, / Комнату слева / Снимает малаец. / Номер под вами / Снимает монгол. / Номер под вами – / Мулат и креол!..» [5, с. 66]. Конечно, наивно было бы думать, что пребывание в СССР полностью перевоспитало бывшего министра, но тем не менее он, пострадав из-за собственных ложных расовых предубеждений, уже смог поселиться рядом с людьми, имеющими другой цвет кожи.

Для рассмотрения образа Африки в советской литературе нельзя не обратиться к произведению Ю.М. Нагибина «Моя Африка» (1973). Это собрание путевых заметок. Из предисловия к книге узнаем, что «Юрий Нагибин совершил первую поездку в африканские страны. За ней последовали другие. Накапливался материал. Появлялись журнальные публикации. Пробуждался более углубленный интерес к Африканскому континенту. Как говорится в таких случаях, писатель “заболел” новой тематикой». <…> “Сумею ли я за краткое трехнедельное путешествие хоть краешком заглянуть в скрытую жизнь этих людей, хоть в малой мере понять их страсти, их надежды и горести, их стремления и желания, их гнев и нежность?” – пишет Юрий Нагибин» [8, с. 5]. В произведении особое внимание уделяется людям «новой Африки»: «Автор не впадает в грех, присущий многим беллетристам, залетевшим в африканские просторы и выезжающим на экзотике, на броских описаниях борющегося континента, жители которого якобы только и знают, что бесконечно танцуют, жгут костры, бьют в тамтамы и с ходу, не успев как следует и познакомиться, осыпают прибывшего пословицами и поговорками, а узнав, что перед ними советский человек, впадают в неописуемый восторг... Персонажи его книги говорят просто, естественно и достоверно. “Вы поедете по стране, вы увидите древнюю роскошь и нищету настоящего, вы увидите ростки нового, вы увидите, что люди по-другому глядят на мир. И это, быть может, самое важное, самое ценное, я бы сказал, даже самое реальное из всего, что принесло нам сегодня национальное освобождение: новый, открытый взгляд людей, над которыми никогда уже не взовьется кнут колонизаторов, взгляд людей, все отчетливее и глубже осознающих свою свободу от иноземцев, свое гражданство в независимом государстве, взгляд людей, пробуждающихся для сознательной жизни в обществе”, – говорит автору один марокканский служащий» [8, с. 5-6].

Тема Африки была одной из актуальных и популярных тем в советской литературе. Это было напрямую связано с идеологической составляющей того времени. Ф.В. Кувшинов отмечает: «Эта тема была удобна своей схематичностью, шаблонностью, когда необходимо было

декларировать какие-то идеологические установки без доказательной базы. Сама эта шаблонность объясняется географической и культурной отдаленностью Африки от России, что лишь способствовало ее символизации и мифологизации» [4, с. 48]. В этом контексте Африка рассматривалась как некое отдаленное место, край, где всё возможно. Этот континент мог символизировать все темные и жуткие проявления человеческой натуры, но, в то же время, олицетворял собой некий романтический образ, мистический, таинственный, напрямую связанный с актуальными для того времени революционными идеями.

Особенностью восприятия образа Африки в советской литературе является то, что там человек оказывается во власти сильных и далеко не всегда положительных эмоций и впечатлений: «отечественная литература создает представление об Африке как о загадочном крае, где с особенной остротой ощущается и присутствие Бога, когда-то, в древности, разместившего здесь Эдем – земной рай, и опасность, которая почти всегда угрожает человеку, прибывшему в край хищных зверей и дикарей» [7, с. 361]. Персонажи произведений русской литературы советского периода не хотят остаться жить в Африке, но рассматривают ее как место для возможного воплощения своих потаенных желаний, а, пребывая там, ощущают всю гамму чувств: от страха и тоски, до восхищения. В советской литературе Африка представляла собой континент, который расположен далеко от России (СССР) и, поэтому, очень сильно отличается от нее. Советские писатели изображали Африку как арену борьбы с угнетателями, а население Африки – как людей, которые должны быть равными везде и во всём всем остальным, прежде всего белым.

Список цитируемой литературы:

1. Бунин, И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. / И.А. Бунин. – Москва: Художественная литература, 1987. – 687 с.

2. Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 20 / М. Горький. – Москва: ГИХЛ, 1952. – 648 с.

3. Кувшинов, Ф.В. «Доктор Айболит» К.И. Чуковского: В поисках потерянного рая / Ф.В. Кувшинов // Сюжетология и сюжетография. – 2016. – №2. – С. 198-206.

4. Кувшинов, Ф.В. Тема Африки в русской литературе первой трети XIX века / Ф.В. Кувшинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №2. – С. 45-49.

5. Маршак, С.Я. Сказки, песни, загадки в 2 т. Т. 2 / С.Я. Маршак. – Москва: Детская литература, 1966. – 503 с.

6. Маяковский, В.В. Сочинения в двух томах / В.В. Маяковский. – Москва: Правда, 1987–1988. – Т. 1. 768 с. Т. 2. 768 с.

7. Попова, Е.А., Шурупова, О.С. Образ Африки в русской лингвокультуре / Е.А. Попова, О.С. Шурупова // Новый филологический вестник. – 2022. – №4. – С. 357-364.

8. Хохлов, Н. Своя чеканка / Н. Хохлов // Нагибин Ю.М Моя Африка. Путевые очерки. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – С. 5-10.

Попова Е.А., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Россия

ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация

В статье на материале «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940) и произведений художественной литературы рассматриваются лексические единицы, являющиеся отражением революционной и послереволюционной эпохи.

Ключевые слова: Октябрьская революция; русский язык революционной и послереволюционной эпохи; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова; советская эпоха; историзмы; неологизмы; сложные слова; аббревиатуры.

Советская эпоха – следствие Октябрьской революции, которую во времена СССР торжественно называли «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Великий Октябрь», «Октябрь», а сейчас все чаще именуют Октябрьским переворотом. Например, в «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова у слова *октябрь* зафиксированы два новых переносных значения и оттенок значения, которые даются с пометами *нов. торж*. (новое торжественное) и пишутся с прописной буквы: «**ОКТЯБРЬ**. <…> **2.** (О прописное). Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года (нов. торж.). // *перен*. Вообще социальная революция с теми же целями и идеалами, что и в Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР (нов. торж.). *Мы будем бороться за китайский Октябрь* (из декларации китайских комсомольцев). **3.** (О прописное). Годовщина Великой Октябрь-

ской Социалистической революции (нов. торж.)» [12, т. 2, стб. 798]. Амбивалентность восприятия этого исторического события, изменившего основы существования как нашего государства, так и национального быта, нашла отражение в стихотворении В.В. Маяковского «Ода революции» (1918): «*О, звериная! / О, детская! / О, копеечная! / О, великая! / Каким названьем тебя еще звали? / Как обернешься еще, двуликая? / Стройной постройкой, / грудой развалин?»* [8, т. 1, с. 100]. Через сто с лишним лет эти слова поэта, особенно последние, имеющие форму риторических вопросов, не потеряли своей актуальности.

Революция 1917 г. оказала сильное влияние на словарный состав русского языка: общеизвестно, что лексический уровень более всего реагирует на изменения, происходящие в обществе. Как писал С.И. Карцевский во вступлении к книге «Язык, война и революция», изданной в Берлине в 1923 г., «социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре» [4, с. 3]. Под влиянием революции многие слова русского языка перешли в пассивный запас, став, как правило, историзмами. Такие слова, как *князь*, *камергер*, *гимназия*, *гимназист*, *городовой*, *кадет*, *мировой судья*, *цесаревич* и др., в «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) даются с пометой *дореволюц*. (дореволюционное), указывающей, что «слово обозначает предмет или понятие, вытесненные послереволюционным бытом» [12, т. 1, стб. XXVIII]. Эта помета, наряду с пометами *истор*. (историческое) и *загр*. (за границей), в данном лексикографическом труде относится к группе помет, которые даются рядом со словами, обозначающими «предметы и понятия чуждого быта» [12, т. 1, стб. XXVII]. См. характерный пример из романа И.В. Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побежденные», показывающий, как революция изменила восприятие тех или иных слов и стоящих за ними понятий:

«– Благодарю, не беспокойтесь, я закутаюсь сверху в ***бывший*** (здесь и далее выделено нами. – Е.П.) *соболь, – ответила Ася.*

– То есть как "в ***бывший****"!? «Как же это соболь может быть "бывшим"?» —с удивлением спросила учительница. Ася вдруг рассмеялась веселым детским смехом:*

– <…> Это было мое mot (словечко (франц.). – Е.П.) *в двенадцать лет. Я вокруг себя тогда только и слышала:* ***бывший князь***, ***бывший офицер***, ***бывший дворянин****... Вот и вообразила, что соболь мой тоже бывший – ci-devant* (из бывших (франц.). – Е.П.). *С тех пор мы так и зовем его»* [3, с. 21].

Прилагательное *бывший* широко употреблялось в русском языке послереволюционной эпохи по отношению ко многим людям, которых революция лишила их чинов и званий. В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова оно дается как неологизм советской эпохи, о чем свидетельствует помета *нов*. (новое): «Лишенный своего звания или прав после Октябрьской революции (нов.). *Бывший великий князь*. *Бывший домовладелец* (обычно передается сокращенно одной буквой б.)» [12, т. 1, стб. 212].

В повести в стихах С.Я. Маршака «Быль-небылица. Разговор в парадном подъезде» (1947) старик рассказывает детям о том, как жили до революции, при этом многие слова, ставшие после революции историзмами, для детей как современных носителей языка являются агнонимами, и старику приходится объяснять, что означает то или иное слово и стоящее за ним понятие: «*– Дочь* ***камергера*** *Хитрово / Была хозяйкой дома. / Его не знал я самого, / А дочка мне знакома. / К подъезду не пускали нас, / Но, озорные дети, / С домовладелицей не раз / Катались мы в карете. / Не на подушках рядом с ней, / А сзади – на запятках. / Гонял оттуда нас* ***лакей*** */ В цилиндре и в перчатках. / – Что значит, дедушка,* ***“лакей”****? – / Спросил один из малышей. / – А что такое* ***“камергер”****? – / Спросил постарше пионер. / –* ***Лакей*** *господским был слугой, / А* ***камергер*** *– вельможей, / Но тот, ребята, и другой – / Почти одно и то же. / У них различье только в том, / Что первый был в* ***ливрее****, / Второй – в мундире золотом, / При шпаге, с* ***анненским крестом****, / С* ***Владимиром*** *на шее. / – Зачем он, дедушка, носил /* ***Владимира*** *на шее?.. – / Один из мальчиков спросил, / Смущаясь и краснея. / – Не понимаешь? Вот чудак! /* ***“Владимир”*** *был отличья знак. /* ***“Андрей”, “Владимир”, “Анна”*** *– / Так назывались ордена / В России в эти времена... – / Сказали дети: – Странно!»* [7, с. 404-405].

О том, что слова, понятные одному поколению, хорошо семантически им освоенные, будут полными агнонимами для их детей и внуков, пишет и В.В. Маяковский: «*Внуки / спросят: / – Что такое* ***капиталист****? – / Как дети / теперь: / – Что это /* ***г-о-р-о-д-о-в-о-й****?..»* («Владимир Ильич Ленин») [8, т. 2, с. 243].

На смену словам, обозначавшим реалии и понятия старого времени, пришли новые слова, ставшие зеркалом новой эпохи и отразившие новое устройство нашего государства, новые объединения людей, новые наименования людей по тому или иному признаку и т.д.: *СССР*, *РСФСР*, *Октябрь* (во 2 и в 3 знач.), *октябренок*, *октябрины*, *вуз*, *вузовец*, *вузовка*, *вузовский*, *втуз*, *втузовец*, *втузовка*, *втузовский*, *всесоюзный*, *рабоче-крестьянский*, *пятилетка*, *изба-читальня*, *избач*, *колхоз*, *колхозник*, *колхозница*, *колхозный*, *комсомол*, *комсомолец*, *комсомолка*,

красноармеец, *конармия*, *стахановец*, *субботник* (в 1 знач.), *пионер* (в 4 знач.), *пионерка* (в 4 знач.), *пионерия*, *рабфак*, *рабфаковец*, *рабфаковка*, *рабфаковский*, *техникум*, *ликбез*, *ликбезник*, *комячейка*, *чекист*, *чекистка*, *чекистский*, *даешь!* и др. В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова эти и подобные им слова представлены как неологизмы, что отражает помета *нов.* (новое).

В русском языке революционной эпохи более активными становятся те или иные группы лексики, что тоже является отражением духа времени. Например, это касается лексики, связанной с борьбой и войной, не случайно одна из частей труда А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» (1928) носит название «Борьба, война и язык» [10, с. 85-96]. Широта распространения терминов военного происхождения была связана, с точки зрения исследователя, вначале с «характером программной деятельности революционеров: борьба за освобождение трудящихся от эксплуататоров, от гнета правительственного режима» [10, с. 85], а затем с «обстоятельствами времени после 1917 г. Годы ожесточенной вооруженной борьбы, годы военного коммунизма утвердили преимущественное значение в жизни разных элементов военного содержания» [10, с. 86]. К числу этих терминов относится слово *террор*, заимствованное русскими революционерами у французских. Сразу же после Октябрьской революции появилось устойчивое словосочетание *красный террор*, которым называлось постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. – «О красном терроре». Это был комплекс карательных мер, направленных против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Но, по мнению ряда ученых, большевики начали широко использовать политику террора по отношению к классовым врагам еще до принятия соответствующего постановления.

В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под редакцией Д.Н. Ушакова прямое значение слова *террор* отражает суть этого понятия и имеет положительную оценочность (это выражено в толковании лексического значения, подборе примеров), которую власть вкладывала в значение этого слова: «**ТЕРРО́Р** [латин. terror – ужас] (полит.). **1.** Физическое насилие по отношению к политическим врагам. *Наш красный террор есть защита рабочего класса от эксплуататоров, есть подавление сопротивления эксплуататоров...* Ленин. *Эсеры, убившие т.т. Урицкого и Володарского и произведшие злодейское покушение на жизнь Ленина, за белый террор против большевиков были подвергнуты красному террору...* История ВКП(б)» [12, т. 4, стб. 693]. Второе значение этого слова связано с периодом Террора во времена Французской буржуазной революции и тоже, по данным этого

словаря, имеет положительную оценочность: «**2.** [Т прописное]. Период активной расправы с контрреволюционерами, возглавлявшейся якобинцами в 1793-94 гг. во Франции (истор.). *Период Террора*» [12, т. 4, стб. 693]. Естественно, что только в официальных источниках того времени, в том числе разрешенной литературе, слово *террор* имело положительную оценочность. См., например, фрагмент из повести Б.А. Лавренева «Седьмой спутник» (1926–1927), в котором цитируется текст большевистской листовки: «*По близорукости Евгений Павлович пригнулся к самому тексту, царапая лист серебряной щеточкой бородки. В глаза ввинтилось:*

"...на убийство товарища Урицкого, на покушение на вождя мировой революции товарища Ленина пролетариат ответит смертельным ударом по прогнившей буржуазии. Не око за око, а тысячу глаз за один. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя. Да здравствует ***красный террор****!"»* [5, с. 65].

Посвященные террору стихотворения М.А. Волошина «Терминология», «Террор», «Бойня», «Красная Пасха», написанные в 1921 г. в Крыму, представляют его совсем по-другому: *«"Брали на мушку", "ставили к стенке", / "Списывали в расход" – / Так изменялись из года в год / Быта и речи оттенки. / "Хлопнуть", "угробить", "отправить на шлепку", / "К Духонину в штаб", "разменять" – / Проще и хлеще нельзя передать / Нашу кровавую трепку. / Правду выпытывали из-под ногтей, / В шею вставляли фугасы, / "Шили погоны", "кроили лампасы", / "Делали однорогих чертей". / Сколько понадобилось лжи / В эти проклятые годы, / Чтоб разъярить и поднять на ножи / Армии, классы, народы. / Всем нам стоять на последней черте, / Всем нам валяться на вшивой подстилке, / Всем быть распластанным – с пулей в затылке / И со штыком – в животе»* («Терминология») [2, с. 173].

Почти в одно и то же время с этим стихотворением Волошиным были написаны стихотворения «Бойня», «Террор», «Красная Пасха». По данным поэта, в Крыму по распоряжению председателя Крымского ревкома Бела Куна, «в первую зиму было расстреляно 96 тыс. на 800 т. всего населения, т.е. через 8-го» (из письма М.А. Волошина К.В. Кандаурову от 15 июля 1922 г.) [2, с. 449]. Стихотворение «Бойня» имеет подзаголовок «Феодосия, декабрь 1920». В декабре 1920 г. красный террор превратился в Феодосии в бойню: в течение полутора месяцев каждую ночь расстреливали по 300-400 человек. Общее число казненных за это время – 7000-8000 человек.

Слова и выражения со значением «убить», использованные в стихотворении М. Волошина «Терминология», совпадают с теми, о которых пишет С.И. Карцевский: «У большевиков для понятия "убить"

существует масса выражений: *разменять*, *чекнуть* (от *ЧК*), *отправить на митинг* (у матросов обозначало – утопить офицеров), *поставить к стенке*, *отправить в штаб Духонина*, *отправить в Харьков*, *в конверт и на почту*» [4, с. 17].

В «Воспоминаниях» Д.С. Лихачева (1906–1999) одна из частей носит название «Красный террор». Здесь автор пишет о том, чему он был свидетелем: *«Одна из целей моих воспоминаний – развеять миф о том, что наиболее жестокое время репрессий наступило в 1936–1937 гг. Я думаю, что в будущем статистика арестов и расстрелов покажет, что* ***волны арестов, казней, высылок*** *надвинулись уже с начала 1918 года, еще до официального объявления осенью этого года "красного террора", а затем* ***прибой*** *все время* ***нарастал*** *до самой смерти Сталина, и, кажется,* ***новая волна*** *в 1936–1937 гг.* ***была*** *только* ***"девятым валом"****... Открыв форточки в своей квартире на Лахтинской улице, мы ночами в 1918–1919 гг. могли слышать беспорядочные выстрелы и короткие пулеметные очереди в стороне Петропавловской крепости»* [6, с. 110]. Развернутая метафора, связанная с морем, очень точно помогает автору передать нарастание террора: *волны арестов, казней, высылок – прибой все время нарастал – новая волна была «девятым валом»*. В этом фрагменте на развернутую метафору накладывается градация.

О массовых убийствах в Крыму в начале 20-х годов с болью и горечью пишет И.С. Шмелев в эпопее «Солнце мертвых» (1923). Эта была и личная боль писателя, потерявшего в этом кровавом аду единственного, горячо любимого сына Сергея, арестованного в ноябре 1920 г. и расстрелянного без суда и следствия в январе 1921 г. вместе с другими десятками тысяч участников белого движения, которых вначале советская власть помиловала, а потом изменила свое решение и расстреляла. По одним источником, погибших было 40 тысяч, по другим – 60 тысяч. Один из героев «Солнца мертвых» – полусумасшедший доктор, потерявший всех родных, – говорит повествователю-рассказчику (эта часть носит показательное название «Моменто мори»): *«– Вострубит Архангел, как надлежит по предуказанному ритуалу: "Эй, вставайте, вси умерщвленные, на Инспекторский Смотр!" – И восстанут – кто с чем. Из морских глубин, с чугунными ядрами на ногах, из оврагов предстанут, с заколоченными землею ртами, с вывернутыми руками... из подвалов даже – с пробитыми черепами предстанут на Суд и подадут обвинение!»* [13, с. 78].

И.А. Бунин в «Окаянных днях» (эта книга основана на дневниковых записях, которые писатель вел в Москве и Одессе с 1918 по 1920 г.) о событиях в Крыму 1918 г. отзывается так: «*Читал о стоя-*

щих на дне моря трупах, – убитые, утопленные офицеры» (2 марта 1918 г.) [1, с. 321].

Еще одной чертой языка революционной и послереволюционной эпохи является большое количество неологизмов-аббревиатур и сложных слов, среди которых как имена собственные, так и нарицательные: *СССР*, *РСФСР*, *РВС*, *РКП*, *ВКП (б)*, *ЧК*, *исполком*, *комсомол*, *комсостав*, *комдив*, *комбриг*, *комвуз*, *военмор*, *военкор*, *военком*, *военкомат*, *военрук*, *совнархоз*, *продналог*, *продразверстка*, *партработа*, *партзанятия*, *рабфак*, *рабселькор*, *Волховстрой*, *Днепрогэс*, *пионердвижение*, *пионеротряд*, *ревком*, *реввоенсовет*, *ликбез*, *техперсонал*, *техпропаганда*, *технорук*, *техред* и др. Аббревиатуры были даже среди личных имен, которыми называли детей после Октябрьской революции: мужские имена *Владлен* (*Владимир Ленин*), *Владилен* (*Владимир Ильич Ленин*), *Вилен* (*В.И. Ленин*), *Велиор* (*Великая Октябрьская революция*), *Марлен* (*Маркс, Ленин*), *Ленвлад* (*Ленин Владимир*), *Ким* (*Коммунистический интернационал молодежи*), женские имена *Ревмира* (*революция мировая*), *Тролебузина* (*Троцкий*, *Ленин*, *Бухарин*, *Зиновьев*) и др.

Руководящая роль коммунистической партии повлияла на широкое использование в русском языке той эпохи сложных слов-неологизмов с первым корнем *парт-*. В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова зафиксированы такие слова, как *партколлегия*, *партколлектив*, *партком*, *партконференция*, *партнагрузка*, *парторг*, *парторган*, *партработа*, *партработник*, *партсобрание*, *партстаж*, *партсъезд*, *партшкола*, *партячейка* [12, т. 3, стб. 55-56]. Толкование их значений сопровождается пометой *нов.* В этом словаре еще больше слов-неологизмов с первым корнем *полит-*, что тоже связано с отражением политики партии коммунистов (большевиков): *политдень*, *политграмота*, *политзаключенный*, *политкаторжанин*, *политотдел*, *политотделец*, *политпросвет*, *политпросветработа*, *политпросветработник*, *политпросветчик*, *политпросветчица*, *политработник*, *политредактор*, *политредакция*, *политрук*, *политсостав*, *политуправление*, *политучеба*, *политчас*, *политчасть*, *политэконом*, *политэкономия* [12, т. 3, стб. 521-526].

Корень *ком-* в сложных словах-неологизмах имел разные значения, которые в словаре под ред. Д.Н. Ушакова представлены как омонимы: «**[ком]**[1] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. коммунистический, напр., компартия, Коминтерн, комвуз. **[ком]**[2] (нов. воен.). Сокращение, употр. в новых сложных словах: 1) в знач. командный, напр. комсостав; 2) в знач. командир, напр. краском, комбриг (командир бригады), комбат (командир батальона). **[ком]**[3] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах: 1) в знач. комитет, напр.

домком, комбед (комитет бедноты), концесском; 2) в знач. комиссия, напр. комвнуторг (комиссия по внутренней торговле). **[ком]**[4] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. коммунальный, напр. откомхоз (отдел коммунального хозяйства). **[ком]**[5] (нов. офиц.). Сокращение, употр. в новых сложных словах: 1) в знач. комиссар, напр. нарком, политком, военком; 2) в знач. комиссариат, напр. Наркомпрос, Наркомпочтель» [12, т. 1, стб. 1415-1416].

Многие лингвисты того времени считали, что «неумеренное пользование подобными словами портит язык, так как зачастую заставляет ломать себе голову над значением каких-нибудь *моссельпрома*, *фона*, *ленгиза*, *санпросвета*, *укома*, *крестинтерна*, *ваппа* и т.д. Раз понимание слов хоть немного затруднено или если они возбуждают какие-нибудь посторонние ассоциации (*полпред – половина*, *ленгиз – Лена* и *Гизы*; *санпросвет – Сан-Франциско* и т.д., *политрук – полить* и *руки*), что, конечно, задерживает процесс речи – мысли, то такие слова, несомненно, портят язык» [14, с. 114]. Это мнение Л.В. Щербы, жившего и работавшего в СССР, и оно во многом совпадает с точкой зрения лингвиста-эмигранта С.И. Карцевского: «<…> В большинстве случаев сокращения являются либо абсолютно немотивированными словами, либо словами недостаточно мотивированными и должны быть приравнены к словам-этикеткам. <…> Во всем этом сказывается искусственный, надуманный характер сокращений. Живой язык, а тем более народный язык сам создавать сокращения не будет. Но он может принять навязанные ему, заранее сфабрикованные подобные слова, как принимает он заимствования, которые ведь тоже абсолютно не мотивированы» [4, с. 52].

Самым анекдотичным сокращением тех лет было слово *замкомпоморде*, о котором пишет И.В. Головкина (Римская-Корсакова) в романе «Побежденные»: *«– <…> Советское сокращение! Ведь у них* ***“замком по морде”*** *– заместитель командира по морским делам <…>»* [3, с. 237]. По мнению современных языковедов В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, эта языковая единица, восходящая к языку революционной и послереволюционной эпохи, в качестве шутливого наименования заместителя командира по морским делам употребляется в современном морском жаргоне [см. 9, с. 244].

Сложные и сложносокращенные слова прочно вошли в русский язык того времени, нашли отражение в художественной литературе, в том числе и в поэзии. Например: «*Обмерев, / с далекого берега / **СССР** / глазами выев, / привстав на цыпочки, / смотрит Америка, / не мигая, / в очки роговые»* (В.В. Маяковский. «Американцы удивляются») [8, т. 1, с. 597]; «*Вперед, / отряды сжатые, / по ленинской тропе! / У нас / один*

вожатый / – товарищ ***ВКП»*** (В.В. Маяковский. «Песня-молния») [8, т. 1, с. 650]; «*Поэтом не быть мне бы, / если б / не это пел – / в звездах пятиконечное небо / безмерного свода* ***РКП»*** (В.В. Маяковский. «Владимир Ильич!») [8, т. 1, с. 120]; «*Америку / пересекаешь / в экспрессном купе, / идешь Чухломой – / тебе / в глаза / вонзается теперь /* ***РКП*** */ и в скобках / маленькое* ***“б”»*** (В.В. Маяковский. «Владимир Ильич Ленин») [8, т. 2, с. 261]; «*Ночь – / и на головы нам / луна. / Она / идет / оттуда / откуда-то… / оттуда, / где* ***Совнарком*** *и* ***ЦИК****, / Кремля / кусок / от ночи откутав, / переползает / через зубцы»* (В.В. Маяковский. «Хорошо!») [8, т. 2, с. 414]; «*Пыль / взбили / шиной губатой – / в моем / автомобиле / мои / депутаты. / Сидите, / не совейте / в моем* ***Моссовете»*** (Там же) [8, т. 2, с. 420]; «*После / Петю видели / у радиолюбителей. / Не прошел / мимо / и* ***Осоавиахима»*** (В.В. Маяковский. «Нагрузка по макушку») [8, т. 1, с. 509]; *«(Дезертир. – Е.П.) задремал, / заснул / и храпит, / как Ной, – / с* ***ГПУ****, / и то / не сыщешь»* (В.В. Маяковский. «Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника») [8, т. 1, с. 135]; «***Гиз*** */ не тиснет / монографии о вас»* («Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского») [8, т. 2, с. 231]; «*Среднего роста, / Плечистый и крепкий, / Ходит он в белой / Футболке и кепке. / Знак* ***ГТО*** */ На груди у него. / Больше не знают / О нем ничего»* (С.Я. Маршак. «Рассказ о неизвестном герое») [7, с. 441].

Аббревиатуры встречаются в названиях художественных произведений послереволюционной эпохи. Самые известные из них: А.П. Гайдар «Р.В.С.», Г. Белых, Л. Пантелеев «Республика ШКИД», В.В. Маяковский «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» и др.

В русском языке описываемой эпохи большую частотность получили неологизмы разных частей речи, образованные от имен вождей, руководителей партии, прежде всего, от имен *Ленин* и *Сталин*. В «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова данные слова даются с пометой *нов.*: «**ЛЕ́НИНЕЦ** (нов.). Человек, преданный учению Ленина, последовательно осуществляющий принципы ленинизма в своей деятельности» [12, т. 2, стб. 45]. «**ЛЕНИНИ́ЗМ** (нов.). Учение Ленина, представляющее собой дальнейшее развитие и конкретизацию марксизма в условиях империализма и пролетарской революции» [12, т. 2, стб. 45]. «**ЛЕ́НИНКА** (нов.). *Женск.* к ленинец» [12, т. 2, стб. 45]. «**ЛЕ́НИНСКИЙ. 1.** Связанный с личностью, жизнью и учением Ленина, созданный Лениным. **2.** Совершаемый в духе учения Ленина» [12, т. 2, стб. 45]. «**СТА́ЛИНЕЦ**[1] (нов.). Последователь учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, непоколебимо преданный делу Ленина – Сталина» [12, т. 4, стб. 479].

«**СТА́ЛИНЕЦ**[2] (нов. разг.). Название типа тракторов, изготовляемых Челябинским тракторным заводом им. товарища И.В. Сталина» [12, т. 4, стб. 479]. «**СТА́ЛИНСКИЙ** (нов.). *Прил*., по знач. связанное с великой эпохой строительства социализма в СССР под руководством вождя народов товарища И.В. Сталина. *Сталинская эпоха. Сталинские соколы Советской страны* (летчики). *Сталинская конституция. Сталинский стиль в работе*» [12, т. 4, стб. 479]. «**СТАЛИНИ́Т** (нов. тех.). Сверхтвердый сплав, применяемый для режущих инструментов, горного бурения и пр. [Изобретен в СССР и назван в честь товарища И.В. Сталина.]» [12, т. 4, стб. 479].

Как видно из приведенных словарных статей, слова, образованные от имен вождей, обозначали как людей (*ленинец*, *ленинка*, *сталинец*[1]), так и неодушевленные предметы (*сталинец*[2], *сталинит*), а также признаки, свойства (*ленинский*, *сталинский*). В поэме В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924) использованы почти все указанные производные от имени *Ленин*: «*Время, / снова / **ленинские** лозунги развихрь!*» [8, т. 2, с. 232]; «*Они не читали / и не слышали Ленина, / но это / были **ленинцы***» [8, т. 2, с. 253]; «***Ленинизм** идет / все далее / и более / вширь / учениками / Ильичевой выверки*» [8, т. 2, с. 258]; «*Еще / в караул / вставала в почетный / суровая гвардия / **ленинской** выправки <…>*» [8, т. 2, с. 293] и т.д.

В стихотворении «Комсомольская» (1924), написанном как отклик на смерть Ленина, Маяковский употребляет окказионализм *Ленинка* – омоним к существительному *ленинка*, зафиксированному в «Толковом словаре русского языка» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова: словом, *Ленинка* (с прописной буквы) поэт хочет в честь вождя назвать планету: «*Ленин – / жив / шаганьем Кремля – / вождя / капиталовых пленников. / Будет жить, / и будет / земля / гордиться именем: / **Ленинка***» [8, т. 1, с. 212].

В честь вождей давали имена детям: кроме уже упомянутых мужских имен *Владлен, Владилен*, *Вилен, Марлен*, *Ленвлад*, широко использовались женские имена *Стали́на* и *Нинель* (образовано при обратном чтении слова *Ленин*).

Язык в разные периоды своего существования может претерпевать разные виды развития: 1) слабое (в период стабильного социально-экономического развития общества), 2) интенсивное (в период крупных социально-политических и экономических перемен, интенсивного культурного развития, общественного подъема), 3) бурное (в эпоху смены общественно-экономических формаций) [11, с. 209-210]. Ср. с мнением С.И. Карцевского, высказанным «по горячим следам» Октябрьской революции в 1923 г.: «<…> Серьезно говорить о “рево-

люции" в русском языке не приходится, ибо все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обычными нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом» [4, с. 69-70]. Октябрьская революция и последовавшее за ней строительство социализма в СССР стали причиной бурного, ускоренного развития русского языка в 20-30 годы XX века. Можно по-разному оценивать изменения в языке того времени, как и само время. Но это наше прошлое, наша история, свидетелями которой были наши предки, и надо не только давать оценку этому прошлому с позиций сегодняшнего дня, но и постараться его понять. Большинство из рассмотренных слов и выражений, будучи приметой определенного времени, ушло из языка вместе со своей эпохой, став устаревшими. Представление о словах и выражениях революционной и послереволюционной эпохи и о понятиях, стоящих за ними, большая часть современных образованных носителей русского языка получает из толковых словарей, прежде всего «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и художественных произведений, созданных в то время или описывающих то время.

Список цитируемой литературы:

1. Бунин, И.А. Окаянные дни / И.А. Бунин // Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. – Москва: Сантакс, 1994. – С. 301-405.

2. Волошин, М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / М.А. Волошин. – Москва: Правда, 1991. – 480 с.

3. Головкина, (Римская-Корсакова), И.В. Побежденные / И.В. Головкина (Римская-Корсакова). – Москва: Айрис-Пресс, 2006. – 656 с.

4. Карцевский, С.И. Язык, война и революция / С.И. Карцевский. – Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. – 72 с.

5. Лавренев, Б.А. Седьмой спутник / Б.А. Лавренев // Лавренев Б.А. Гравюра на дереве: Повести и рассказы. – Москва: Правда, 1989. – С. 61-131.

6. Лихачев, Д.С. Воспоминания / Д.С. Лихачев. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 448 с.

7. Маршак, С.Я. Собрание сочинений в 8 т. Т. 1. – Москва: Художественная литература, 1968. – 543 с.

8. Маяковский, В.В. Сочинения в двух томах / В.В. Маяковский. – Москва: Правда, 1987–1988. – Т. 1. 768 с. Т. 2. 768 с.

9. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.

10. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А.М. Селищев. – Москва: Работник просвещения, 1928. – 248 с.

11. Стернин, И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2008. – 596 с.

12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. – Т. 1. 824 с. Т. 2. 520 с. Т. 3. 712 с. Т. 4. 752 с.

13. Шмелев, И.С. Солнце мертвых: Эпопея / И.С. Шмелев. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. – 256 с.

14. Щерба, Л.В. Культура языка / Л.В. Щерба // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – №2. – С. 114-119.

Рахматуллина Р.Д., магистрант 1 курса
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», г. Казань

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые направления популяризации образов Советского Союза в массовой культуре, а также причины, почему это происходит.

Ключевые слова: Советский Союз, популяризация, массовая культура.

Союз Советских Социалистических Республик – огромный пласт времени, ушедший в небытие. Однако сколько приятных воспоминаний о себе он оставил в сердцах людей! Чем дальше мы устремляемся на колеснице времени в светлое будущее, тем чаще вспоминаем свое не менее светлое прошлое. Образы Советского Союза все чаще и чаще всплывают в массовой культуре, становясь одним из популярных направлений современной моды (в данной статье под словом «мода» подразумеваются популярные веяния во всех сферах человеческой жизни – не только в сфере дизайна одежды, но и в сфере образования, культуры, производства и т. п.). Мы все чаще возвращаемся к просмотру потрясающих советских фильмов, передач, пытаемся сохранить книги и знания, полученные в СССР.

Если обратиться к графике, визуальным трактовкам образа Советского Союза в современном изобразительном искусстве, не претендующим на официальное признание, а обслуживающим «настроения» массовых пользователей из числа молодых, то подобное творчество может вызвать настоящий культурный шок. Образцы таких произведений представлены ниже на рисунке 1 [2].

Цель — не только создать позитивное настроение, но и сакрализировать образ советской власти. Если говорить о двух представленных выше работах, то можно также отметить – подчеркнуты патриотизм (первая картина слева), интеллектуальный способ проведения досуга (игра в шахматы на второй картине). Несмотря на то, что девушки, запечатленные на картинах, представлены в полуобнаженном виде (в купальнике) или просто в достаточно открытой одежде (майка, шорты), сами картины не вызывают ощущения вульгарщины, пошлости или еще чего-то аморального. Выражения лиц у девушек – задумчивые, увлеченные, решительные, а не томные, наглые или с выпученными губами, как это модно делать сейчас [2].

Рисунок 1 - Работы российских художников студии Doping-Pong, специализирующихся на СССР-арте (ностальгический жанр, «где счастье, солнце, детство»)

Однако у медали есть и другая сторона – довольно популярным стало использование атрибутики и образов советского прошлого в жанре пин-ап, который сам по себе характеризуется довольно откровенными иллюстрациями с незамысловатым подтекстом. Обычно на подобных изображениях можно заметить красивых девушек, но на рисунке 2, приведенном ниже, изображен еще и мужчина [2].

Рисунок 2 – Картина «Слава труду!» (автор – Валерий Барыкин)

Данная картина авторства Валерия Барыкина символизирует, с одной стороны, подъем Советского Союза в области науки, техники и сельского хозяйства, а с другой - сексуализацию «Рабочего и колхозницы». Этот памятник является одним из ключевых символов советской эпохи, «эталоном социалистического реализма». В целом, сама картина не несет в себе глубокого эротического замысла, а лишь является типичным представителем своего жанра. С другой стороны, написание картины именно в жанре пин-ап может помочь современной молодежи, не жившей в СССР, проникнуться культурой советских времен в той форме, к которой они больше привыкли. Весьма показательно, что многие картины Барыкина стали основой оформления сети алкомаркетов «Красное и белое», то есть фактически стали артефактом массовой культуры [2].

Таким образом можно выделить 2 ключевых направления популяризации образов Советского Союза в массовой культуре:

1) Популяризация СССР как такого в своем относительно «первозданном» виде;

2) Попытка адаптировать советскую действительность под призму современных реалий для более комфортного усвоения «советской информации».

В одном из своих интервью известный советский и российский кинорежиссер Карен Георгиевич Шахназаров сказал о том, что ностальгия по советскому времени – это «нехороший симптом для нынешнего общества в Росси», а также «сожаление, некое внутреннее ощущение, что сегодняшняя твоя жизнь уже лишена смысла». Емкое высказывание, есть над чем подумать [1]. Во многом ностальгия по СССР связана с воспоминаниями о далекой молодости, о бурном развитии интеллектуального потенциала страны, о легкости общения между людьми. И действительно – если в той эпохе существовала так называемая «магия общения», то на текущий момент времени на пьедестал почета выходит «магия потребления». Люди умеют держать в руках смартфоны, ноутбуки, они научились нажимать со скоростью света на нужные кнопки, оплачивать товары и услуги онлайн, а вот подолгу разговаривать, делится чем-то новым, интересным и действительно важным, поддерживать друг друга и не использовать в корыстных целях – многие разучились. Хочется верить, что популяризация СССР связана не только с попыткой вернуть былое, но и научить чему-то новому молодое поколение. В таком случае просто необходимо сохранить достояние Советского Союза во всем его многообразии для подспорья для реализации совершенно новой, не похожий на другие, идеологии и культуры.

Список используемой литературы:

1. Карен Шахназаров о том почему ностальгия по СССР — это плохо и почему современная культура деградирует Электронный ресурс. Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZLDz8NdktFiMqsUq (дата обращения 28.09.2023).

2. Кто и зачем толкает нашу культуру снова в Советский Союз – Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ridus.ru/kto-i-zachem-tolkaet-nashu-kulturu-snova-v-sovetskij-soyuz-366697.html (дата обращения 28.09.2023).

Фомичев А. Н. канд. экон. наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Калужский филиал

АДАПТАЦИЯ СОВЕТСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕАЛИЯМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

В статье комплексно рассмотрены проблемы обеспечения устойчивого развития промышленного потенциала Российской Федерации с учетом использования опыта инвестирования строительства и развития советских промышленных предприятий.

Объективным образом можно утверждать, что сложившиеся условия внешней среды ведения бизнеса, обусловленные новым внешнеполитическим курсом Российской Федерации, беспрецедентным санкционным давлением на отечественную экономику и массовым оттоком иностранного капитала, предъявляют принципиально новые требования как к теоретическим основам, так и к практическому осуществлению управленческой деятельности в целом и инвестиционного менеджмента, в частности.

Тезисно приведенные в представленной работе результаты проведенного прикладного научного исследования позволяют обоснованно говорить о необходимости оперативной оптимизации инвестиционной стратегии как субъектов отечественного бизнеса, так и реального сектора народного хозяйства Российской Федерации в целом с целью ее адаптации с современным социально-экономическим условиям, характеризующимся беспрецедентным санкционным давлением на отечественную экономику и активным оттоком иностранного капитала из ее реальных секторов.

Ключевые слова: промышленность Советского Союза, стратегический менеджмент, инвестиции, реальный сектор экономики, инвестиционная стратегия, развитие промышленности.

Актуальность темы. Объективным образом можно утверждать, что сложившиеся условия внешней среды ведения бизнеса, обусловленные новым внешнеполитическим курсом Российской Федерации, беспрецедентным санкционным давлением на отечественную экономику [1] и массовым оттоком иностранного капитала [2], предъявляют принципиально новые требования как к теоретическим основам, так и

к практическому осуществлению управленческой деятельности в целом и инвестиционного менеджмента, в частности.

Автор представленного прикладного научного исследования в своих предыдущих работах, опубликованных в течение более чем двадцатилетнего периода, неоднократно затрагивал тематику обеспечения инвестиционной безопасности России. В частности затрагивая такие аспекты, как предоставление льготных условий иностранным инвесторам в ущерб интересам отечественных производителей [3], отсутствие зрелой государственной политики в сфере развития производительных сил [4], резкое сокращение государственного сегмента в сфере отечественного промышленного производства [5] и т.д. Естественно, что за истекший период как в действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее порядок осуществления инвестиционной деятельности, так и в существующие механизмы развития реального сектора отечественной экономики, уже были внесены существенные изменения и дополнения, направленные на их оптимизацию и максимально возможное повышение эффективности [6]. Тем не менее, на сегодняшний день проблемные вопросы в указанной сфере стоят как никогда ранее остро [7].

Массовый отток иностранных капиталов из различных отраслей народного хозяйства современной России и, в первую очередь, из секторов высокотехнологичного тяжёлого и среднего машиностроения, производства полупроводников [8], обусловливает необходимость разработки и осуществления более кардинальных и оперативных мер, направленных на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в инвестиционной сфере.

Описанные выше факты и тенденции обусловливают актуальность темы проведенного в рамках данной научной работы прикладного исследования

Цель исследования. Основной целью проведенного в работе исследования является совершенствование существующих и разработка инновационных механизмов стратегического управления инвестиционной деятельностью с целью обеспечения инвестиционной безопасности Российской Федерации в сложившихся социально-экономических условиях.

Задачи исследования. В соответствии со сформулированной выше целью в рамках проведения исследования решаются следующие ключевые задачи:

1. Изучить имеющиеся на сегодняшний день теоретические материалы, касающиеся исследуемого вопроса, опубликованные в актуальных научных работах отечественных и зарубежных авторов.

2. Провести подробный критический анализ текущего состояния механизмов стратегического менеджмента в сфере обеспечения инвестиционной безопасности Российской Федерации на предмет выявления имеющихся проблемных аспектов.

3. Разработать авторские инновационные предложения по повышению эффективности и оптимизации механизмов стратегического управления в сфере обеспечения инвестиционной безопасности Российской Федерации.

Теоретические и фактологические основы исследования. В качестве информационно-теоретической основы исследования выступают работы отечественных и зарубежных авторов, касающиеся изучаемого вопроса. Фактологическую основу исследования составляют актуальные статистические и аналитические материалы, характеризующие особенности трансформации инвестиционной стратегии отечественных предприятий в рамках ее адаптации к условиям санкционного давления.

Методы и структура исследования. В рамках проведения представленного исследования применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение, абстрагирование и индукция. Прикладные аспекты исследования были обеспечены применением методов наблюдения, измерения и сравнения. В то же время, при проведения специальных исследовательских мероприятий применялись методы экономического анализа, а также статистико-экономические методы.

Полученные в ходе подготовки статьи аналитические данные и информационные материалы должным образом обобщены и структурированы с точки зрения общих требований к разработке научно-методических основ по теме исследования.

Результаты исследования. Результаты проведенного прикладного научного исследования позволяют обоснованно говорить о необходимости оперативной оптимизации инвестиционной стратегии как субъектов отечественного бизнеса, так и реального сектора народного хозяйства Российской Федерации в целом с целью ее адаптации с современным социально-экономическим условиям, характеризующимся беспрецедентным санкционным давлением на отечественную экономику [9] и активным оттоком иностранного капитала из ее реальных секторов [10].

Причем указанные изменения должны охватывать весь спектр инвестиционной деятельность, начиная от внесения необходимых дополнений в действующее российское законодательство, отказа от монетарной политики государства в пользу программ развития реальных секторов отечественной экономики, и заканчивая оптимизацией прикладных механизмов реализации инвестиционной стратегии на уровне отдельных субъектов хозяйственной деятельности [11].

В первую очередь, вопросы оптимизации инвестиционной стратегии Российской Федерации должны затрагивать область инвестиционного импортозамещения [12]. Представляется, что данный аспект требует некоторых разъяснений со стороны автора.

Безусловно, всем понятны механизмы импортозамещения в отраслях реального производства. Их сущность состоит в отказе от импортных поставок иностранной продукции и заметные её на внутреннем рынке абсолютно аналогичными, либо взаимозаменяемыми товарами российского производства. Но каким же образом возможно обеспечить импортозамещение в финансовой сфере и, в частности, в области разработки и осуществления инвестиционной стратегии [13], как на государственном уровне, так и в рамках государственно-частного партнёрства, либо исключительно частного бизнеса? Как ни странно, но ответ на данный вопрос можно легко найти в истории нашего государства вековой давности [14].

Ни для кого не секрет, что в 20-30 годы прошлого столетия СССР, полноценным правопреемником которого является Российская Федерация, совершил значительный прорыв в области промышленного развития и глобальной индустриализации народного хозяйства [4]. Как же это удалось сделать советскому руководству на фоне тотального социального, экономического, да и технологического кризиса, вызванного последствиями двух революций, Первой мировой и гражданской войн?

Решение было найдено и реализовано в форме инновационной инвестиционной стратегии государства [6]. Причем, в отличие от руководства Российской Федерации в 90-е года, лидеры СССР сделали ставку не на привлечение иностранных инвесторов, что было и принципиально невозможно в условиях социалистической формы хозяйствования, а на покупку самых передовых на тот момент времени производственных технологий в полную и безраздельную собственной государства [7].

Вместо того, чтобы пустить на внутренний рынок иностранных производителей с их собственными предприятиями, которые могут в любой момент свернуть свою деятельность, тотально обрушив, как курс национальной валюты, так и большую часть отраслей отечественной экономики в целом, советское правительство решило покупать целые промышленные предприятия «под ключ» [9]. Причем в пакеты подобных сделок входило не только приобретение необходимы для производства машин и оборудования, но и покупка самих производственных технологий с обучением отечественного персонала, а также бессрочных лицензий на производство продукции [11].

Наиболее ярким примером может служить строительство в 30-е годы прошлого века в Нижнем Новгороде, тогда городе Горький, аме-

риканской корпорацией Форд по заказу советского правительства крупного автомобильного предприятия [4]. Специалисты компании Форд не только установили и наладили работу необходимого оборудования, но и обеспечили обучение отечественного персонала производству по бессрочным и нелимитированным лицензиям двух видов автомобилей: легкового марки М1, знаменитый по неоднозначным событиям 1937-1938 гг. «Ворнок», а также грузового марки А1, ещё более знаменитой по истории Великой отечественной войны «Полуторки».

В результате реализации договора между корпорацией Форд и советским правительством, построенный завод не был объектом иностранного инвестирования или совместным предприятием, как большинство современных построенных в Российской Федерации заводов, а полностью переходил в собственность Советского Союза [9]. Таким, образом, вне зависимости от потепления либо обострения политических взаимоотношений между США и СССР, данное предприятие продолжало, да и по сей день, продолжает бесперебойно работать в интересах отечественной экономики [6].

Причем строительство Горьковского автомобильного завода вовсе не было каким-то уникальным единичным проектом. Подобная практика носила массовый характер. На основании аналогичных соглашений были построены АЗЛК, ВАЗ, Уралвагонзавод и множество других предприятий [7].

Заключение. На основании вышеизложенного можно объективно утверждать, что в сложившихся на сегодняшний день условиях ужесточения санкций и массового оттока иностранного капитала из Российской Федерации внедрение практики импортозамещения в механизмы реализации инвестиционной стратегии нашей страны является не только экономически и политически целесообразным, но и жизненно необходимым для отечественной экономики.

Список цитируемой литературы:

1. Ширяева, В. Р. Управление инвестиционной деятельностью предприятия / В. Р. Ширяева // Управление реформированием социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов : Сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, студентов и практиков, посвященной 65-летию Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Пенза, 11 ноября 2022 года / Под редакцией В.В. Бондаренко, Е.В. Воейкова, М.А. Таниной, В.А. Юдиной. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. – С. 77-80. – EDN XPUCYN.

2. Татаренко, Т. М. Теоретические основы исследования инвестиционных стратегий как элемента антикризисного управления в АПК / Т. М. Татаренко, В. В. Колесникова // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Трансформация экономических систем в контекстсе турбулентного развития : сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференция по экономике, посвященной памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки на Юге России и в Средней Азии доктора экономических наук, профессора А.Ф. Сидорова, Сочи, 28 марта – 02 2023 года. – Краснодар: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2023. – С. 277-283. – EDN AJHWYE.

3. Инвестиционная стратегия региона: анализ понятий / М. В. Палкина, А. А. Созинова, Н. К. Савельева [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 747-766. – DOI 10.18334/epp.13.3.117199. – EDN HTDSAN.

4. Фомичев, А. Н. Оптимизация государственной политики Российской Федерации в сфере экономического развития регионов / А. Н. Фомичев // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов. : Сборник научных статей VIII международной научно-практической конференции, Орёл, 01 декабря 2022 года. Том Часть I. – Орёл: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2022. – С. 248-252. – EDN GFOZXQ.

5. Ермоловская, О. Ю. Инвестиционная политика и инвестиционная стратегия предприятия / О. Ю. Ермоловская, Л. Д. Наскова // . – 2023. – № 1(134). – С. 387-390. – EDN LGPCYE.

6. Фомичев, А. Н. Проблемные аспекты подготовки и обучения команды бизнес-проекта в современных условиях / А. Н. Фомичев // Подготовка кадров для народного хозяйства и государственного управления: трансформация подходов и новые тенденции : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 10 февраля 2023 года. – Чебоксары: Издательско-полиграфическая компания "Новое время" (Чебоксары), 2023. – С. 138-141. – EDN MPTBNI.

7. Фомичев, А. Н. Применение проектного подхода к реализации стратегии устойчивого развития / А. Н. Фомичев // Modern Economy Success. – 2023. – № 2. – С. 241-246. – EDN QBMCHT.

8. Чмышенко, Е. Г. Понятие «инвестиционная стратегия», Этапы формирования и особенности / Е. Г. Чмышенко // Финансовый бизнес. – 2023. – № 2(236). – С. 50-55. – EDN SUUPZQ.

9. Фомичев, А. Н. Новая государственная идеология как основа устойчивого социального развития Российской Федерации / А. Н. Фо-

мичев // Механизмы стабилизации социально-экономической системы в условиях ограничений : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Липецк, 20 октября 2022 года / Под общей редакцией А.Д. Моисеева, М.А. Гуриной. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг "НАУКА-ЮНИПРЕСС", 2022. – С. 159-165. – EDN TUXKNE.

10. Кубатбекова, Б. Р. Совершенствование инвестиционной стратегии и информационной базы в комплексном экономическом анализе в управлении бизнесом / Б. Р. Кубатбекова, Ж. Ж. Жумабаев // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. – 2023. – № 1(56). – С. 125-127. – EDN NHVGWI.

11. Фомичев, А. Н. Адаптация системы обеспечения инвестиционной безопасности Российской Федерации к условиям санкционной войны / А. Н. Фомичев // Проблемы управления безопасностью сложных систем : Труды XXV Международной научной конференции, Москва, 20 декабря 2017 года / Российская академия наук; Министерство образования и науки Российской Федерации; Российский государственный гуманитарный университет; Научный совет РАН по теории управляемых процессов и автоматизации; Институт проблем управления РАН; Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН; Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. – С. 106-110. – EDN ZXGEZL.

12. Бекетова, О. Н. Инвестиционные аспекты ESG-стратегий российских предприятий / О. Н. Бекетова, М. В. Арифуллин, А. Л. Фролов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 1. – С. 17-21. – DOI 10.17513/vaael.2661. – EDN PCWIFE.

13. Арсеньева, А. В. Особенности современных инвестиционных стратегий / А. В. Арсеньева // МОЛОДЕЖНАЯ НАУКА - ПЕРВЫЙ ШАГ в НАУКУ БОЛЬШУЮ : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 26 января 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 108-114. – EDN MIFXVO.

14. Романович, М. А. К проблеме распознавания типа инвестиционной стратегии нефинансовых предприятий / М. А. Романович, Г. В. Горелова // Системный анализ в проектировании и управлении : Сборник научных трудов XXVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 года.

– Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2023. – С. 311-318. – DOI 10.18720/SPBPU/2/id23-65. – EDN UJELKN.

Целыковский А.А., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», г. Липецк
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет», г. Саратов

ЖАНР АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ КАК СПОСОБ РЕФЛЕКСИИ НАД СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ[1]

Аннотация

В статье анализируется значение жанра альтернативной истории как способа переосмысления советского периода российской истории. Рассматриваются такие феномены массовой культуры в жанре альтернативной истории как видеоигры, литература, различные сетевые сообщества. Анализ выявил специфику влияния данных феноменов на формирование исторической памяти о советском прошлом. Проведенное исследование позволило интерпретировать альтернативную историю в качестве инструмента рефлексии над историей СССР, а также способа проработки исторической травмы, спровоцированной его распадом.

Ключевые слова: альтернативная история; мифотворчество; историческая память; ностальгия; культурная травма; СССР.

Активное возвращение советского наследия в идеологический и социально-политический дискурс стало одной ведущих тенденций в современной России. Советский период истории стал значимым элементом политики памяти, что привело к необходимости изучения специфики образов СССР, конструируемых и транслируемых в медиасреде. В качестве еще одной устойчивой тенденции можно назвать обращение жанра альтернативной истории к советскому периоду.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах»

Альтернативная история является своеобразным мысленным экспериментом, позволяющим ответить на вопрос о том, как сложился бы ход истории, изменись те или иные обстоятельства. Этим альтернативная история отличается от, например, исторической художественной литературы или кинематографа. Хотя художественные произведения на историческую тематику и предполагают ту или иную степень авторского вымысла, они все же в своей основе имеют реальные исторические события. Жанр альтернативной истории, в свою очередь, дает возможность придать истории то самое сослагательное наклонение, которого она, согласно расхожему выражению, не терпит. Как правило, сюжет произведений в подобном жанре изображает возможную историческую реальность, которая могла бы сложиться, если бы история в один из своих ключевых моментов пошла бы другим путем. Альтернативная история позволяет автору переместить сюжет в самые невероятные исторические обстоятельства, переосмыслить любые события.

Данный жанр имеет достаточно длительную историю. Первое произведение подобного рода появляется еще в Античности, когда римский историк Тит Ливий описал возможную войну между Римом и империей Александра Македонского, если он не умер в молодости. Расцвет жанра приходится на двадцатое столетие, с появлением множества художественных произведений в виде научной фантастики, утопий и антиутопий. Таким образом, жанр альтернативной истории довольно популярен как за рубежом, так и в России.

В отечественной культуре альтернативная история приобрела востребованность в постсоветский период. Для понимания данной закономерности необходимо обратиться к специфике альтернативной истории. Так, М. Галина и И. Кукулин, рассматривая альтернативно-исторические художественные произведения, выделяют следующие их особенности. Исследователи идентифицируют произведения данного жанра как инструмент создания «полезного прошлого». В данном контексте термин «полезное прошлое» указывает на возможность придания прошлому какого-либо морального смысла. При этом исследователи отмечают, что подобные смыслы могут транслироваться на трех уровнях. Во-первых, альтернативная история дает возможность смоделировать вероятное развитие событий и продемонстрировать правильность или ошибочность выбранного пути. Говоря об альтернативно-исторических произведениях авторы отмечают, что «они чаще всего изображают сбывшиеся антиутопии или, реже утопии, показывая, что иной путь развития истории был бы катастрофой, по сравнению с которой “наша” реальность выглядит сравнительно приемлемой, или наоборот, спасением по сравнению с которой несовершенства “нашей”

реальности выглядят особенно пугающими…Такая “опрокинутая в прошлое утопия” может стать идеальным воображаемым пространством для спасения от дискомфортной современности» [1, с. 156]. Альтернативную историю, помимо прочего, можно рассматривать как инструмент рефлексии над прошлым через переосмысление настоящего. Как замечают исследователи, «авторы альтернативных историй часто устанавливают неявные соответствия между реально произошедшими событиями и их “параллельными” версиями» [1, с. 156].

Таким образом, жанр альтернативной истории обладает следующими отличительными особенностями. Во-первых, наличие определенной исторической развилки или «точки бифуркации», то есть важного исторического события или периода, определяющего дальнейшее развитие истории. Во-вторых, наличие параллелей с реальными историческими событиями. Текущие исторические реалии проецируются в прошлое. То есть альтернативная история позволяет переосмысливать настоящее, формируя альтернативные исторические линии и переписывая прошлое. В-третьих, оценка выбранного исторического пути как правильного или ошибочного.

В этой связи возникает закономерный вопрос востребованности произведений альтернативной истории, описывающих советский период. Какие причины лежат в основе желания переосмыслить историю Советского Союза и возможные пути его развития?

Методологическим основанием данного исследования выступит концепт ностальгии. Социальный феномен ностальгии получил детальную проработку в трудах русско-американской исследовательницы С. Бойм. Относительно данного понятия исследователь писала: «понятие происходит от двух греческих корней, nostos и algia, буквально означая «тоску по дому»; часто это тоска по метафорическому дому» [1, с. 118]. Актуализации ностальгических тенденции происходит преимущественно в кризисные переходные периоды. Общественное сознание, пытаясь обрести опору в настоящем, переосмысливает прошлого. Следует отметить, что в данном случае переосмысление заключается не в рациональной рефлексии над событиями прошлого, а в конструировании различных идеализированных образов, помогающих обрести устойчивую смысловую опору в настоящем. Социальный феномен ностальгии, таким образом, вполне можно рассматривать как одну из разновидностей мифотворчества.

С. Бойм выделяла ностальгию двух видов: реставрирующую и рефлексирующую. Ностальгия, с одной стороны, проявляется в общественном сознании на повседневном уровне, с другой стороны, она присутствует в социально-политическом и идеологическом дискурсе.

С. Бойм замечала, что реставрирующая ностальгия заключается в тенденции к реконструкции ушедшего времени, рефлексирующая ностальгия, в свою очередь, проявляется в эмоциональном возвращении к прошедшей эпохе. Рефлексирующая ностальгия не пытается восстановить утраченное прошлое. По мысли С. Бойм, она может проявляться в иронической и критической манере.

Ностальгия имеет дело не с историческими фактами, как таковыми, а с идеализированными образами. Поэтому, формируемые ностальгией образы, имеют, как правило, преимущественно позитивные коннотации. Как замечают по этому поводу Р. Н. Абрамов и А. А. Чистякова: «Ностальгия опирается на позитивные реконструкции прошлого, то есть на те, в которые включены детали, вызывающие положительные эмоции» [3, с. 53].

Расцвет жанра альтернативной истории в постсоветской России во многом связан с актуализацией ностальгических настроений. Масштабный кризис, спровоцированный распадом СССР, привел к ностальгическому интересу к советской эпохе. Произведения в жанре альтернативной истории идеально вписались в данную тенденцию. Они позволяют рефлектировать над советским прошлым, размышлять над возможными вариантами развития тех или иных исторических событий. Кроме того, альтернативная история позволяет воссоздать (реставрировать) в художественном пространстве произведения советское прошлое, причем в лучшем своем варианте.

В советское время жанр альтернативной истории был не востребован, что вполне объясняется идеологическими причинами. История двигалась по заданной траектории к светлому коммунистическому будущему. Других взглядов на законы исторического развития в официальном идеологическом дискурсе не могло существовать. Поэтому произведения альтернативной истории появлялись, например, в эмигрантской среде. Так, Василием Аксеновым в 1981 году (уже в иммиграции) был издан роман «Остров Крым». По сюжету романа Крым является островом, а не полуостровом. Именно это обстоятельство во время Гражданской войны запускает цепь альтернативных событий. Красная армия не смогла установить советскую власть в Крыму, а на его территории возникло независимое государство – альтернативная Россия. Роман Аксенова является, таким образом, взглядом на то, как могла бы сложиться история России без Октябрьской революции и Гражданской войны.

В постсоветской России популярность жанра альтернативной истории существенно возрастает. С ростом ностальгии по советской эпохе, а также с постепенным включением советского наследия в офи-

циальный политический дискурс, появляется множество литературных произведений, фильмов, телесериалов, посвященных альтернативной истории СССР. Сюжетной основой большинства подобных произведений становится истории перемещения главного героя в прошлое. Попадая в какой-либо ключевой исторический момент истории, главный герой оказывает определяющее влияние на последующие события, формируя альтернативную историю. Чаще всего в качестве ключевых моментов истории выступают время Великой Отечественной войны или позднесоветский период. В первом случае горою влияние героя позволяет ускорить победу в войне. Во втором случае – предотвратить распад СССР.

Альтернативная история становится также довольно распространенной сюжетной основой для компьютерных игр. В качестве примера можно назвать выпущенную в 2023 году студией «Mundfish» компьютерную игру «Atomic Heart». Действие игры происходит в 1955 году в альтернативной версии СССР. По сюжету игры в 1930-е годы Советскому Союзу удалось совершить прорыв в робототехнике. Стремительное развитие науки и техники способствовало выходу СССР на передовые позиции в мире и быстрой победе в Великой Отечественной войне. Игра формирует утопический образ альтернативного СССР. Фактически в игре изображается то самое светлое коммунистическое будущее, которое надлежало построить советским людям. В тоже время в игре присутствует большое количество отсылок на позднесоветский кинематограф и массовую культуру. Например, в игре звучат популярные советские эстрадные песни. Все это создает атмосферу советских реалий 1970-1980-х гг., что свидетельствует об эксплуатации ностальгических настроений по советскому прошлому у части российских геймеров.

Еще одним примером может послужить политический симулятор «Кризис в Кремле», выпущенный в 2017 году студией «Kremlingames». Действие игры происходит в интервале с 1985 года по 1995 год. Игроку предлагается взять на себя роль руководителя СССР и предотвратить его распад, сформировав, тем самым, альтернативную историю. Победа в игре достигается несколькими путями. Например, можно успешно провести все реформы Перестройки. В этом случае постепенная демократизация советского политического устройства и экономики, по мысли авторов игры, предотвратила бы распад СССР. Победы можно достичь и в ходе противостояния с США. Игрок может не проводить реформ и менять внутреннюю политику, а направить все усилия на противостояние с Западом. Есть и возможность достичь победы путем достижения начальной стадии коммунизма. Для этого иг-

року необходимо развивать экономику и науку. Таким образом, игра позволяет сформировать несколько альтернативных исторических линий, демонстрирующих мысль, что Советский Союз не был обречен, существовало множество вариантов его успешного развития.

Как пример сетевого сообщества, связанного с жанром альтернативной истории, можно назвать литературно-художественный проект СССР-2061. Его заглавный слоган звучит следующим образом: «Проект “СССР-2061” посвящён будущему, до которого хочется дожить – именно так звучит его основная миссия. В большинстве случаев это будущее светлое, почти всегда масштабное, и во всех случаях оно есть». Участники проекта изображают в своих работах альтернативную версию истории СССР. Точкой отчета становится 1961 год. Стремительный научно-технический прогресс, начавшийся с первого полета человека в космос, сделал Советский Союз передовым государством с развитой наукой социально-политической сферой. Художественные проекты «СССР-2061» создают образы светлого будущего, сочетающие рефлексирующий и реставрирующий типы ностальгии.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о непроработанной культурной травме, спровоцированной распадом СССР. При этом жанр альтернативной истории, сочетающий в себе черты рефлексирующей и реставрирующей ностальгии, вполне можно рассматривать в качестве способа рефлексии над советским прошлым. Сюжет большинства произведений альтернативной истории сводится к тому, что Советский Союз успешно продолжил свое существование и развитие. То есть конструирование подобной альтернативной истории СССР может трактоваться как терапия травматического исторического опыта.

Список цитируемой литературы:

1. Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубининой // Новое издательство. – Москва, 2021. – 448 с.

2. Бойм С. Будущее ностальгии / С. Бойм // Неприкосновенный запас. – 2013. – №3. – С. 116-132.

3. Абрамов, Р. Н., Чистякова, А. А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: По волнам коллективной памяти / Р. Н. Абрамов, А. А. Чистякова // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – №1, – С. 52–58.

Цыганкова Е.А., канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ставропольский филиал, г. Ставрополь

«ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ» – НОВАЯ ЖИЗНЬ ПИОНЕРИИ

Аннотация

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современной России – воспитание патриотизма молодежи и защита традиционных российских ценностей. В качестве положительного примера исследуются уникальные традиции пионерского движения в СССР. Опыт работы советской пионерии подлежит осмыслению и использованию в наши дни в работе с подрастающим поколением с учетом современных реалий.

Ключевые слова: патриотизм; Советский Союз; Россия; Отечество; ценность; патриотическое воспитание; молодежь; пионер; «Движение первых».

В 2022 году исполнилось 100 лет с момента образования Союза Советских Социалистических Республик. Это уникальное государство просуществовало почти семь десятилетий, превратившись в сверхдержаву планеты. СССР стал воплощением социалистической мечты человечества.

В последние годы Россия прилагает усилия для возрождения Русского мира, путем осмысления и пропаганды лучших достижений советского опыта и стремления внедрения миротворческих идей в современную жизнь. Советский опыт можно рассматривать как возможный проект развития России, когда в центр поставлены высокие культурные, интеллектуальные ценности, высокие результаты технического, экономического развития, достижения в социальной сфере, науке, образовании, дружба народов.

Ориентиром для современной России может выступать и воспитание у молодежи патриотизма, чувства гордости за Отечество.

В настоящий период развития нашего государства мы столкнулись с высокой военно-политической напряженностью в мире, беспрецедентным уровнем русофобии, попытками дестабилизировать обстановку в России, стремлениями исказить мировую историю, реабилитацией фашизма, насаждением чуждых нравственных моделей поведения. Эффективно противостоять реальным вызовам может только сплочённое российское общество, объединяющее социально активных граждан, воспитанных на основе традиционных культурно-

нравственных ценностей, поэтому воспитание нового поколения граждан России приобретает особую актуальность.

На сегодняшний день существует социальный заказ государства на воспитание здорового, мужественного, смелого, инициативного человека, с активной жизненной и профессиональной позицией, трудолюбивого и высоконравственного, патриота своей Родины, уважающего права и свободы личности, традиции и культуры своего, а также других народов [1, с. 51].

Патриотическое воспитание подрастающего поколения имеет многовековую историю. Особое внимание его развитию уделялось в советский период. Несомненно, какие-то аспекты советского воспитания в современное время критикуются, однако, в целом патриотическая программа, реализуемая советской системой, была во многом эффективной. Присутствовала национальная идея, обсуждались национальные герои, которые служили примером для молодежи; были нравственные ориентиры, идеалы, к которым стремились жители страны.

Большую работу по патриотическому воспитанию в советское время проводили пионерские и комсомольские организации, образовательные учреждения.

Современные россияне относятся к пионерии по-разному. Некоторые из них сохраняют положительные воспоминания о своих днях в пионерской организации. Для них пионерия была важным моментом их детства, поскольку сформировала их как личность и помогла стать активными участниками жизни общества.

Россияне, рожденные после распада СССР, могут относиться к пионерии критически, рассматривая её как проявление идеологии, не оставляющей места для самоопределения и самовыражения.

Тем не менее, пионерская организация является важной частью истории страны и ее культурного наследия.

Пионерия была создана для воспитания нового поколения советских граждан в духе патриотизма к Родине в соответствии с коммунистической идеологией; пионеры были призваны быть образцовыми гражданами, следовать нормам морали, этики, помогать ровесникам и уважать взрослых. Это способствовало формированию дружелюбных, дисциплинированных и ответственных граждан.

Дети 7–8 лет, вступали в ряды октябрят. Группы октябрят создавались в первых классах школ и действовали до вступления октябрят в пионеры и образования пионерских отрядов. При вступлении в ряды октябрят детям выдавался нагрудный знак – пятиконечная рубиновая звезда с портретом Ленина в детстве. Символом группы был красный октябрьский флажок. Группа октябрят состояла из несколь-

ких подразделений, называемых «звёздочками». Спустя 3-4 года октябрята переходили в статус пионеров.

Пионерская организация – это самостоятельные отряды, которые на начальном этапе своей деятельности принимали участие в борьбе с неграмотностью и детской беспризорностью, в дальнейшем преобразовались во Всесоюзную пионерскую организацию. Последняя была представлена в каждой советской школе.

Можно провести ассоциацию пионерии со скаутским движением, возникшем в 1907 году в Великобритании. Воспитание детей осуществлялось в интересах государства, развивая их способности.

Идея создать в стране, в дополнение к комсомолу как юношеской инициативе, массовую самодеятельную детскую коммунистическую структуру обсуждалась с 1920 года и была сформулирована государственным и партийным деятелем Надеждой Крупской. Заметную роль в создании детской пионерской организации сыграл один из идеологов скаутизма в дореволюционной России И.Н. Жуков. Именно он предложил дать организации название «пионерская», сохранить скаутский девиз «Будь готов!», развивать игровые формы воспитательной работы с детьми и другие позитивные стороны скаутского движения; из скаутизма заимствовали разделение на отряды, институт вожатых, сборы у костра, элементы символики.

Занятия вне школы в кружках, секциях, участие в различных общественных мероприятиях, экологических, благотворительных проектах способствовали разностороннему развитию личности. Пионерия готовила молодых людей к будущей активной гражданской жизни, развивая ответственность и самостоятельность.

Пионеры участвовали во всех значимых для страны событиях. Они боролись с неграмотностью, помогали в борьбе с детской беспризорностью, организовывали субботники и др.

Как отмечает В.Б. Помелов, «испытания Великой Отечественной войны подтвердили, в том числе, и силу пионерского движения. Героизм советских пионеров был фактически массовым. Многие рвались на фронт» [3, с. 24]. Пионеры собирали средства в фонд обороны, работали на предприятиях и на колхозных полях, помогали ухаживать за ранеными бойцами, выступали в госпиталях с концертами, отправляли теплые вещи для воинов. Многие подростки-пионеры сражались с врагом в партизанских отрядах [4].

По мере взросления пионеры становились сменой и резервом ВЛКСМ. Основной задачей была пропаганда ленинских заветов в виде формирования коммунистических взглядов и убеждений и защиты социалистического Отечества от чужих идеологий. У молодого поколе-

ния воспитывали любовь и уважение к Родине, старшим товарищам, а также учили упрочнять и приумножать завоевания своего народа.

К 1970 году Всесоюзная пионерская организация объединяла 23 миллиона пионеров.

Следует отметить роль и комсомольской организации по подготовке молодежи к защите Родины, воспитанию самоотверженных патриотов, способных дать решительный отпор нападению любого врага. Наиболее ярким примером патриотического воспитания в СССР была деятельность организаций Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и военно-учебных заведений — Суворовских и Нахимовских военных училищ, где сочеталось умственное и нравственное воспитание в учебно-образовательном процессе с военной подготовкой к службе в вооруженных силах [2, с. 101].

В современное время российское общество пытается обрести новую идентичность, найти ценности и идейные ориентиры. И именно государство должно способствовать выработке новой идеологии в России, поскольку те идеологические ценности, которые усвоит молодое поколение, те примеры для подражания, которые молодежь выберет для себя, и будут положены в основу будущего России.

В соответствии с Указом Президента РФ № 809 от 09.11.2022 года [5, п. 4] определен стратегический национальный приоритет по защите традиционных российских ценностей, под которыми понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, укрепляющие гражданское единство, нашедшее своё уникальное, самобытное проявление в развитии России. К традиционным ценностям, наряду с жизнью, достоинством, правами человека, отнесены патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, созидательный труд, историческая память, единство народов России.

Однако, стоит помнить, что участие в патриотических проектах и мероприятиях должно быть мотивировано внутренними потребностями молодежи и совпадать с ее ценностными установками. Формы информированности и привлечения к участию в патриотических проектах должны соответствовать актуальным способам коммуникации молодежи. Кроме того, следует расширять спектр форм патриотического участия, включающих гражданскую активность.

К вековому юбилею Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина в 2022 году Президент России В.В. Путин подписал закон о создании в России детского движения, которое будет отличатся от пионерии отсутствием политической составляющей.

Новому движению было дано название «Движение первых». Оно объединило все молодежные организации и движения страны, такие как «Юнармия», «Большая перемена», «Российское движение школьников». Цель проекта – патриотическое воспитание подрастающего поколения, а также внедрение различных познавательных и развивающих программ: качественное образование, участие в культурной жизни, волонтёрство, здоровый образ жизни, развитие экологических проектов, охрана природы, развитие туризма в России.

Детские организации и движения в России предоставляют детям множество возможностей для развития и раскрытия своих талантов, а также позволяют им стать более самостоятельными и активными участниками общества.

Хочется отметить, что в Советском Союзе был накоплен богатый позитивный опыт воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма. Копировать его в отношении современной молодежи, конечно же, не имеет смысла, поскольку общество живет в других реалиях по сравнению с СССР. Однако, представляется целесообразным создать платформу знаний с опорой на тот ценный просветительский опыт, который подлежит внимательному изучению, осмыслению и использованию в работе с подрастающим поколением учитывая особенности развития современного общества.

Список цитируемой литературы:

1. Гаврилова, О.В. Актуальные вопросы патриотического воспитания на современном этапе развития российского общества / О.В. Гаврилова // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2021. - № 4(53). – С. 51 -54.

2. Гаврилова, О.В., Лантух, Э.В., Лункин, А.Н. и др. К вопросу о проблемах патриотического воспитания молодежи современной России / О.В. Гаврилова, Э.В. Лантух, А.Н. Лункин и др. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2022. - № 11(213). – С. 98-103

3. Помелов, В.Б. Мы пионеры советской страны. Нас миллионы…» К столетию Всесоюзной пионерской организации в СССР / В.Б. Помелов // Историко-педагогический журнал. – 2022. - № 3. – С. 10-30.

4. РИА Новости [Электронный ресурс] // https://ria.ru/20220519/pioneriya-1788961533.html (дата обращения 17.09.2023)

5. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 19.09.2023)

Чудинова Е.В., канд. пед. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ЛИПЕЦК И КОТБУС: «ГОРОДА-ПОБРАТИМЫ» В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА

Аннотация

В статье рассмотрены особенности концепта „города-побратимы» в разных лингвокультурах, проанализировано интерпретационное поле данного концепта на примере Липецка и Котбуса в Советском Союзе.

Ключевые слова: концепт, «города-побратимы», интерпретационное поле концепта.

Целью данной статьи является сравнение особенностей концепта «города-побратимы» в разных культурах и анализ интерпретационного поля данного концепта на примере Липецка и Котбуса в Советском Союзе. Актуальность данной статьи определяется, с одной стороны, интересом к проблеме изучения концептов в современной лингвокультурологии, и, с другой стороны, интересом к советскому прошлому. Использованные методы исследования: описательный метод и сопоставительный анализ.

Семантико-когнитивный анализ понятия «города-побратимы» и описание фрейма (т.е. ядра концепта) «город-побратим» в русском и английском языке представлен в статье С.Л. Мишлановой и Т.М. Пермяковой. Согласно проведенному анализу «слоты «объект» и «субъект» фрейма концепта в английском разнообразнее репрезентированы, чем в русском языке. Напротив, слот «действие» разнообразнее в русском языке, что означает, что «в англоязычном представлении важно представление о городе и людях, а в русском – важно, что делается в рамках отношений между городами» [1].

Чтобы рассмотреть информационное содержание концепта «Schwesterstadt» в немецком языке, обратимся к соответствующим словарям.

Согласно Цифровому словарю немецкого языка [4] и информации на сайте Центра цифровой лексикографии немецкого языка [5] приводятся следующие значения слова „Schwesterstadt“:

1. Город, находящийся по соседству.
2. Город-партнер.

В немецкой лингвокультуре фрейм концепта «Schwesterstadt“ (город-сестра) вообще не включает в себя слот «действие», т.е. в немецком языке также более важным является представление о городе и людях или результат партнерства, а не само действие («братание»).

Образный компонент концептов «город-побратим» и „Schwesterstadt“ связан, соответственно, с образом брата и сестры, при этом как брат, так и сестра являются близкими, кровными родственниками, при этом сестра („Schwester“) в немецком языке может иметь значения «медицинская сестра» и «монахиня».

Таким образом, «город–побратим» воспринимается метафорично как город, *ставший* чем-то родственным, близким в силу каких-то действий, а город-сестра – как город, *являющийся* близким, родным.

Что касается интерпретационного поля концепта «город-побратим», то к нему можно отнести примеры городов-побратимов (энциклопедическая зона), деятельность, связанную с ними (регулятивная зона), т.е. какие направления международного сотрудничества можно развивать в дальнейшем, положительные эмоции, связанные с наличием таких городов (оценочная зона).

Рассмотрим информационное содержание концепта «город-побратим» на примере конкретных городов. Согласно официальной информации, Липецк входит в национальный реестр породненных городов [2]. У него 6 городов-побратимов: Котбус (Германия), Аньшань (КНР), Фабриано (Италия), Витебск (Беларусь), Грозный (Республика Чечня), Крушевац (Сербия). Первым из них стал Котбус. Партнерские отношения с ним были установлены еще в 1970 году. Хотя в 2012 г. был подписан новый договор о сотрудничестве и делегации высокопоставленных гостей приезжали в Липецк еще в 2019 г., на данный момент эти связи не развиваются. Рассмотрим содержание концепта «город-побратим» на примере Липецка и Котбуса в Советском Союзе.

В 1974 г. был подписан договор о сотрудничестве и братской дружбе. Как известно, Котбус был городом на территории ГДР. В честь этого события 23 февраля 1974 г. был открыт магазин «Котбус», один из самых крупных магазинов Липецка. В 1975 г. в Липецк приезжали артисты немецкого народного ансамбля «Полет». В Котбусе до сих пор действуют магазины с названием «Матрешка» и «Волга», частный музей с разделом о Липецке. Регулярно проводился обмен делегациями, совместные мероприятия в области культуры. В 1985-88 гг. осуществлялся обмен между немецкими школьниками из города Котбуса и липецкими школьниками. В летний период немецкие школьники приезжади в Липецкую область и помогали в сборе урожая смородины, ухаживали за клумбами в центре города. Липецкие школьники

ездили в округ Котбуса заготавливать сено. В 1989 г. липецкий «Металлург» участвовал в международном товарищеском турнире недалеко от городка Вельцов в округе Котбуса, в этом же году был осуществлен обмен студенческими стройотрядами: липецкие студенты поехали в Вельцов для работ по ремонту железной дороги, немецкие студенты из округа Котбус участвовали в строительстве дорог у Центрального рынка [3]. Проект обмена стройотрядами был признан успешным Центральным комитетом ВЛКСМ. Таким образом, к регулятивной зоне концепта «город-побратим» на примере Липецка и Котбуса можно было отнести обмен делегациями, молодежный обмен, спортивные и культурные мероприятия.

В настоящий момент на официальном сайте Котбуса есть информация только о городе-партнере Зелена Гура (Польша). Опрос, проведенный среди студентов 1-2 курсов Липецкого филиала РАНХиГС показал, что 62% из них ничего не слышали о городе Котбус. Остальные знают только, что этот город находится в Германии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт «город-побратим», который имел большое значение в советский период, в данный момент потерял свою значимость.

Список цитируемой литературы:

1. Мишланова, С.Л., Пермякова Т.М. «Города-побратимы в разных лингвокультурах - «братья» или «сестры»? Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9). С. 46-51.

2. Официальный сайт Администрации города Липецка https://lipetskcity.ru/gorod/vneshnie_svjazi

3. Официальный сайт Электронной библиотеки Липецкой области http://pub.lib48.ru/gazety

4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache https://www.dwds.de/wb/Schwesterstadt, abgerufen am 21.09.2023.

5. Zentrum der digitalen Lexikographie der deutschen Sprache. https://zdl.org/wb/wortgeschichten/Schwesterstadt, abgerufen am 21.09. 2023.

Шуклова Л. Г., канд. фил. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

ВОЙНА КАК ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ БЕДСТВИЕ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАРОДА, НАЦИИ (О ВОЕННОЙ ПОЭМЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО)

Аннотация

В данной статье рассматриваются гуманистические народные ценности в прошлом и настоящем, их социальные нормы и эффекты, влияние советской литературы и истории на глубинные патриотические тенденции русского народа, его приверженность к родной земле.

Ключевые слова: война; бедствие; подвиг; гуманистические ценности; военная поэма; народный характер; особенности языка.

Любая война в нашей истории – это бедствие, часто всемирно-исторического масштаба. Сегодня нас сокрушает Украина, в разжигании конфликта с которой участвует весь западный мир. Но народ, отстаивающий свою правду, несокрушим. Его человеческие гуманистические ценности непревзойденны. На освобожденные территории возвращаются люди строить новую счастливую жизнь. Освободителей встречают как героев – видим мы в ежедневных сводках новостей. О военных событиях слагаются песни, народ чествует своих героев. Их имена – на экранах телевизоров и в нашей памяти, потому что они патриоты, отстаивающие честь и независимость своего народа, нации. Сегодня это русский Донбасс, за защиту которого выступил весь русский мир.

Но вернемся к истории. О Великой Отечественной написано много. О ней слагались поэмы, в которых не просто рассказывалось о событиях, но «оживали» герои со своими гуманистическими национальными ценностями, оптимистическими взглядами на жизнь даже в условиях сурового военного времени.

Одно из таких выдающихся произведений – поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин». Увидев свою землю в опасности, Теркин становится солдатом. Но солдатом особенным, принявшим войну за труд, тяжелый, опасный, но труд.

Поэма «Василий Теркин» – популярнейшее произведение о войне, это классический пример искусства слова. С первых глав, появившихся в печати в 1942 году, поэма «Василий Теркин» сразу завладела сердцами бойцов. Глубокая правда, знание жизни народа на войне, знание его дум, стремлений, надежд, меткость речи, покоряю-

щая ясность и выразительность стиха сделали ее по-настоящему своей для тысяч и тысяч фронтовиков.

В отличие от большинства военных поэм, посвященных какому-нибудь моменту из жизни героя, чаще всего подвигу, поэма Твардовского говорит о войне в целом, охватывает жизнь солдата во всех ее проявлениях. Тут и бои, и ранения, и фронтовые дороги, и мечты о награде, и рассуждения о поваре, и встречи с приятелями, и разговор с генералом, и наступление, и оборона, и отход по родной земле на восток, и путь на Берлин, и разные замечания о женах, целая глава о любви. Изображение солдата со всеми его радостями и горестями, правдивый рассказ о жизни бойца делает книгу Твардовского подлинной энциклопедией фронтовой жизни.

Но из сказанного вовсе не следует, что книга посвящена одному из бойцов – Василию Теркину. Образ Теркина – чрезвычайно своеобразное художественное явление, в котором органически слились черты фольклорного образа человека-народа с образом человека, каким мы его видим в собственно литературных произведениях [1, с. 447].

Конечно, обобщение в Теркине образа народа дано очень тонко. Теркин, как и герой народного эпоса, являет собою широчайшее обобщение национальных, идейных, этических и всяких других черт народа в целом и в то же время, в силу доверительного тона, с которым говорит о нем автор, относясь как к товарищу, другу, земляку, он воспринимается совершенно живым лицом.

Знаменательно, что произведение в целом озаглавлено «Василий Теркин», с авторским уточнением: «Книга про бойца».

Десятки бойцов узнавали себя, своих родных и друзей в этом образе, ибо Твардовский стремился запечатлеть «человека в индивидуальном смысле».

Образ Теркина стал крупной победой искусства вообще: он действительно «сошел» со страниц произведения, он осознавался читателями как живой, как современник, вплоть до адресования писем не автору, а самому… Василию Теркину.

Образ Теркина – собирательный образ. Это нарицательный образ национального, народного героя, имеющего в то же время и личную биографию, и эпическую родословную, восходящую в своих истоках к образам былинно-сказочных богатырей.

А.Т. Твардовский показал войну не только как всенародно-историческое бедствие, но и как подвиг, касающийся всех и каждого. В горниле войны народ не только сохранил, но и приумножил духовные основания своей исторической жизни, главные – гуманистические – ценности.

Война явилась «всемирно-историческим» бедствием, она безжалостно и жестоко «порушила» мирную жизнь миллионов, неся хаос, разорение, насилие, смерть. Война перевернула душу. Она угрожала личности переоценкой ценностей: «Если так стерто и уничтожено все то, что отличало и означало мое пребывание на земле… то я становлюсь вдруг свободен от чего-то и не нужен» … [3, с. 173]. Надо было противопоставить разрушению, чудовищному насилию, смерти мир гуманистических ценностей: «Жизнь больше войны, хотя когда война, то кажется – на первый взгляд по крайней мере, – что ничего больше ее нет», ибо «нельзя у народа отнять его творческий дар, его неиссякаемую созидательную силу в мирном труде, его непреклонность в суровой борьбе, его способность в любых испытаниях выражать по-своему свою бессмертную душу – в этом пафос «Книги про бойца».

В поэме с первых же строк чувствуется устремленность к главному, стержневому в человеке, и это главное, всеобщее в нем становится основным предметом изображения. Всеобщности Теркина способствует и та народная атмосфера, которой он окружен: народная речь, песня, шутки-прибаутки, общее народное дело, почти братское расположение солдат друг к другу. Герой здесь не над всеми, а во всех.

В прозаическом романе, когда герой отступает на задний план, его защищают либо другие персонажи, либо события. В поэме же героя замещают авторские размышления и переживания, близкие теркинским, поэтому кажется, будто герой присутствует на каждой странице, он словно растворен в ее интонационном и образном движении.

Интересно, что многие уточнения типа «Это был, понятно, он» даются в тех случаях, когда Теркин совершает какой-либо подвиг, когда он безупречен. Если бы его имя появилось сразу, поэма звучала бы излишне дидактично, была бы не столь демократичной по духу.

Все в поэме работает на Теркина, все присваивается ему, он уже стал легендой. Легко заметить, как Твардовский укрупняет человека, укрупняет до символа, не теряющего, однако, прозаических точных примет. В главе «Генерал» мы видим Теркина, мирно отдыхающего на берегу.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит, и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.
И речушка – неглубокий
Родниковый ручеек –
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

Заметим: не солдат у реки, а речка у ног солдата!

Образ поруганной родины, разграбленного дома проходит через главы поэмы. С горечью в сердце проходит солдат родную Смоленщину, эта горечь выльется в его песне к родимой стороне (главы «На Днепре», «По дороге на Берлин»), выжмет слезу из суровых солдатских глаз. Однако встреча с родиной снимет тяжесть с солдатской души. Чем дальше на запад, тем светлее и легче от сознания того, что Родина свободна.

Интересно проследить настроение и психологическое состояние бойца в главах «Переправа» и «На Днепре».

Действие главы «Переправа» развертывается ночью, «в ноябре, к зиме седой». Это «чуждая», полная томительного ожидания ночь. Устрашает вода. «Темная», «черная», она «даже рыбам холодна». Пугают берега: на левом – «снег шершавый, кромка льда», «берег правый, как стена»:

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Недоступный, непочатый
Лес над черною водой.

А к Днепру кони идут, «прося поводья, как с дороги ко двору»; люди рвутся вперед, уставая так, что ложку на привале не могли держать в руке». Бой за Днепр разворачивается не только днем, но и ночью, «ранней осенью сухой». И здесь уже нет грозящей холодной черты, почти нет разницы между берегами:

А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.
Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Теперь и вода, уносящая вражьи трупы, благословенна:

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки…

Не берется в расчет и то, что

… еще в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

И в той, и в другой главе речь идет о наступлении, и неизвестно, в каком из боев больше крови потеряно. Но если первый бой не определил еще окончательного исхода войны, то встреча с Днепром приносит ощущения непередаваемые. Это овладевшее всеми бойцами взвода настроение радостной взволнованности.

В поэме интересны взаимоотношения автора, героя и читателя.

Автор (или «поэт», «певец», как сам Твардовский называет его) не равен собственно творцу произведения, одновременно он является «конкретно-исторической личностью, включенной в историю и несущей на себе следы времени» [2, с. 110]. Он обращается одинаково дружески и к герою, и к читателю: «мой герой», «Теркин, друг», «брат Василий Теркин», «мой читатель, друг и брат». Читатель в поэме может выступить в роли героя и, наоборот, герои могут оказаться в роли читателей: и Ивану Теркину, и Теркину Василию известно, что Теркин – литературный герой (глава «Теркин – Теркин»); о своих героях бойцах поэт вдруг заметит, как бы мимоходом:

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили «Теркина» читали
На досуге.

Автор, герой и читатель представляют в поэме народ, в котором в войне окрепли отношения братства и равенства. Автор, герои, читатели существуют в ее мире на равных правах, в одних временных, пространственных измерениях; между ними нет социальных, нравственных, психологических препятствий. Между автором и героем, героем и читателем, автором и читателем возможен прямой разговор, непосредственное общение. Читатель входит в поэму свободно, он то получает право собственного голоса, то присоединяет свой голос к голосу автора или героя.

Автор сознательно не отделяет себя от народа, ставшего его героем и читателем. Для Твардовского это обстоятельство принципиально. «У всех великих художников, – говорил он, – тема искусства, роли поэта занимает значительное место в их творчестве, она есть и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Некрасова».

Обращаясь к читателю, автор открыто заявит, что в «Книге про бойца» возможна «взаимозамена» между ним и героем: «То, что молвить бы герою, говорю я лично сам». И с другой стороны: «Теркин, мой герой, за меня гласит порой».

Исследователями поэзии А. Твардовского много и справедливо сказано о народности его поэмы, выраженной в особенностях ее языка. Поэма глубоко народна всем своим взглядом на жизнь, на горе и ра-

дость. Теркин – не какой-нибудь залихватский вояка, он – человек мирного труда. Однако, увидев свою землю в опасности, Теркин становится солдатом. Но солдатом особенным, принявшим войну как труд – тяжелый, страшный, но труд.

Народный характер виден и во всем строе чувств поэмы, во всей психологии ее героев. Среди разных эпизодов, картин, образов, которыми она изобилует, есть примечательный рассказ о потере кисета. За рассказом о кисете, рядовой вещи в обиходе бойца, стоят глубокие переживания воюющего народа. За ничтожностью такой потери, о которой говорит солдат, стоит большая печаль по великим утратам… Поэтому и глава названа «О потере». Автор пишет:

Потерять семью не стыдно –
Не твоя была вина.
Потерять башку – обидно.
Только что ж, на то война.
Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить, –
Я не спорю, – тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак.
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

В рассказе о потере – народный взгляд на вещи, психология людей большого мужества, большой выдержки, которые если и выскажут свою великую боль, то скорее через мелочи. И народный язык, меткие разговорные слова являются уже естественным следствием народного взгляда на жизнь, народного духа, который живет в самом замысле поэта.

Язык поэмы многоцветен и многообразен. Язык поэмы – это стихотворения живого национального, разного и родного для тысяч бойцов языка: песни, пословицы, поговорки воспринимаются как концентрированное выражение национального духа, представлений народа о жизни.

Средств выражения, художественных средств воссоздания образов в поэме множество. Остановимся на таких явлениях грамматико-стилистического плана, как повтор, параллелизм и хиазм.

Повтор является одним из наиболее ярких средств выразительности художественного стиля А.Т. Твардовского.

Повтор – это способ организации экспрессивно окрашенного текста, яркое эмоциональное средство, помогающее выразить мысль автора.

Виды повтора многообразны: анафора, эпифора, эпанастрофа, эпиналепсис и др. Нередко повторения различных видов взаимодействуют, часто способствуют созданию параллелизма конструкций, который является еще одним средством выражения поэтического дара в слове.

Часто повтор в поэме А.Т. Твардовского наблюдается в вопросно-ответных диалогических единствах – крупных структурно-семантических единицах диалогической речи. Они могут состоять из двух, реже трех или четырех предложений, реплик, тесно связанных между собой по смыслу и структурно. При этом содержание и форма первой реплики определяют содержание и форму второй и т.д. Так что только в сочетании реплик обнаруживается необходимая для понимания полнота данной части диалога.

Приведем примеры подобных диалогов, а точнее диалогических единств с повтором.

Мимо льна молодого
Проезжают как-то раз.
– Кто здесь будет Фролова?
– Две Фроловых у нас.

Дистантный повтор имени собственного обращает внимание читателя на героиню стихотворения.

И в сторону гулкой, недальней
Пальбы – перелет, недолет –
Неспешно и как бы похвально
Кивает сапожник:
– Дает?
– Дает, – отзывается здраво
Боец. И не смотрит. Война.

В данном случае диалогическая речь с повтором также вносит живость в текст произведения, в центре которого все-таки война, трагедия и безумие. Поэтому юмор выходит «соленым».

«Свой?» – бойцы между собой, –
«Свой!» – переглянулись.

Здесь настроение иное. Во взводе новый боец. Как принять? настороженность и опаску сменяет доверие и одобрение. В данном случае диалог как бы предполагается: нет конкретных собеседников.

Звезды, звезды, как мне быть,
Звезды, что мне делать,
Чтобы так ее любить,
Как она велела?

Троекратный контактный и дистантный повтор при обращении в вопросительной конструкции. Ассонанс подчеркивает немой вопрос, обращенный к звездам.

Вторую ночь в лесу встречай –
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца…

Контактный повтор существительного «спичка». С шуткой решается очень серьезный вопрос. Аллитерация – почти трепетное желание бойца зажечь спичку. Но вдруг она погаснет?!

Теркин, стой. Дыши ровнее.
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, цельсь. Бей вернее,
Теркин. Сердце, не части.

Многократный анафоричный повтор имени собственного.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня!

Кольцевой повтор глагола в повелительном наклонении при обращении.

В текстах А.Т. Твардовского нельзя не обратить внимания на кратность повтора или количества повторений, которое является одним из структурно-стилистических средств усиления выразительности, способом организации экспрессивно окрашенного текста.

Двоекратный и троекратный повторы в поэзии А.Т. Твардовского встречаются достаточно часто. Есть и многократные.

Приведем примеры многократных повторов, встречающихся в поэзии А.Т. Твардовского.

Лядо, пни, орешники –
Близко от села,
Где девчонкой бегала,
Где коров пасла,
Где росла, где выросла,
Чтобы жизнь прожить.
Кладбище, где матушка
Под сосной лежит.

Это синтаксическое единство содержит пятикратный дистантный повтор местоименного наречия «где» при однородных сказуемых.

Трамбабулиха к обедне шла,
Пехтерь пирогов несла,
И говядинку красную,
И колечко колбасное,
И кусочек поросятинки,
И два крылышка гусятинки,
И баранью лопаточку,
И яичко, да всмяточку…

Перед нами шестикратный повтор союза «и» при однородных дополнениях.

Где-то Ладога. А где-то
Дон – и то же на Дону…
Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед…
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет…
Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда…
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда…
Где-то будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

Пример семикратного повтора в поэзии А.Т. Твардовского.

– Если хочешь, чтобы тело
На жаре легко потело,
Чтобы сила не сдавала,
Чтоб работа ладом шла,
Чтобы хворь не приставала,
Чтоб не жалила пчела,
Чтоб жена добра была,
Чтобы речь была толкова,
Чтобы шутка – весела, –
Парься веником дубовым,
Мойся в бане добела.

Союз «чтобы» в этом отрывке текста повторяется восемь раз.

Встречается в поэзии А.Т. Твардовского даже одиннадцатикратный повтор.

– А кто платил,
Когда я не платил?
За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,
За каждый воз,
Что с поля привез,
За собачий хвост,
За кошачий хвост,
За тень от избы,
За дым из трубы,
За свет и за мрак,
И за просто, и за так…

Это пример одиннадцатикратного дистантного повтора предлога «за» при однородных дополнениях.

При внимательном обращении к различным конструкциям, содержащим повторения, не остается неотмеченной частеречная аттестация общего (зависимого) слова при однородных членах. В роли такого слова могут выступать как самостоятельные, так и служебные части речи. Оно может быть и дополнением, и определением, и обстоятельством. Благодаря лексическому повтору зависимого слова, подчеркивается значение не только повторяющегося слова, но и слова, имеющего при себе повтор.

Рассмотрим некоторые случаи повтора самостоятельных частей речи

Лет семнадцать тому назад
Были малые мы ребятишки.
Мы любили свой хутор,
Свой сад,
Свой колодец,
Свой ельник и шишки.

В роли зависимого слова при прямых дополнениях выступает притяжательное местоимение «свой». Соединяются дистантный и анафоричный повторы.

Все бизюки могли,
Все умели за плату,
Взяли они углы
В немецкую лапу.

Анафоричный дистантный повтор определительного местоимения.

И оба пляшут от души,
И оба вместе хороши,
И оба – в шутку и всерьез,
И оба дороги до слез.

Четырехкратный повтор указательного местоимения-числительного «оба», имеющего значение «и тот, и другой», в сочетании с союзом «и».

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя, –
Хватило бы одной.

А я впервые приехал сюда,
Новый работник суда.
И принял меня по письму человек
На первое время,
На первый ночлег.

В последних двух примерах повторяются числительные: в первом случае количественное, входящее в состав неразложимого словосочетания, выступающего в роли подлежащего, во втором – порядковое, выступающее в роли определения.

Первый пример содержит обращение к реальному собеседнику. Это подтверждает разговорный характер текста.

Наломано столько железа,
Напорчено столько земли
И столько повалено леса,
Как будто столетья прошли.

В данном примере наречие «столько» повторяется при однородных дополнениях.

Вперед дорога – не назад,
Вперед – веселый труд;
Вперед – и плечи не болят,
И сапоги не трут.

Анафора при дистантном троекратном повторе наречия. Цепная связь осуществляется по моделям «определение – обстоятельство», «обстоятельство – обстоятельство».

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

В данном случае повторяется модальное слово в составе сложного глагольного сказуемого.

Структурный параллелизм важен в создании единства частей сложного предложения, а также в сцеплении компонентов сложного синтаксического целого.

Обязательным условием структурно-параллельного построения является повторение последующими частями предыдущей по модели, образу и подобию. В качестве параллельных структур могут выступать члены простого предложения, самостоятельные предложения, простые предложения в составе сложного, части усложненных предложений. Одним из признаков параллельных конструкций является и определенная соотносительная интонация.

Полный параллелизм предполагает наличие однотипных конструкций, состоящих из одинаковых членов, одинаково расположенных.

И говор праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.

Полный параллелизм в двух последних строках, сопровождающийся дистантным анафоричным повтором глагола-связки «был», передает атмосферу недавних сражений, поражений и побед. Экспрессивность синтаксического единства также подчеркивается аллитерацией.

На полях трудитесь честно,
За столом садитесь тесно.

В данном случае полный параллелизм помогает автору передать напутствие своего героя всем честным и добрым людям.

Дед Данила влез на полку,
Дед Данила лег надолго,
Дед Данила лег – так лег, –
Дубом ноги в потолок.

Полный параллелизм наблюдается в первых двух строках.

Разновидностью параллелизма является хиазм.

Хиатический порядок слов представляет собой перекрестное расположение членов параллельных синтаксических конструкций. Такой прием способствует выразительности мысли, заложенной в словах автора, целого текста.

В поэзии А.Т. Твардовского хиазм используется достаточно широко во взаимодействии с параллелизмом и повтором.

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней
Летом мирным и простым.

Явление хиазма наблюдается во второй строке синтаксического единства. Если обозначить перекрещивающиеся компоненты подлежащее и сказуемое буквами «А» и «Б», схема варьирования хиатического расположения будет выглядеть следующим образом: БА – АБ.

До того Даниле любо
Вновь подробно изложить,
Что нельзя, мол, жить без дуба,
А без клена можно жить…

В данном примере явление хиазма представлено в придаточном предложении. Хиазм сопровождается повтором инфинитива «жить», являющегося частью сложного сказуемого, и противопоставлением.

Из сказанного следует, что повтор, параллелизм, хиазм – не только эмоционально-экспрессивный способ передачи содержания текста, воздействия на читателя, но и средство организации предложений в тексте, в частности, в составе синтаксических единств.

Таким образом, народный характер поэмы А.Т. Твардовского выражается в особенностях ее языка, живого, эмоционального, разного для тысяч бойцов. Экспрессивные средства, такие как повтор, параллелизм, хиазм в составе текста, песни, частушки, образные солдатские выражения – все это воспринимается как концентрированное выражение национального духа русского человека. В этом менталитет народа, колорит русского характера, русской души – несгибаемой, не поддающейся невзгодам и даже трагедиям жизни.

В поэме «Василий Теркин» Твардовский буквально погружает нас в стихию живого национального, разного для тысяч бойцов языка. Песни, пословицы, поговорки воспринимаются как концентрированное выражение национального духа, представлений народа о жизни.

«Книга про бойца» стала замечательным поэтическим памятником, в котором не только емко сконцентрированы гуманистические ценности народа, нации, но и смело реализованы возможности русской речи. Конечно, поэма А.Т. Твардовского оказала огромное влияние и воздействие на воспитание советского патриотизма, а в целом – на глубинные патриотические тенденции народа.

Русский народ непобедим. О сегодняшних событиях также будут написаны патриотические поэмы, потому что много смертей и кривотолков, но цель одна: остаться на своей родной земле.

Список цитируемой литературы:

1. Абрамов, А. Лирика и эпос Великой Отечественной войны / А. Абрамов. – Москва: Советский писатель, 1972. – 672 с.

2. Акаткин, В.М. Александр Твардовский. Стихотворения и проза / В.М. Акаткин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. – 214 с.

3. Эпопея о человеке – народе. (Философия жизни и движения образов) // «Василий Теркин» А. Твардовского – народная эпопея / В.М. Акаткин и др. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1981. – 191 с.

Шурупова О.С., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк
Шурупова А.С., канд. экон. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА СССР И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОВЕТСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация

В статье исследуются особенности отражения в советских книгах, кинофильмах, а также произведениях изобразительного искусства гендерной политики СССР, в частности идей об особом положении женщины, которая не просто равна мужчине, но возвышается над ним, опережая его по многим параметрам. Авторы делают вывод о глубоком несоответствии между подобной системой взглядов и традиционным для русской культуры мировидением.

Ключевые слова: гендерная политика в СССР; русская культура; христианство; язычество; женщина; мужчина; семья.

Общеизвестно, что в советской культуре женщина занимала особое место. Достаточно вспомнить деятельность женотделов в 20-е годы прошлого столетия, журналы «Работница» и «Крестьянка», ориентированные на женскую аудиторию, советские кинофильмы, например «Цирк» (1936 г.), где женщины и мужчины, одетые практически одинаково, вместе шагают на парад, многочисленные советские открытки, поздравлявшие женщин с 8 марта и призывавшие женщин всего мира объединяться в борьбе за мир. Сегодня кажется, что на смену гендерному порядку XIX века, согласно которому мужчине бы-

ла уготована роль главы семьи, а женщине – роль поддерживающей его жены, хозяйки и матери, в Советском союзе пришло новое миропонимание, в котором женщина и мужчина равны, как знаменитые статуи рабочего и колхозницы. Именно такими предстают мужчины и женщина на барельефе скульптора С.Д. Тавасиева «Готов к труду» на не сохранившемся до наших дней стадионе «Электрик» в Москве. По словам М. Силиной, «основная доминанта панно – порывистое, мощное, уверенное движение вверх молодого строителя, которому юноша и девушка передают по цепочке кирпичи для укладки стены» [16, с. 118]. На заднем плане барельефа виднеются символы новой эпохи: метро и башня так и не построенного Дворца Советов, напоминающая Вавилонскую башню со средневековых полотен. Действительно, полуобнаженные люди на барельефе символически строят Вавилонскую башню, которая должна дотянуться до неба, покоренного «сталинскими соколами». На этом строительстве, по сути, бросающем вызов Богу и установленным Им порядкам, мужчина и женщина работают наравне, причем крепкая, мускулистая женщина с легкостью удерживает огромный кирпич.

Идея о том, что женщины могут и должны работать наравне с мужчинами в советской культуре была достаточно популярной. Именно такой женщина предстает, например, в стихах Е. Евтушенко:

Шикарно взвалив над Слюдянкой
Цементный мешок на плечо,
С какой величавой осанкой
Чалдоночка кинет: «ничо!» [цит. по: 5, с. 380].

Галина Вишневская вспоминает в своих мемуарах, как гневно высказывала Евтушенко свое мнение об этих строках: «А в мешке цемента килограммов пятьдесят! Я таскала их на своем горбу во время войны, когда мне было пятнадцать лет от роду. Вы бы взвалили его на себя вместо той несчастной бабы, которая, надорвав себе живот, возможно, на всю жизнь останется бесплодной или будет рожать хилых, неполноцененых детей…. Да она, прочитав ваши стихи, не кинет “ничо!”, а пошлет вас таким отборным трехэтажным матом!» [5, с. 380].

Любование женским трудом отражено, например, в весьма популярном советском кинофильме «Девчата» (1961 г.), главной героине которого с легкостью предлагают отнести на чердак ящик гвоздей. Как резонно отмечают сегодня, «финальная сцена полностью шита белыми нитками…: как минимум 35-килограмовый (по другим источникам 60 кг) ящик с гвоздями Тося… никак бы не осилила, да еще и поднимаясь по приставной лестнице, при этом держа его над головой» [13]. Но советской девушке нипочем трудности, связанные с удельным весом ме-

талла. По наблюдению Н. Плунгян, в советских текстах «счастливая и равноправная женщина Страны Советов оставалась мужественной и сильной (прекрасно стреляла, работала на заводах и стройках, не боясь тяжелых нагрузок, готовилась служить в армии и авиации)» [15, с. 196].

Однако анализ советских текстов 20-х – 30-х гг. показывает, что в этой новой действительности речь все же не шла о полном устранении гендерной идентичности, то есть об исчезновении гендерных различий. В конце концов, в 30-е гг. «с первой стороны обложки женского журнала… улыбались военные летчицы, а на последней рекламировались туфли на шпильке» [15, с. 197]. Напротив, советские тексты нередко эти различия подчеркивают, демонстрируя, что женщина – существо, не только равное мужчине и обязанное «шагать в ногу с рабочим» [15, с. 96], но и принципиально отличное от мужчины. Теперь женщина воспринималась именно как рабыня, освобожденная советской властью от угнетения мужчиной и семьей и имеющая право на нечто большее, чем просто равенство с мужчиной. Соответственно, семья такой женщине не нужна была вовсе. По словам Ф. Энгельса, в традиционной семье «жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей – да и то лишь пролетарке – путь к общественному производству. Но при этом, если она выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остается вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности» [19, с. 54]. Эти обязанности перед мужчиной и детьми вообще воспринимаются как мешающие развитию женщины, ограничивающие ее свободу. С довольно ощутимой уверенностью Энгельс предсказывает полное разрушение института семьи и закономерную, в связи с этим отмену связанных с ней морально-нравственных норм: «С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества… Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости?» [19, с. 34].

На плакатах 20-х гг. женщина предстает именно такой освобожденной «из-под власти кухни и печного горшка» рабыней, которая в качестве жены, матери и хозяйки пребывала в угнетенном состоянии. Так, плакат А. Аршинова «Женщина-работница!..» красноречиво изображает, какие муки терпела женщина до революции. Ей приходилось следить за играми маленьких детей и улаживать конфликты под-

ростков. Работница, которая, увидев, что ребенок попытался схватить цыпленка, схватилась за голову, явно пребывает в состоянии депрессии, о чем свидетельствует и запущенное состояние ее жилища: паутина на самом видном месте, облупившаяся печь, которая на протяжении веков была своего рода сердцем русского дома. Виноват в психологических проблемах женщины, по-видимому, мужчина, спокойно примостившийся на лавке, и не пытающийся помочь жене. Революция, освободившая женщину из-под власти кухни и печного горшка, на самом деле, по мысли автора плаката, освободила женщину от мужчины. Осчастливленная работница не готовит пищу, обедает в кооперативной столовой и проводит время со своими товарками в корпоративной читальне за изучением газет. Ребенка своего она отвела в детский дом, а мужчины на «счастливой» части плаката фигурируют только на заднем плане. Они не играют сколько-нибудь значимой роли в жизни этой женщины.

Семья вообще в крайне негативном свете изображается на плакатах этого времени. Например, в центре плаката А. Федорова «Долой избиение и наказание детей в семье» (1926 г.) «фигура мрачного жесткого отца» [15, с. 223]. На плакате Б. Терпсихорова «Религия – яд! Береги ребят» (1930 г.) отрицательным персонажем становится бабушка. Традиционные для русской культурной картины мира фигуры членов семьи неуловимо окрашиваются в черный цвет. Лубок А. Дейнеки «Без Бога – в Господе Боге» (1926 г.) особенно ярко демонстрирует религиозный вектор такого восприятия семьи: с Богом, по данным Им нормам женщина призвана находиться в семье. Но Дейнека пытается показать: там ей плохо, ведь дома с ней муж, который обязательно будет ее бить и обижать. Лубок буквально призывает женщину быть «без Бога» – на странном собрании, где присутствуют только одетые, в основном, в черное, словно на похоронах, женщины и вообще нет ни одного мужчины. По-видимому, художник попытался изобразить «Съезд работниц и крестьянок 1918 г.», участницы которого, агрессивно подбоченившись, беседуют друг с другом. Их черные одеяния и красные лица, действительно, напоминают о месте без Бога, то есть об аде.

Еще более выразителен плакат «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», посвященный освобождению женщины Востока и адресованный азербайджанкам. Работница-мусульманка, которую, как гласит надпись под изображением, «царь, беки и ханы» (то есть мужчины!) «лишали прав» [15, с. 96], предстает здесь раскрепощенной настолько, что, несмотря на хиджаб, обнажилась до пояса. Другие женщины, все еще одетые, с порванными цепями на руках, молитвенно воздевают к ней руки. Надпись под плакатом объясняет, что дети

должны рождаться здоровыми и сильными, а сразу после рождения женщина должна отдавать детей в «ясли, детские дома, школы» [15, с. 96], чтобы «освободить женщину от домашнего рабства» [15, с, 96], а заодно и от женской стыдливости, которая могла бы помешать ей бесстрашно шествовать навстречу свободе с обнаженной грудью.

Именно такое восприятие семьи и дома отражено в романе Ф. Гладкова «Цемент», весьма популярном среди советской молодежи тексте (Ю. Никулин, например, указывал в своих воспоминаниях, что в 30-е – 40-е годы это была его любимая книга, которую он даже взял с собой в армию) [11, с. 60]. Даша Чумалова, героиня этого романа, заявляет своему ошеломленному мужу: «Я – партийка, Глеб. Не забывай этого» [6]. Когда муж пытается узнать, где их дочь, оказывается, что Даша отдала ее в детский дом, чтобы девочка не мешала матери заниматься партийными делами. Глеб недоуменно вопрошает: «Но ведь ты же – мать, с каких это пор ты превратилась в кукушку? Бросила ребенка черт его знает куда, а сама носишься, высунув язык» [6]. Однако Даша больше не жена и не мать. На все упреки у нее один ответ: «Я – партийка, Глеб» [6]. Автор рисует картины ужасной жизни в детдоме, где дети вынуждены копаться в навозе, чтобы найти съестное. В конце концов девочка погибает там от голода, но ее гибель воспринимается родителями как, в целом, достойная жертва ради строительства новой жизни. Впрочем, потом Даша упрекает мужа, что он не приехал проститься с умирающей дочкой и та ушла из жизни без него.

Глеб вообще получает от нее и от других женщин много упреков. Так, его серьезная вина состоит в том, что он хочет обычной супружеской жизни и не может вынести мысль, что жена имеет право проводить время с другими мужчинами. Его убеждают: «В тебе бунтует ревность… Это хуже деспотизма. Это такая эксплуатация человека человеком, которую можно сравнить только с людоедством» [6]. И постепенно, мало-помалу герой романа уступает, убеждаясь в том, что жизненный опыт его жены намного превосходит его пребывание на фронте, ранения, страдания без нормальной семьи. Он признается Даше: «Я знаю только одно, что я тебя недостоин. Я и сотой доли не пережил того, что пережила ты» [6]. В конце книги он ощущает себя «пылинкой в этом океане человеческих жизней», у которой нет своего голоса и нет жизни, отдельной от масс. Налицо, как указывает И.А. Есаулов, «исцеление от души» [7, с. 453], избавление от своей индивидуальности. Конечно, прежде всего роман иллюстрирует отказ от морально-нравственных норм, которые представляются героине романа устаревшими и ненужными. Однако интересно отметить, что определять, как будет жить семья, какова будет судьба ребенка и т.д., имеют

в этой новой действительности право не мужчина и женщина на равных, а именно женщина. Она решает, а от Глеба требуется покорно подчиняться, и если вначале он сопротивляется, то впоследствии становится абсолютно послушен и лишен индивидуальности.

Отметим, речь идет не о том, чтобы облегчить жизнь женщины, создав ясли и столовые. Образцовая советская женщина вообще не должна больше выполнять функции жены и матери, более того, она превалирует над мужчиной. Так, крайне интересным представляется описание семьи из другой важнейшей книги, которая была для поколений советских читателей своего рода житием святого, которому необходимо было подражать. Речь идет о книге Н. Островского «Как закалялась сталь». Так, главный герой Павка едет отдохнуть на море к близкой знакомой своей матери. Обратим внимание на описание семейства этой знакомой. «Семья Кюцам состояла из пяти человек: Альбина Кюцам – мать…, ее две дочери – Леля и Тая, маленький сынишка Лели и старик Кюцам, неприятный толстяк, похожий на борова» [12, с. 346]. Хотя читатель пока ничего плохого не знает о главе этой семьи, характерно, что сначала автор перечисляет женщин: жену и дочерей, а муж и отец упоминается в последнюю очередь, уступая место даже маленькому внуку. Старик, как выясняется, работает и содержит жену, безработную дочь и внука, однако он «деспотически-грубо зажал всю семью, убивая всякую инициативу и малейшее проявление воли» [12, с. 347]. Впрочем, одна из его дочерей ушла от мужа, другая – работает, сын – уехал в другой город поступать в институт, и старик не препятствовал в этом никому из них. Какую же инициативу он подавляет? Оказывается, вина этого человека в том, что он осуждает брак дочери, заключенный второпях, без разрешения родителей, а потом столь же поспешно разорванный. Кюцам разделяет старую мораль, которая и представляется Павке «кабалой». И хотя «плохой» отец не прогнал разочаровавшую его дочь, согласился ее содержать и т.д., Павел делает вывод: «со стариком надо кончать, этого не сагитируешь» [12, с. 349]. Он упрекает Таю, что ее «семья очень привязывает» [12, с. 349] и предлагает ей «выбираться на свежий воздух, подальше от… гнезда» [12, с. 357] (в традиционной русской культуре слово «гнездо» имеет положительную коннотацию, тогда как для Павки это символ ненавистного прошлого). На практике бегство на свежий воздух выражается в том, что Павел начинает тайно от всех жить с незамужней Таей как с женой, проникая в ее комнату по ночам (для этого Тая лично переносит подальше от двери мешающий ее открывать комод), чем отвращает от себя даже благоволивших ему сначала мать и сестру девушки. Затем приезжает их брат и «начинает подкопную работу» по

изгнанию Корчагина из дома своих родителей. Семья оказывается, как и хотел Павел, разрушена: женщины уезжают, Тая остается с Корчагиным, который, между прочим, счастлив, что «стал редко ее видеть» [12, с. 365]. Она, как и Даша Чумалова, уходит в женотдел, становится членом партии – «он понимал, что чем больше будет расти Тая, тем меньше часов будет отдано ему» [12, с. 368]. Тяжело больной мужчина и заботы о его здоровье оказываются не столь важны, сколько превращение «подруги в большевика» [12, с. 371]. Сам Павка, впрочем, как и Глеб, окончательно лишается «простых человеческих чувств» [12, с. 374]. Жена живет своей жизнью, приходит домой поздно вечером и, перекинувшись со свекровью – но не с Павкой – несколькими словами, укладывается спать, а муж с готовностью мирится с этим.

Когда персонаж еще одного знакового текста – «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко – кончает с собой из-за несчастной любви, колонисты убеждают растерянную девушку: «Много их, таких… найдется, да всем ублажать? Пускай вешаются побольше… Скажи спасибо, что этот дурень догадался смыться. А то он тебя всю жизнь мучил бы» [10]. Не надо жалеть о погибшем юноше, мечтавшем создать семью. Советской девушке место на рабфаке, а не замужем за неким ничтожным «собственником».

Семейным отношениям весьма успешно противостоит и пионерка Валя из стихотворения Э. Багрицкого «Смерть пионерки», которая, умирая, отказывается принять из рук матери крест. Багрицкий, по замечанию И.А. Есаулова, «дает образец предсмертного выбора. Волею автора сталкиваются в пороговой ситуации традиционное (христианское) отношение к смерти… и новое» [7, с. 362]. Интересно, что мать, дающая дочери крест, который, по мысли женщины, еще может спасти ту от смерти, попутно предлагает ей вспомнить о традиционных семейных ценностях. Она напоминает дочери о хозяйстве, которое разладилось, когда та заболела, о страдающих без маленькой хозяйки домашних животных:

Все хозяйство брошено,
Не поправишь враз,
Грязь не по-хорошему
В горницах у нас.
Куры не закрыты,
Свиньи без корыта;
И мычит корова
С голоду сердито [2].

Затем мать говорит о том, как мечтала о свадьбе дочки:

Чтоб было приданое,
Крепкое, недраное,
Чтоб фата к лицу –
Как пойдешь к венцу! [2].

Но несчастной матери не удается пробудить в дочери ни сострадание к измученным животным, ни стремление к семье. Чистые горницы, животные, ждущие заботы, белоснежная фата и крест – в этом тексте явления одного порядка. И, отказываясь от креста, девочка зачеркивает и возможность той жизни, которая, согласно учению апостолов, является нормальной для христианина. В «Послании к ефесянам» святого апостола Павла говорится: «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела. Любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Поэтому оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна эта велика – я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя, а жена да боится своего мужа» [1, с. 523]. Валя отрекается от креста, от символов венчания, от любви, которая, согласно христианскому учению, соединяет членов семьи, от плачущей матери и умирает, превращаясь из дочери в пионерку. Как говорит И.А. Есаулов, «мы имеем здесь дело с особого рода мистическим переживанием, имманентным советской литературе в целом» [7, с. 363].

По мысли советских авторов, женщина должна, отказавшись от христианских ценностей, стать по-мужски жесткой, и советские тексты наперебой советуют ей поскорее измениться:

«Пускай сердце у нас будет каменное, а не банная мочалка… («Цемент» Ф. Гладкова) [6];

«Видишь небо, оно голубое. А ведь у тебя такие же глаза. Это нехорошо. У тебя глаза должны быть серые, стальные» («Как закалялась сталь» Н. Островского) [12, с. 146].

В книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын с горечью пишет: «Устами Сталина раз навсегда призвали страну отрешиться от благодушия. А “благодушием” Даль называет “доброту души, любовное свойство ее, милосердие, расположение к общему благу”. Вот от чего нас призвали отречься большевики, и мы отреклись поспешно, – от расположения к общему благу» [17, с. 67]. И хотя в конце 30-х гг. Н. Семашко провозглашает, что советская женщина, хотя и «уравнена в правах с мужчиной», но «не освобождена от той великой и почетной обязанности, которой наделила ее природа: она мать, она родит» [цит. по: 15, с. 186], тем не менее, эта рожающая женщина уже совсем не та

нежная, любящая и благодушная невеста, жена и мать, образ которой присутствует в традиционной русской культуре. Женщина должна была занять особое положение в полном соответствии со словами Ф. Энгельса, воспевающего матриархат и осуждающего появление семьи: «Положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины занимали еще более свободное и почетное положение, в героическую эпоху мы застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь» [19, с. 32]. По его мнению, женщина должна стремиться к положению «богини».

Как справедливо отмечает А.Н. Бирюков, «навязчивое желание доказать, что женщина во всём лучше, красной нитью прослеживается во многих советских фильмах» [3], причем не только в кинотекстах 20-х годов, но и в тех, которые были созданы в более поздний период, даже после Великой Отечественной войны. Таков, например, кинофильм «Кубанские казаки» (1949 г.), главный герой которого, по имени Гордей Гордеевич, должен переступить через собственную гордость. В начале фильма его положительные героини вместе поют упрекающую потенциального собеседника-мужчину песню «Каким ты был, таким остался». Гордей Гордеевич не должен оставаться гордым, несмотря на свои военные подвиги и успехи в управлении колхозом. Он обязан осознать, что во всем уступает председательнице Галине Ермолаевне: и в торговле и получении прибыли, и в оформлении колхозного клуба, и даже в верховой езде. Интересно, что положительная председательница всюду появляется в сопровождении какого-нибудь мужчины (то счетовода, то коневода, то самого Гордея Гордеевича), который послушно внимает ее указаниям. Только после осознания своей ничтожности по сравнению с ней Гордей получает надежду на счастье, опять-таки немыслимое без указаний и распоряжений Галины Ермолаевны, с которой он отныне будет совместно управлять колхозом.

Подобное место женщина занимает на панно И.М. Бирюкова, «Готов к обороне», которое украшало уже упомянутое здесь здание стадиона «Электрик». Полуобнаженная женщина здесь возвышается над мужчинами, которые буквально служат для нее ступенями «к обороне». Один из них при этом подает ей знамя, а другой – винтовку. Женщина, буквально взобравшаяся по телам мужчин наверх, к самолетам и аэростату, очевидно, прекрасно стреляет и полностью готова к обороне. Она занимает на барельефе центральное и более почетное место, чем поддерживающие ее мужские фигуры.

Еще более интересные примеры гендерных отношений мы находим в довоенном кино, например в кинофильме «Трактористы» (1939 г.). Как с юмором пишет психолог А.Н. Бирюков, «здесь перед

нами предстает абсолютно мужеподобная женщина: по внешности, по поведению, по манерам, по занятиям и увлечениям. Передвигается только на мотоцикле, как заправский байкер, воин дорог. По сути это мужебаба, которая отличается от мужчины разве что анатомически и тонким голосом. Весь фильм твердят о женихах, но я даже не представляю, какие чувства такая мадам может вызвать у мужчины... Бригада Марьяны лучшая в колхозе. Мужские бригады и близко не дотягивают! Куда им до мужевидных советских женщин!..» [3]. По мнению А.Н. Бирюкова, «марксо-энгельсовская идеология по переделке женщин в мужчин, по доказательству, что женщины во всем превосходят мужчин, делают из фильма феминистическую агитку, на фоне которой весь мелодраматизм и юмор теряются. К чему вся эта феминизация приведет – мы прекрасно знаем, расхлебываем до сих пор» [3].

Великая Отечественная война вынуждает людей хотя бы отчасти вернуться к традиционным, православным нормам жизни (женщины, работающие в тылу и действительно вынужденные во многом заменять ушедших на фронт мужчин, ждут их; образы святого Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова снова становятся значимыми, а в текстах военной поры, например в стихотворениях К. Симонова, даже появляются образы, связанные с крестом и молитвой). Как пишет Н. Лебина, «послевоенный большой стил…. Порождал надежды на возвращение пышных свадебных торжеств. Об этом свидетельствуют художественные фильмы: “Свинарка и пастух”, “Кубанские казаки” и в особенности “Свадьба с приданым” … В фильме-спектакле… невеста появляется в специальном белом платье…, а жених – в черном костюме» [9, с. 192]. Однако после войны планомерно продолжается и возвеличивание женщины, которая перевоспитывает нерадивых и легкомысленно настроенных мужчин («Невеста с приданым», «Неподдающиеся», «Девчата», «Весна на Заречной улице» и т.д.) или спасает мужчину, попавшего в беду («За витриной универмага», «Полосатый рейс»). Целесообразным представляется обратиться к такому тексту, как детская повесть советской писательницы Л.Ф. Воронковой «Старшая сестра», действие которой происходит в Москве 50-х гг. Героиня повести, мать троих детей, умирает. Причем отметим, что, как справедливо пишет один из интернет-блогеров, «умирает героически. Муж приходит с работы. А ей совсем плохо, она прилегла. Но нельзя же мужу стол не накрыть. Встает, прикидывается, что здорова, подает ужин. Муж просит дать ему соль. Женщина тянется за солонкой и падает замертво! …Ассоциация с погибающим бойцом, который из последних сил все же кидает гранату во вражеский танк... Перед смертью наша героиня успела сказать Зине свои послед-

ние слова... Два самых последних слова в жизни матери троих детей: “Береги отца”. Двенадцатилетний ребенок должен беречь взрослого мужика. Зина принимается беречь, т.е. вести хозяйство для трех человек: отца и двух маленьких детей. В образе жизни отца ничего не меняется, он по-прежнему приходит в чистую квартиру, где ему подают горячую еду… Отца должно быть жалко. Со щемящей ноткой описывается, как отец собственноручно берется мыть посуду» [18]. Современные блогеры упрекают героя повести в том, что он не помогает дочери, которая из последних сил пытается вести сложное хозяйство, а при этом должна учиться на хорошие оценки, однако, по нашему мнению, повесть отражает восприятие женщины и даже несовершеннолетней девочки как могущественной героини, которая может то, на что не способен мужчина. Характерно, например, что мать девочки скрывает от мужа даже опоздание дочки в школу, боясь его огорчить и довести до производственной травмы. Мужчина предстает здесь как подчиненное и даже изнеженное создание, о котором женщина обязательно должна заботиться, ибо без ее опеки он не способен даже пообедать. Характерно, что соседка, которая требует, чтобы его тринадцатилетняя дочь вымыла пол в коридоре коммунальной квартиры, теряется и смущается, когда отец предлагает поучаствовать в уборке. Мужчина не должен убирать, и не потому, что его роль для этого слишком значительна. Возясь с посудой, он уже забрызгал все вокруг, даже стены кухни, и соседи просто опасаются доверить ему ведро и тряпку. Мужчину, уже смирившегося со своей подчиненной ролью, положено опекать и защищать, а главная в семье женщина справится со всем, возложенным на нее.

Рассуждая о векторе советской литературы, И.А. Есаулов убедительно показывает ее религиозную направленность, противоположную христианству. По его мнению, «отдельные вариации лишь поддерживали устойчивость центрального советского мифа» [7, с. 374], связанного с «возвращением к доевангельскому состоянию мира» [7, с. 359]. Отметим, что в дохристианской, языческой культуре Руси женщины занимали особое место. А.П. Богданов, описывая это время, ссылается на исследования археологов и на византийский трактат «Стратегикон», в котором говорится, что большинство славянок «считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушает себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь» [4, с. 163]. Историк доказывает, что славянские женщины свободно путешествовали вместе с мужьями-варягами и сами принимали важнейшие решения, а святая княгиня Ольга, по сути, создательница Русского государства, и вовсе «поступила беспрецедентно – вместо себя она принесла в жертву мужу

множество его убийц» [4, с. 150]. Волевой характер русских женщин проявлялся и в другие эпохи. Так, в XVIII в. приехавшие в Россию сестры-ирландки Вильмот с удивлением отмечали, что русские женщины, в отличие от британок, свободно распоряжаются своим имуществом, в частности приданым, и с удовольствием обсуждают финансовые дела [14]. Поэтому идеи об особом положении женщины в России не могли не произвести впечатления на общество, однако они полностью противоречили не только христианскому видению женщины, но даже и языческим взглядам славянок, так привязанным к своим мужьям, что, в отличие от представительниц других народов, были готовы умереть вместе с ними.

К сожалению, проблемы сегодняшней семьи, многочисленные разводы и убежденность многих женщин в своей особенной роли, в полном биологическом равенстве с мужчиной и в социальном превосходстве над ним, уходят корнями в советское прошлое. Идеи превосходства женщины, которые долго и планомерно насаждались советской литературой, кинематографом, изобразительным искусством, не могли не укорениться в умах и сердцах целых поколений. Их воплощение менялось с годами, становилось пластичнее, подстраивалось под ожидания конкретного временного периода, однако в корне своем они оставались неизменными. Думается, сегодня мы должны прежде всего четко осознать природу этих идей и их полную противоположность русской, основанной на православии культуре. Современный человек, делая выбор в пользу тех или иных взглядов, должен делать его сознательно, хорошо понимая сущность той или иной концепции. И для авторов статьи этот выбор вполне однозначен: мы являемся и остаемся убежденными сторонниками традиционной русской культуры.

Список цитируемой литературы:

1. Апостол. Книга Деяний, Посланий святых апостолов и Апокалипсис. – Москва: Спасское братство, 2012 . – 784 с.

2. Багрицкий, Э. Смерть пионерки. – Режим доступа: https://rupoem.ru/bagrickij/valya-valentina-chto.aspx (дата обращения: 28.09.2023).

3. Бирюков, А.Н. Мужское просвещение – возрождение семьи. – Режим доступа: https://alexandernikolaevichbiryukov.ru/articles/mnf/431-traktoristy-1939-razbor-filma (дата обращения: 25.09.2023).

4. Богданов, А.П. Начало русской истории / А.П. Богданов. – Москва: Издательская группа «Альма Матер»; Гаудеамус, 2022. – 430 с.

5. Вишневская, Г.П. Галина. История жизни. – Москва: Никея:Редакция «Встреча», 2017. – 800 с.

6. Гладков, Ф. Цемент. – Режим доступа: https://librebook.me/cement (дата обращения: 29.09.2023).

7. Есаулов, И.А. Русская классика: новое понимание / И.А. Есаулов. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2017. – 550 с.

8. Есаулов, И.А. Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 288 с.

9. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 488 с.

10. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма. – Режим доступа: https://librebook.me/pedagogicheskaia_poema/vol2/1 (дата обращения: 29.09.2023).

11. Никулин, Ю. Почти серьезно... / Ю.В. Никулин. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 608 с.

12. Островский, Н. Как закалялась сталь / Н. Остороский. – Москва: Художественная литература, 1982. – 382 с.

13. Очерки о психопатах. Разбор фильма «Девчата». – Режим доступа: https://dzen.ru/psychotales (дата обращения: 27.09.2023).

14. Письма сестер М. и К. Вильмот из России // Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С.С. Дмитриева. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – 494 с.

15. Плунгян, Н. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917 – 1939 годов / Н. Плунгян. – Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 288 с.

15. Силина, М. История и идеология: монументально-декоративный рельеф 1920 – 1930-х годов в СССР / М. Силина. – Москва: БуксМарт, 2014. – 352 с.

16. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, т. 2 // Малое собрание сочинений / А.И. Солженицын. – Т. 6. – Москва: ИНКОМ НВ, 1991. – 432 с.

17. Фем-взгляд на детскую повесть Л. Ф. Воронковой «Старшая сестра». – Режим доступа: https:// zllzzz.livejournal.com/124355.html (дата обращения: 27.09.2023).

18. Энгельс, Ф. О происхождении семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения. В 3-х т. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. – 639 с.

Глухих И.Н., магистрант
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Россия

РОМАНТИЗАЦИЯ СССР У СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)

Аннотация

Статья посвящена явлению романтизации СССР у представителей российской молодежи. Объектом этой романтизации является советское прошлое, представление о советском бытии как о гаранте стабильности и нравственно-смысловой определенности. Материалом для исследования послужили труды, направленные на определение отношения российской молодежи к СССР, а также российские YouTube-проекты, обращающиеся к советской эпохе.

Ключевые слова: ностальгия, советское прошлое, YouTube-проект.

Рассуждения о том, какую страну мы потеряли в 1991 году, часто приписывают старшему поколению, т.е. тем людям, кто большую часть своей жизни провел в этой самой стране. Но социологами было выявлено, что среди людей, переживающих потерю великой державы, наибольшее количество приходится на тех, кто родился с 1976 по 1982 гг. Детство этих людей прошло в СССР, а взрослая жизнь – в нелегких 90-х годах. По этой причине их приятные и теплые воспоминания о детстве как счастливом и беззаботном времени вполне обоснованы. Однако в последние годы аудитория тех, кто предпочел бы жить во времена Советского Союза, только молодеет; к тем, кто застал последние 10-15 лет существования СССР, присоединяются молодые люди и вовсе родившиеся после его распада. Их желание вернуть советские времена вызывает куда больше вопросов.

С чем связан такой ностальгический интерес к советскому прошлому, его культуре у молодежи? И какую роль в этом играют СМИ, в частности Интернет?

Сочетание «советская ностальгия» впервые озвучено социологом Б.Ю. Кагарлицким. Он считает основной причиной ее появления «идеологический и культурный вакуум», образовавшийся после распада СССР [4]. Ее же подтверждают и другие исследователи, в том числе Р.Э. Бараш. Этот исследователь отмечает, что «российская коллективная память формируется путем мифологизации событий прошлого через СМИ, а ее создателями выступают интеллигенция и политическая

элита, а также люди, уже являющиеся носителями социальной мифологии» [2, с. 132]. Логично предположить, что этот самый вакуум заполняется «советским мифом» в информационном пространстве, тем самым способствуя возникновению и распространению ностальгии об утраченной стране, романтическим настроениям об эпохе СССР.

Анализируя причину тоски по советскому прошлому у российской молодежи, стоит обратить внимание на такой научный метод, как исследования, проводимые социологическими центрами.

Если обратиться к российским ученым, анализирующим представления среднестатистических россиян о прошлом, то нельзя не отметить обширную эмпирическую базу, собранную сотрудниками «Левада-Центра» в рамках проекта «Советский человек» и включающую результаты пяти волн исследования общественных взглядов – 1989, 1994, 1999, 2003 и 2009 гг.

Молодое поколение, родившееся после распада Советского Союза, достаточно позитивно относится к советскому прошлому. Так, в статье Н. Зоркой «Ностальгия по прошлому, или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь» [3], написанной по результатам количественных исследований «Левада-Центра», говорится о том, что массовые базовые представления современной молодежи не слишком отличаются от ценностей предыдущих поколений, которых исследователи именуют «homo soveticus». Межпоколенческого ценностного конфликта так и не случилось, и надежды на то, что постсоветское поколение быстро усвоит демократические ценности, не оправдались. Зоркая приводит данные, согласно которым в 2005 г. 78% молодых людей были согласны (или скорее согласны) с высказыванием В. Путина о том, что распад Советского Союза стал величайшей геополитической катастрофой XX в. [3, с. 43].

При этом большинство молодых людей имеет крайне смутное представление о сталинском периоде истории. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в октябре 2007 г., на вопрос, какие впечатления, воспоминания, ассоциации вызывает 1937 год, что наиболее значительного происходило в стране в это время, около 70% представителей молодого поколения (18–24 года) не смогли дать ответа. Только у 23% молодежи этот год ассоциировался с массовыми репрессиями. По данным опроса ВЦИОМ февраля 2013 г., относительное большинство молодых людей (40% опрошенных) характеризует свое отношение к И.В. Сталину как безразличное. Популярны среди молодежи и позитивные оценки этого политического лидера: так, согласно результатам этого же опроса, 25% молодых людей заявляют, что относятся к Сталину с уважением.

Другое исследование проведено сотрудниками Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ (Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»). В сентябре–октябре 2012 г. были опрошены 100 студентов трех ведущих московских университетов (около 30 интервью в каждом): МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ–ВШЭ и МГИМО (У) МИД России. Преимущественно опрашивались студенты младших курсов, в частности те, кто родился уже после распада Советского Союза, а следовательно, не имели опыта жизни при советской системе. Медианный возраст респондентов составил 18 лет. Опрашиваемые студенты обучались на разных факультетах: гуманитарных, социально-экономических, естественно-научных, технических. Исследователи выбрали такую группу респондентов по нескольким причинам. Во-первых, данное исследование – продолжение проекта по изучению политических взглядов «элитной» студенческой молодежи. Во-вторых, они предполагали, что, анализируя представления молодого поколения о России и ее прошлом, смогут выделить основные политические ценности, на которые опирается данная группа, а следовательно, понять, чего ожидает студенческая молодежь от будущего и каковы ее запросы к государству в политическом плане.

Транскрипты интервью составили 407 страниц. Для качественного исследования 100 интервью – это очень объемный массив данных. Сложно было отнести оценки конкретного респондента СССР и современной России к однозначно положительным или отрицательным. Однако в большинстве интервью студенты говорили, что современная Россия – полный антипод советскому государству, и для того, чтобы проиллюстрировать разницу, проводили параллели между определенными сферами жизни общества.

В ходе анализа интервью были выявлены следующие четыре основные дихотомии, на которых студенты основывали свое сравнение СССР с современной Россией.

Основные дихотомии при сравнении СССР и современной России	
СССР	Современная Россия
Дружелюбная атмосфера, взаимопомощь	Недоверие друг к другу, чувство ненависти, враждебность
Идеология, объединяющая людей	Отсутствие национальной идеи
Советские культурные достижения	Прозападная массовая культура
Социальные гарантии	Социальная незащищенность
Великая держава	Слабое коррупционное государство

Как видно из результатов исследования, студентов ведущих московских университетов действительно волнует отсутствие в современной России единой объединяющей идеи, которой для Советского Союза был коммунизм. Студенты не знают, что могло бы сплотить современное общество, – чем можно гордиться в современной России.

При этом, размышляя о ценностях, вокруг которых можно было бы объединить современных россиян, никто из студентов не говорил о либеральных идеях: свободе, толерантности, плюрализме. Возможно, это связано с тем, что у студентов очень абстрактное представление о либерализме и о свободе, в частности.

Тот факт, что появляются проекты, которые пронизаны ностальгией по СССР, не является странным. Социокультурная катастрофа 1991 года до сих пор оставляет большую платформу для рефлексии и вдохновения. Играть с темой ностальгии по девяностым и восьмидесятым – это теперь невероятный тренд. С начала 2010-х он настолько укоренился в мировой поп-культуре, что в 2020-м году стало действительно трудно отличить, современное ли это произведение или «забытый шедевр» восьмидесятых.

«Внутри Лапенко» – российский комединый веб-сериал, стилизованный под эстетику 80-90-х гг. Действие происходит в выдуманной Вселенной, но в ней легко угадывается советская эпоха. Первоначально автор и исполнитель всех ролей Антон Лапенко создавал короткие видеоролики, но в 2019 году на YouTube вышел полноценный сериал, каждая серия которого собирала несколько миллионов просмотров.

Юмор по большей части абсурдный, но сериал также содержит множество пародий как на реалии той эпохи, так и на современность.

Хотя в создании сериала участвовали люди из Comedy Club Production, одной из причин успеха являлось также отсутствие привычных для этой компании шуток и брани. Невероятная магия, созданная благодаря детально проработанному советскому быту, автомобилям, одежде, музыке и, конечно, немалую лепту внес стиль съемки. Складывается ощущение, что снимали на только появившуюся на просторах Советского Союза видеокамеру, так как получилась картинка с характерными потертостями и царапинками.

«Внутри Лапенко» включает довольно много персонажей разной степени «окраски»: инженер; рок-музыканты; бандит; милиционер; журналист; певец; рабочий, пьющий чистый скипидар; девушка-стажер и др.

Инженер – центральный и, главное, самый «советский» персонаж сериала; это единственный персонаж, у которого есть конкретная привязка ко времени – все события, связанные с Инженером, происходят в 1986 году.

Инженер – это собирательный образ (у него даже нет имени), типичный «рабочий человек», который трудится на благо будущего. Образ Инженера мифологизирован: архетипичная внешность, манера вести разговор, одежда, атрибутика (очки, портфель); всё это создает образ человека советского. Он добрый, в то же время неуклюжий, но настолько идеализированный советский человек, что мы следим за развитием телесериала, и каждую серию у зрителя возникает всё большая симпатия к этому персонажу.

Положительное отношение к образу советского человека в сериале обусловила рождение в сети Интернет термина «эффект Лапенко». Под этим понимается тяга к советскому времени, невзирая на тот факт, что ты в это время и не жил.

Другим проектом, использующим в качестве материала эпоху Советского союза, является YouTube-канал «Виталий Орехов». Так же, как и Антон Лапенко, роль основных персонажей своего развлекательного канала исполняет сам Виталий. Но большинству его подписчиков нравится основной образ молодого – образ Бати, Дмитрия Федоровича. Эта роль, которая прославила Виталия настолько, что в другом амплуа его уже почти не воспринимают. Батя – «работяжистого» вида мужчина позднесоветского типа, оптимист и весельчак. В брежневско-горбачевский период он крепко стоял на ногах, вел спортивный образ жизни, но лихие 90-е надломили его. В поисках работы он перепробовал множество профессий, но постоянно работает только сторожем, остальные профессии – либо временные, либо шабашки. Отличительные признаки этого персонажа – вечные кепка-аэродром и засаленная тельняшка, усы, золотая фикса и гоготание в стиле Лелика из «Бриллиантовой руки». Батя выступает как опытный и наученный жизнью человек, самый настоящий пролетарий, который с недоумением смотрит на современное поколение и тоскует об ушедшей советской эпохе. В рамках блога он также ведет рубрику «Ржавая молодость», где обозревает советскую авто- и мототехнику.

Блогеры Антон Лапенко и Виталий Орехов – это дети России 90-х, которые толком и не жили в СССР, а знают о нем по рассказам своих родителей, бабушек и дедушек. И тем не менее их образы советских людей настолько органичны и правдоподобны, что вызывают у зрителей восхищение и ностальгию по ушедшим временам, а также желание окунуться в советскую действительность.

Ностальгия по советскому у молодежи – ностальгия социально-временного типа, связанная с идеализацией советского прошлого на основе позитивных исторических шаблонов и стереотипов, транслируемых российской коллективной памятью, конструируемой СМИ. Эта но-

стальгия, по сути, есть индикатор того, что в реальной жизни что-то складывается «не так». Как справедливо отмечают социологи, причины ностальгирования по прошлому скрываются в настоящем. Расставания с советской эпохой «…не произошло, да и не могло произойти – слишком многое из той эпохи не завершилось, осталось частью повседневной жизни, а то и институциональными основаниями российской жизни» [1].

Список цитируемой литературы:

1. Абрамов, Р. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ [Электронный ресурс] / Р. Абрамов // Inter. – 2011. – №6. – URL: http://soc.hse.ru/data/2011/06/28/1216315527/Abramov_inter_nostalgia_article.pdf (дата обращения: 28.09.2023).

2. Бараш, Р.Э. О некоторых причинах советской ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде / Р.Э. Бараш // Соц. наука и социальная практика. – 2017. – №4. – С. 124–151.

3. Зоркая, Н. Ностальгия по прошлому, или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь / Н.А. Зоркая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – №3 (89). – С. 35-46.

4. Кагарлицкий, Б.Ю. Советская ностальгия [Электронный ресурс] / Б.Ю. Кагарлицкий. – URL: https://www.russkiymir.ru/publications/86462/ (дата обращения: 16.09.2023).

Научное издание

Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты

Материалы Всероссийской очной научно-практической конференции

Липецк, 06 октября 2023 г.

Под редакцией Е.А. Барбашиной

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 8,25. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии издательства
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б,2